

Bodleian Libraries

UNIVERSITY OF OXFORD

This book is part of the collection held by the Bodleian Libraries and scanned by Google, Inc. for the Google Books Library Project.

For more information see:

<http://www.bodleian.ox.ac.uk/dbooks>

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 2.0 UK: England & Wales (CC BY-NC-SA 2.0) licence.

Confined to Library

~~308/2~~

✓PROV.

NEVILL FORBES BEQUEST

PG 3340. A1. 1859 (2)

= Rep. Slav. 257

СОЧИНЕНІЯ

А. С. ПУШКИНА.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

ПОЭМЫ, СКАЗКИ, ПѢСНИ ЗАПАДНЫХЪ СЛАВЯНЪ.

ИЗДАНИЕ Я. А. ИСАКОВА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1859.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, 11 Сентября 1858 года.

Ценсоръ *В. Бекетовъ.*

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ПРАЦА.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ПОЭМЫ, СКАЗКИ, ПѢСНИ ЗАПАДНЫХЪ СЛАВЯНЪ.

I.

РУСЛАНЪ И ЛЮДМИЛА.

(1817—1820.)

ПОСВЯЩЕНІЕ.

*Для васъ, души моей царицы,
Красавицы, для васъ однихъ
Временъ минувшихъ небылицы,
Въ часы досуговъ золотыхъ,
Подъ шепотъ старины болтливой
Рукою вѣрной я писалъ;
Примите жъ въ мой трудъ иривой. —
Ни чьихъ не требуя похвалъ,
Счастливъ ужъ я надеждой сладкой,
Что дѣва съ трепетомъ любви
Посмотритъ, можетъ быть, украдкой
На пѣсни грѣшныя мои.*

ПРОЛОГЪ.

У лукоморья дубъ зеленый,
Златая цѣпь на дубѣ томъ :
И днемъ и ночью котъ ученый
Все ходитъ по цѣпи кругомъ ;
Идетъ направо — пѣснь заводитъ,
Налѣво — сказку говоритъ.

Тамъ чудеса : тамъ лѣшій бродитъ,
Русалка на вѣтвяхъ сидитъ ;
Тамъ на невѣдомыхъ дорожкахъ
Слѣды невиданныхъ звѣрей ;
Избушка тамъ на курьихъ ножкахъ
Стоитъ безъ оконъ, безъ дверей ;
Тамъ лѣсъ и долъ видѣній полны ;
Тамъ о зарѣ прихлынуть волны
На брегъ песчаный и пустой,
И тридцать витязей прекрасныхъ
Чредой изъ водъ выходятъ ясныхъ
И съ ними дядька ихъ морской ;
Тамъ королевичъ мимоходомъ
Плѣняетъ грознаго царя ;
Тамъ въ облакахъ передъ народомъ

Черезъ лѣса, черезъ моря
Колдунъ несетъ богатыря ;
Въ темницѣ тамъ царевна тужить,
А бурый волкъ ей вѣрно служить ;
Тамъ ступа съ бабою ягой
Идетъ—бредетъ сама собой ;
Тамъ царь Кощей надъ златомъ чахнетъ ;
Тамъ Русскій духъ.... тамъ Русью пахнетъ !
И тамъ я былъ, и медъ я пилъ ,
У моря видѣлъ дубъ зеленый,
Подъ нимъ сидѣлъ ; и котъ ученый
Свои мнѣ сказки говорилъ.
Одну я помню — сказку эту
Повѣдаю теперь я свѣту....

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

Дѣла давно минувшихъ дней,
Преданья старины глубокой.

Въ толпѣ могучихъ сыновей,
Съ друзьями, въ гريدницѣ высокой
Владиміръ—солнце пироваль :
Меньшую дочь онъ выдавалъ
За князя храбраго Руслана,
И медь изъ тяжкаго стакана
За ихъ здоровье выпивалъ.
Не скоро ѣли предки наши,
Не скоро двигались кругомъ
Ковши, серебряныя чаши
Съ кипящимъ пивомъ и виномъ.
Они веселье въ сердце лили,
Шипѣла пѣна по краямъ,
Ихъ важно чашники носили
И низко кланялись гостямъ.
Слилися рѣчи въ шумъ невнятный ;
Жужжитъ гостей веселый кругъ ;

Но вдругъ раздался гласъ пріятный
И звонкихъ гуслей бѣглый звукъ.
Всѣ смолкли, слушаютъ Баяна :
И славить сладостный цѣвецъ
Людмилу—прелесть и Руслана
И Лелемъ свитый имъ вѣнецъ.

Но страстью пылкой утомленный,
Не ѣсть, не пьетъ Русланъ влюбленный,
На друга милого глядитъ,
Вздыхаетъ, сердится, горитъ,
И, щипля усъ отъ нетерпѣнья,
Считаетъ каждая мгновенья.
Въ уныньи, съ пасмурнымъ челомъ,
За шумнымъ, свадебнымъ столомъ
Сидятъ три витязя молодые ;
Безмолвны, за ковшемъ пустымъ,
Забыли кубки круговые
И брашны неприятны имъ ;
Не слышатъ вѣщаго Баяна,
Потупили смущенный взглядъ —
То три соперника Руслана ;
Въ душѣ несчастные таятъ
Любви и ненависти ядъ.
Одинъ — Рогдай, воитель смѣлый,
Мечемъ раздвинувшій предѣлы
Богатыхъ Кіевскихъ полей ;
Другой — Фарлафъ, крикунъ надменный,
Въ пирахъ ни кѣмъ не побѣжденный,
Но воинъ скромный средь мечей ;
Послѣдній, полный страстной думы ,
Младой Хазарскій ханъ Ратмиръ.

Всѣ трое блѣдны и угрюмы,
И пирь веселый имъ не въ пирь.

Вотъ конченъ онъ, встаютъ рядами,
Смѣшались шумными толпами,
И всѣ глядятъ на молодыхъ :
Невѣста очи опустила,
Какъ будто сердцемъ приуныла,
И свѣтель радостный женихъ.
Но тѣнь объемлетъ всю природу,
Ужъ близко къ полночи глухой ;
Бояре, задремавъ отъ мѣду,
Съ поклономъ убрались домой.
Женихъ въ восторгѣ, въ упоеньи :
Ласкаетъ онъ въ воображеньи
Стыдливой дѣвы красоту ;
Но съ тайнымъ, грустнымъ умиленьемъ
Великій Князь благословеньемъ
Даруетъ юную чету.

И вотъ невѣсту молодую
Ведутъ на брачную постель ;
Огни погасли... и ночную
Лампаду зажигаетъ Лель.
Свершились мимыя надежды !
Любви готовятся дары ;
Падутъ ревнивыя одежды
На Цареградскіе ковры....
Вы слышите ль влюбленный шепотъ,
И поцѣлуевъ сладкій звукъ,
И прерывающійся ропотъ
Послѣдней робости?... Супругъ

Восторги чувствуетъ заранѣ —
И вотъ они настали.... вдругъ
Громъ грянулъ, свѣтъ блеснулъ въ туманѣ,
Лампада гаснетъ, дымъ бѣжитъ,
Кругомъ все смеркло, все дрожитъ,
И замерла душа въ Русланѣ....
Все смолкло. Въ грозной тишинѣ
Раздался дважды голось странной,
И кто-то въ дымной глубинѣ
Взвился чернѣ мглы туманной....
И снова теремъ пусть и тихъ.
Встаетъ испуганный женихъ ;
Съ лица катится потъ остылой ;
Трепеща, хладною рукой
Онъ вопрошаетъ мракъ нѣмой....
О горе, нѣтъ подруги милой !
Хватаетъ воздухъ онъ пустой —
Людмилы нѣтъ, во тмѣ густой
Похищена безвѣстной силой !

Ахъ, если мученикъ любви
Страдаетъ страстью безнадежно,
Хоть грустно жить, друзья мои,
Однако жить еще возможно.
Но послѣ долгихъ, долгихъ лѣтъ
Обнять влюбленную подругу,
Желаній, слезъ, тоски предметъ, —
И вдругъ минутную супругу
Навѣкъ утратить.... о, друзья,
Конечно лучше бь умерь я !

Однако живъ Русланъ несчастной.
Но что сказалъ Великій Князь ?

Сраженный вдругъ молвой ужасной,
На зятя гнѣвомъ распалясь,
Его и дворъ онъ созываетъ :
«Гдѣ, гдѣ Людмила?» вопрошаетъ
Съ ужаснымъ, пламеннымъ челомъ.
Русланъ не слышитъ. — «Дѣти, други!
Я помню прежнія заслуги :
О, скажитесь вы надъ старикомъ !
Скажите, кто изъ васъ согласенъ
Скакать за дочерью моею ?
Чей подвигъ будетъ ненапрасенъ,
Тому — терзайся, плачь, злодѣй —
Не могъ сберечь жены своей,
Тому я дамъ ее въ супруги
Съ полцарствомъ прадедовъ моихъ.
Кто жъ вызовется, дѣти, други?...»
— Я! молвилъ горестный женихъ.
«Я! я!» воскликнули съ Рогдаемъ
Фарлафъ и радостный Ратмиръ :
Сейчасъ коней своихъ сѣдаемъ,
Мы рады весь изѣздить міръ.
Отецъ нашъ, не продлимъ разлуки !
Не бойся, ѣдемъ за княжной!»
И съ благодарностью нѣмой
Въ слезахъ къ нимъ простираетъ руки
Старикъ, измученный тоской.

Всѣ четверо выходятъ вмѣстѣ.
Русланъ унынемъ какъ убить ;
Мысль о потерянной невѣстѣ
Его терзаетъ и мертвитъ.
Садятся на коней ретивыхъ ;

Вдоль береговъ Днѣпра счастливыхъ
Летятъ въ клубящейся пыли ;
Уже скрываются вдали,
Ужъ всадниковъ не видно болѣ....
Но долго все еще глядитъ
Великій Князь въ пустое поле,
И думой имъ во слѣдъ летитъ....

Русланъ томился молчаливо,
И мысль и память потерявъ ;
Черезъ плечо глядя спѣсиво
И важно подбочась, Фарлафъ
Надувшись ѣхалъ за Русланомъ.
Онъ говоритъ : «Насилу я
На волю вырвался, друзья !
Ну, скоро ль встрѣчусь съ великаномъ ?
Ужъ то-то крови будетъ течь,
Ужъ то-то жертвъ любви ревнивой !...
Повеселись, мой вѣрный мечъ,
Повеселись, мой конь ретивой !»

Хазарскій Ханъ, въ умѣ своемъ
Уже Людмилу обнимая,
Едва не пляшетъ надъ сѣдомъ ;
Въ немъ кровь играетъ молодая,
Огня надежды полонъ взоръ ;
То скачетъ онъ во весь опоръ,
То дразнить бѣгуна лихаго,
Кружить, подъемлетъ на дыбы,
Иль дерзко мчитъ на холмы снова.

Рогдай угрюмъ, молчитъ — ни слова....
Страшась невѣдомой судьбы

И мучась ревностью напрасной,
Всѣхъ больше безпокоенъ онъ,
И часто взоръ его ужасной
На князя мрачно устремленъ.

Соперники одной дорогой
Всѣ вмѣстѣ ѣдутъ цѣлый день.
Днѣпра сталъ темень брегъ отлогой ;
Съ востока льется ночи тѣнь ;
Туманы надъ Днѣпромъ глубокимъ ;
Пора конямъ ихъ отдохнуть.
Вотъ подъ горой путемъ широкимъ
Широкой пересѣкъся путь.
«Разъѣдемся, пора!» сказали :
«Безвѣстной ввѣримся судьбѣ.»
И каждый конь, не чуя стали,
По волѣ путь избралъ себѣ.

Что дѣлаешь, Русланъ несчастный,
Одинъ въ пустынной тишинѣ ?
Людмилу, свадьбы день ужасный,
Все, мнится, видѣлъ ты во снѣ !
На брови мѣдный шлемъ надвинувъ,
Изъ мощныхъ рукъ узду покинувъ,
Ты шагомъ ѣдешь межъ полей,
И медленно въ душѣ твоей
Надежда гибнетъ, гаснетъ вѣра....

Но вдругъ предъ витяземъ пещера,
Въ пещерѣ свѣтъ. Онъ прямо къ ней
Идетъ подъ дремлющія своды,
Ровесники самой природы.

Вошелъ съ уныньемъ, что-же зрить ?
Въ пещерѣ старецъ : ясный видъ,
Спокойный взоръ, брада сѣдая ;
Лампада передъ нимъ горитъ ;
За древней книгой онъ сидитъ,
Ее внимательно читая.

« Добро пожаловать, мой сынъ ! »
Сказалъ съ улыбкой онъ Руслану :
« Ужъ двадцать лѣтъ я здѣсь одинъ
Во мракъ старой жизни вяну ;
Но наконецъ дождался дня,
Давно предвидѣннаго мною.
Мы вмѣстѣ сведены судьбою ;
Садись и выслушай меня.
Русланъ, лишился ты Людмилы ;
Твой твердый духъ теряетъ силы ;
Но зла промчится быстрый мигъ :
На время рокъ тебя постигъ.
Съ надеждой, вѣрою веселой
Иди на все, не унывай,
Впередъ ! мечемъ и грудью смѣлой.
Свой путь на полночь пробивай.

« Узнай, Русланъ — твой оскорбитель
Волшебникъ, страшный Черноморъ,
Красавицъ давній похититель,
Полнощныхъ обладатель горъ.
Еще ни чей въ его обитель
Не проникалъ донинѣ взоръ ;
Но ты, злыхъ козней истребитель,
Въ нее ты вступишь, и злодѣй
Погибнетъ отъ руки твоей !

Тебѣ сказать не долженъ болѣ.
Судьба твоихъ грядущихъ дней,
Мой сынъ, въ твоей отнынѣ волѣ.»

Нашъ витязь старцу палъ къ ногамъ,
И въ радости лобзаетъ руку.
Свѣтлѣетъ міръ его очамъ,
И сердце позабыло муку.
Вновь ожилъ онъ, и вдругъ опять
На вспыхнувшемъ лицѣ кручина....
«Ясна тоски твоей причина,
Но грусть не трудно разогнать»,
Сказалъ старикъ : «тебѣ ужасна
Любовь сѣдаго колдуна ;
Спокойся, знай — она напрасна,
И юной дѣвѣ не страшна.
Онъ звѣзды сводитъ съ небосклона,
Онъ свиснетъ — задрожитъ луна ;
Но противъ времени закона
Ему наука не сильна.
Ревнивый, трепетный хранитель
Замковъ безжалостныхъ дверей,
Онъ только немощный мучитель.
Прелестной плѣнницы своей :
Вокругъ нея онъ молча бродитъ,
Клянеть жестокой жребій свой....
Но, добрый витязь, день проходитъ,
А нуженъ для тебя покой.»

Русланъ на мягкій мохъ ложится
Предъ умирающимъ огнемъ ;
Онъ ищетъ позабыться сномъ,

Вздыхаетъ, медленно вертится....
Напрасно! Витязь наконецъ :
«Не спится что-то, мой отецъ.
Что дѣлать! боленъ я душою,
И сонъ не въ сонъ, какъ тошно жить!
Позволь мнѣ сердце освѣжить
Твоей бесѣдою святою.
Прости мнѣ дерзостный вопросъ,
Откройся: кто ты, благодатный,
Судьбы наперсникъ непонятный,
Въ пустыню кто тебя занесъ?»

Вздохнувъ съ улыбкою печальной,
Старикъ въ отвѣтъ: «Любезный сынъ,
Ужъ я забылъ отчизны дальной
Угрюмый край. Природный Финъ,
Въ долинахъ, намъ однимъ извѣстныхъ,
Гоня стадо селъ окрестныхъ,
Въ безпечной юности я зналъ
Однѣ дремучія дубравы,
Ручьи, пещеры нашихъ скалъ,
Да дикой бѣдности забавы.
Но жить въ отрадной тишинѣ
Дано не долго было мнѣ.

Тогда близъ нашего селенья,
Какъ милый цвѣтъ уединенья,
Жила Наина. Межъ подругъ
Она гремѣла красотою.
Однажды утренней порою
Свои стада на темный лугъ
Я гналъ, волюнку надувая;

Передо мной шумѣлъ потокъ.
Одна, красавица младая
На берегу плела вѣнокъ.
Меня влекла моя судьбина...
Ахъ, витязь, то была Наина!
Я къ ней — и пламень роковой
За дерзкій взоръ мнѣ былъ наградой.
И я любовь узналъ душой
Съ ея небесною отрадой,
Съ ея мучительной тоской!

Умчалась года половина;
Я съ трепетомъ открылся ей,
Сказалъ: люблю тебя, Наина.
Но робкой горести моей
Наина съ гордостью внимала,
Лишь прелести свои любя,
И равнодушно отвѣчала:
Пастухъ, я не люблю тебя!

И все мнѣ дико, мрачно стало:
Родная куща, тѣнь дубровъ,
Веселы игры пастуховъ —
Ничто тоски не утѣшало.
Въ уныньи сердце сохло, вяло;
И наконецъ задумалъ я
Оставить Финскія поля,
Морей невѣрныя пучины
Съ дружиной братской переплыть,
И бранной славой заслужить
Вниманье гордое Наины.
Я вызвалъ смѣлыхъ рыбаковъ

Искать опасностей и злата.
Впервые тихій край отцовъ.
Услышалъ бранный звукъ булата
И шумъ немирныхъ челноковъ.
Я вдалъ уплылъ, надежды полный,
Съ толпой безстрашныхъ земляковъ ;
Мы десять лѣтъ снѣга и волны
Багрили кровію враговъ.
Молва неслась ; цари чужбины
Страшились дерзости моей,
Ихъ горделивыя дружины
Бѣжали сѣверныхъ мечей.
Мы весело, мы грозно бились,
Дѣлили дани и дары,
И съ побѣжденными сажались
За дружелюбные пиры.
Но сердце, полное Наиной,
Подъ шумомъ битвы и пировъ
Томилось тайною кручиной,
Искало Финскихъ береговъ.
Пора домой, сказалъ я, други !
Повѣсимъ праздныя кольчуги
Подъ сѣною хижины родной.
Сказалъ — и весла зашумѣли ;
И, страхъ оставя за собой,
Въ заливъ отчизны дорогой
Мы съ гордой радостью влетѣли.

Сбылись давнишнія мечты,
Сбылися пылкія желанья !
Минута сладкаго свиданья,
И для меня блеснула ты !

Къ ногамъ красавицы надменной
Принесъ я мечъ окровавленной,
Кораллы, злато и жемчугъ ;
Предъ нею страстью упоенный,
Безмолвнымъ роемъ окруженный
Ея завистливыхъ подругъ,
Стоялъ я плѣнникомъ послушнымъ ;
Но дѣва скрылась отъ меня,
Примолвъ съ видомъ равнодушнымъ :
Герой, я не люблю тебя !

Къ чему рассказывать, мой сынъ,
Чего пересказать нѣтъ силы ?
Ахъ, и теперь одинъ, одинъ,
Душой уснувъ, въ дверяхъ могилы,
Я помню горестъ, и порой,
Какъ о минувшемъ мысль родится,
По бородѣ моей сѣдой
Слеза тяжелая катится.

Но слушай : въ родинѣ моей,
Между пустынныхъ рыбаей
Наука дивная таится.
Подъ кровомъ вѣчной тишины,
Среди лѣсовъ, въ глуши далекой
Живутъ сѣдые колдуны ;
Къ предметамъ мудрости высокой
Всѣ мысли ихъ устремлены ;
Все слышитъ голось ихъ ужасный,
Что было и что будетъ вновь,
И грозной волѣ ихъ подвластны
И гробъ, и самая любовь.

И я, любви искатель жадной,
Рѣшимся въ грусти безотрадной
Наину чарами привлечь,
И въ гордомъ сердцѣ дѣвы холодной
Любовь волшебствами зажечь.
Спѣшилъ въ объятія свободы,
Въ уединенный мракъ лѣсовъ ;
И тамъ, въ ученьи колдуновъ,
Провелъ невидимые годы.
Насталъ давно желанный мигъ,
И тайну страшную природы
Я свѣтлой мыслию постигъ :
Узналъ я силу заклинаньямъ ;
Вѣнецъ любви, вѣнецъ желаньямъ !
Теперь, Наина, ты моя !
Побѣда наша, думалъ я.
Но въ самомъ дѣлѣ, побѣдитель
Былъ рокъ, упорный мой гонитель.

Въ мечтахъ надежды молодой,
Въ восторгѣ пылаго желанья,
Творю поспѣшно заклинанья,
Зову духовъ — и въ тмѣ лѣсной
Стрѣла промчалась громовая,
Волшебный вихорь поднялъ вой,
Земля вздрогнула подъ ногой....
И вдругъ сидитъ передо мной,
Глазами впалыми сверкая,
Старушка дряхлая, сѣдая,
Съ горбомъ, съ трясучей головой —
Печальной ветхости картина.
Ахъ, витязь, то была Наина !

Я ужаснулся и молчалъ,
Глазами страшный призракъ мѣрилъ,
Въ сомнѣнны все еще не вѣрилъ,
И вдругъ заплакалъ, закричалъ:
Возможно ль! ахъ, Наина, ты ли!
Наина, гдѣ твоя краса?
Скажи, уже ли небеса
Тебя такъ страшно измѣнили?
Скажи, давно ль, оставя свѣтъ,
Разстался я съ душой и съ милой?
Давно ли?... «Ровно сорокъ лѣтъ!»
Былъ дѣвы роковой отвѣтъ:
«Сегодня семьдесятъ мнѣ било.
Что дѣлать!» мнѣ нищитъ она,
«Толпою годы пролетѣли,
Прошла моя, твоя весна —
Мы оба постарѣть успѣли.
Но, другъ, послушай: не бѣда
Невѣрной младости утрата.
Конечно, я теперь сѣда,
Немножко, можетъ быть, горбата,
Не то, что встарину была,
Не такъ жива, не такъ мила,
За то (прибавила болтунья)
Открою тайну: я колдунья!»

И было въ самомъ дѣлѣ такъ.
Нѣмой, недвижный передъ нею,
Я совершенный былъ дуракъ
Со всей премудростью моею.

Но вотъ ужасно: колдовство
Вполнѣ свершилось по несчастью.

Мое сѣдое божество
Ко мнѣ пылало новой страстью.
Скрививъ улыбкой страшный ротъ,
Могильнымъ голосомъ, уродъ
Бормочетъ мнѣ любви признанье.
Вообрази мое страданье!
Я трепеталъ потупя взоръ;
Она сквозь кандель продолжала
Тяжелый, страстный разговоръ:
«Такъ, сердце я теперь узнала;
Я вижу, вѣрный другъ, оно
Для нѣжной страсти рождено;
Проснулись чувства, я стараю,
Томлюсь желаньями любви....
Прійди въ объятія мои....
О милый, милый, умираю!...»

И между тѣмъ она, Русланъ,
Мигала томными глазами,
И между тѣмъ за мой кафтанъ
Держалась тощими руками;
И между тѣмъ я обмиралъ,
Отъ ужаса зажмуря очи;
И вдругъ терпѣть не стало мочи,
Я съ крикомъ вырвался, бѣжалъ,
Она во слѣдъ: «О недостойный!
Ты возмутилъ мой вѣкъ спокойный,
Невинной дѣвы ясны дни!
Добился ты любви Наины,
И презираешь — вотъ мужчины!
Измѣной дышутъ всѣ они!
Увы, сама себя вини;

Онъ обольстилъ меня, несчастной!
Я отдалась любви страстной....
Измѣнникъ! извергъ! О позоръ!
Но трепещи, дѣвичій воръ!»

Такъ мы разстались. Съ этихъ поръ
Живу въ своемъ уединеньѣ
Съ разочарованной душой;
И въ мѣрѣ старцу утѣшенье
Природа, мудрость и покой.
Уже зоветъ меня могила,
Но чувства прежнія свои
Еще старушка не забыла,
И пламя позднее любви
Съ досады въ злобу превратила.
Душою черной зло любя,
Колдунья старая, конечно,
Возненавидитъ и тебя,
Но горе на землѣ не вѣчно!»

Нашъ витязь съ жадностью внималъ
Разказы старца; ясны очи
Дремотой легкой не смыкалъ,
И тихаго полета ночи
Въ глубокой думѣ не слыжалъ.
Но день блистаетъ лучезарный....
Со вздохомъ витязь благодарный
Объемлетъ старца-колдуна;
Душа надеждою полна;
Выходитъ вонъ. Ногами стиснулъ
Русланъ заржавшаго коня;
Въ сѣдлѣ оправился, присвиснулъ :

«Отецъ мой, не оставь меня!»
И скачетъ по пустому лугу!
Съдой мудрецъ младому другу
Кричитъ во слѣдъ: «Счастливый путь!
Прости, люби свою супругу,
Совѣтовъ старца не забудь!»

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

Соперники въ искусствѣ брани,
Не знайте мира межъ собой;
Несите мрачной славѣ дани,
И упивайтесь враждой!
Пусть міръ предъ вами цѣпенѣтъ,
Никто о васъ не пожалѣтъ,
Никто не помѣшаетъ вамъ.
Соперники другаго рода,
Вы, рыцари Парнасскихъ горъ,
Старайтесь не смѣшить народа
Нескромнымъ шумомъ вашихъ ссоръ,
Бранитесь, только осторожно.
Но вы, соперники въ любви,
Живите дружно, если можно.
Повѣрьте мнѣ, друзья мои:
Кому судьбою непремѣнной
Дѣвичье сердце суждено,
Тотъ будетъ милъ на зло вселенной;
Сердиться глупо и грѣшно.

Когда Рогдай неукротимый,
Глухимъ предчувствіемъ томимый,
Оставя спутниковъ своихъ,
Пустился въ край уединенный,
И ѣхалъ межъ пустынь лѣсныхъ,
Въ глубоку думу погруженный, —
Злой духъ тревожилъ и смущалъ
Его тоскующую душу,
И витязь пасмурный шепталъ:
«Убью!... преграды всѣ разрушу....
Русланъ!... узнаешь ты меня....
Теперь-то дѣвица поплачетъ....»
И вдругъ, поворотивъ коня,
Во весь опоръ назадъ онъ скачетъ.

Въ то время доблестный Фарлафъ,
Все утро сладко продремавъ,
Укрывшись отъ лучей полдневныхъ,
У ручейка, наединѣ,
Для подкрѣпленья силъ душевныхъ,
Обѣдалъ въ мирной тишинѣ, —
Какъ вдругъ онъ видитъ, кто-то въ полѣ,
Какъ буря, мчится на конѣ;
И, времени не тратя болѣ,
Фарлафъ, покинувъ свой обѣдъ,
Копье, кольчугу, шлемъ, перчатки,
Вскочилъ въ сѣдло, и безъ оглядки
Летитъ — а тотъ за нимъ во слѣдъ:
«Остановись, бѣглець безчестный!»
Кричитъ Фарлафу неизвѣстный,
«Презрѣнный, дай себя догнать,
Дай голову съ тебя сорвать!»

Фарлафъ, узнавши гласъ Рогдая,
Со страха скорчась, обмиралъ,
И, вѣрной смерти ожидая,
Коня еще быстрѣ гналъ.
Такъ точно заяцъ торопливой,
Прижавши уши, боязливо,
По кочкамъ, полемъ, сквозь лѣса
Скачками мчится ото пса.
На мѣстѣ славнаго побѣга,
Весной растопленного снѣга
Потоки мутные текли
И рыли влажную грудь земли.
Ко рву примчался конь ретивой,
Взмахнулъ хвостомъ и бѣлой гривой,
Бразды стальные закусилъ
И черезъ ровъ перескочилъ ;
Но робкій всадникъ вверхъ ногами
Свалился тяжело въ грязный ровъ,
Земли не взвидѣлъ съ небесами,
И смерть принять ужъ былъ готовъ.
Рогдай къ оврагу подлетаетъ,
Жестокій мечъ ужъ занесенъ.
« Погибни, трусь ! умри ! » вѣщаетъ....
Вдругъ узнаетъ Фарлафа онъ ;
Глядитъ, и руки опустили ;
Досада, изумленье, гнѣвъ
Въ его чертахъ изобразились ;
Скрипя зубами, онѣмѣвъ,
Герой, съ поникшею главою
Скорѣй отъѣхавъ ото рва,
Бѣсился... но едва-едва
Самъ не смѣялся надъ собою.

Тогда онъ встрѣтилъ подъ горой
Старушечку чуть-чуть живую,
Горбатую, совсѣмъ сѣдую.
Она дорожною клюкой
Ему на сѣверъ указала:
«Ты тамъ найдешь его», сказала.
Рогдай весельемъ закипѣлъ
И къ вѣрной смерти полетѣлъ.

А нашъ Фарлафъ? Во рву остался,
Дохнуть не смѣя, просебя
Онъ, лежа, думалъ: живъ ли я?
Куда соперникъ злой дѣвался?
Вдругъ слышитъ прямо надъ собой
Старухи голосъ гробовой:
«Встань, молодецъ, все тихо въ полѣ;
Ты никого не встрѣтишь болѣ;
Я привела тебѣ коня;
Вставай, послушайся меня.»

Смущенный витязь поневолѣ
Ползкомъ оставилъ грязный ровъ;
Окрестность робко озирая,
Вздохнулъ и молвилъ оживая:
«Ну, слава Богу, я здоровъ!» —

«Повѣрь!» старуха продолжала:
«Людмилу мудрено сыскать;
Она далеко забѣжала,
Не намъ съ тобой ее достать.
Опасно разбѣзжать по свѣту;
Ты, право, будешь самъ не радъ.»

Послѣдуй моему совѣту,
Ступай тихохонько назадъ.
Подъ Кіевомъ, въ уединеньѣ,
Въ своемъ наследственномъ селеньѣ
Останься лучше безъ заботъ :
Отъ насъ Людмила не уйдетъ ! »

Сказавъ , исчезла. Въ нетерпѣньѣ
Благоразумный нашъ герой
Тотчасъ отправился домой ,
Сердечно позабывъ о славѣ,
И даже о княжнѣ молодой ;
И шумъ малѣйшій по дубравѣ,
Полетъ синицы, ропотъ водъ
Его бросали въ жаръ и въ потъ.

Межъ тѣмъ Русланъ далеко мчится
Въ глуши лѣсовъ, въ глуши полей
Привычной душою стремится
Къ Людмиѣ, радости своей,
И говорить : « Найду ли друга?
Гдѣ ты, души моей супруга?
Увижу ль я твой свѣтлый взоръ,
Услышу ль нѣжный разговоръ?
Иль суждено, чтобъ чародѣя
Ты вѣчной плѣнницей была,
И, скорбной дѣвою старѣя,
Въ темницѣ мрачной отцвѣла?
Или соперникъ дерзновенный
Прійдетъ?... Нѣтъ, нѣтъ, мой другъ безцѣнный,
Еще при мнѣ мой вѣрный мечъ,
Еще глава не пала съ плечъ. »

Однажды, темною порою,
По камнямъ, берегомъ крутымъ
Нашъ витязь ѣхалъ надъ рѣкою.
Все утихало. Вдругъ за нимъ
Стрѣлы мгновенное жужжанье,
Кольчуги звонъ, и крикъ, и ржанье,
И топотъ по полю глухой.
«Стой!» грянулъ голосъ громовой.
Онъ оглянулся — въ полѣ чистомъ,
Поднявъ копьѣ, летитъ со свистомъ
Свирѣпый всадникъ, — и грозой
Помчался князь ему навстрѣчу.
«Ага! догналъ тебя! постой!»
Кричитъ наѣздникъ удалой:
«Готовься, другъ, на смертну сѣчу;
Теперь ложись средь здѣшнихъ мѣстъ,
А тамъ ищи своихъ невѣстъ.»
Русланъ вспылалъ, вздрогнулъ отъ гнѣва;
Онъ узнаетъ сей буйный гласъ....

Друзья мои, а наша дѣва?
Оставимъ витязей на часъ,
О нихъ опять я вспомню вскорѣ.
А то давно пора бы мнѣ
Подумать о молодой княжнѣ
И объ ужасномъ Черноморѣ.

Моей причудливой мечты
Наперсникъ иногда нескромной,
Я рассказалъ, какъ ночью темной
Людмилы нѣжной красоты
Отъ воспаленнаго Руслана

Сокрылись вдругъ среди тумана.
Несчастливая! Когда злодѣй,
Рукою мощною своей
Тебя сорвавъ съ постели брачной,
Взвился какъ вихорь къ облакамъ
Сквозь тяжкій дымъ и воздухъ мрачной,
И вдругъ умчалъ къ своимъ горамъ —
Ты чувствъ и памяти лишилась,
И въ страшномъ замкѣ колдуна,
Безмолвна, трепетна, блѣдна,
Въ одно мгновенье очутилась.

Съ порога хижины моей
Такъ видѣлъ я, средь лѣтнихъ дней,
Когда за курицей трусливой,
Султанъ курятника спѣсивой,
Пѣтухъ мой, по двору бѣжалъ,
И сладострастными крылами
Уже подругу обнималъ;
Надъ ними хитрыми кругами
Цыплятъ селеня старый воръ,
Пріявъ губительныя мѣры,
Носился, плавалъ коршунъ сѣрый,
И палъ какъ молнія на дворъ.
Взвился, летитъ. Въ когтяхъ ужасныхъ,
Во тму разсѣминъ безопасныхъ
Уноситъ бѣдную, злодѣй.
Напрасно горестью своей
И хладнымъ страхомъ пораженный,
Зоветь любовницу пѣтухъ....
Онъ видитъ лишь летучій пухъ,
Летучимъ вѣтромъ занесенный.

До утра юная княжна
Лежала, тягостнымъ забвеньемъ,
Какъ будто страннымъ сновидѣньемъ
Объята; наконецъ она
Очнулась, пламеннымъ волненъемъ
И смутнымъ ужасомъ полна;
Душой летитъ за наслажденьемъ,
Кого-то ищетъ съ упоеньемъ:
Гдѣ жъ милый, шепчетъ, гдѣ супругъ?
Зоветъ, и помертвѣла вдругъ.
Глядитъ съ боязнію вокругъ....
Людмила, гдѣ твоя свѣтлица?
Лежитъ несчастная дѣвица
Среди подушекъ пуховыхъ,
Подъ гордой сѣнью балдахина;
Завѣсы, пышная перина
Въ кистяхъ, въ узорахъ дорогихъ;
Повсюду ткани парчевыя;
Играютъ яхонты, какъ жаръ;
Кругомъ курильницы златыя
Подъемлютъ ароматный паръ;
Довольно.... *) благо мнѣ не надо
Описывать волшебный домъ:
Уже давно Шехеразада
Меня предупредила въ томъ.
Но свѣтлый теремъ не отрада,
Когда не видимъ друга въ немъ!

Три дѣвы красоты чудесной,
Въ одеждѣ легкой и прелестной

*) Въ первомъ изданіи: «Вездѣ.... по благо мнѣ не надо».

Княжнѣ явились, подошли,
И поклонились до земли.
Тогда неслышными шагами
Одна поближе подошла,
Княжнѣ воздушными перстами
Златую косу заплела
Съ искусствомъ, въ наши дни не новымъ,
И обвила вѣнцомъ перловымъ
Окружность блѣднаго чела.
За нею, скромно взоръ склоняя,
Потомъ приблизилась другая —
Лазурный, пышный сарафанъ
Одѣлъ Людмилы стройный станъ;
Покрылись кудри золотыя,
И грудь, и плечи молодыя
Фатой прозрачной, какъ туманъ.
Покровъ завистливый лобзаетъ
Красы, достойныя небесъ,
И обувь легкая сжимаетъ
Двѣ ножки, чудо изъ чудесъ!
Княжнѣ послѣдняя дѣвица
Жемчужный поясъ подаетъ.
Межъ тѣмъ незримая пѣвица
Веселы пѣсни ей поетъ.
Увы, ни камни, ожерелья,
Ни сарафанъ, ни перловъ рядъ,
Ни пѣсни лести и веселья
Ея души не веселятъ;
Напрасно зеркало рисуетъ
Ея красы, ея нарядъ —
Потупя неподвижный взглядъ,
Она молчитъ, она тоскуетъ.

Тѣ, кои, правду возлюбя,
На темномъ сердца днѣ читали,
Конечно; знаютъ просебя,
Что если женщина въ печали,
Сквозь слезъ, украдкой какъ нибудь,
На зло привычекъ и разсудку
Забудеть въ зеркало взглянуть —
То грустно ей ужъ не на шутку.

Но вотъ Людмила вновь одна.
Не зная что начать, она
Къ окну рѣшетчату подходитъ,
И взоръ ея печально бродитъ
Въ пространствѣ пасмурной дали.
Все мертво. Снѣжныя равнины
Коврами яркими легли;
Стоять угрюмыхъ горъ вершины
Въ однообразной бѣлизнѣ
И дремлютъ въ вѣчной тишинѣ;
Кругомъ не видно дымной кровли,
Не видно путника въ снѣгахъ,
И звонкій рогъ веселой ловли
Въ пустынныхъ не трубить горахъ;
Лишь изрѣдка съ унылымъ свистомъ
Бунтуетъ вихоръ въ полѣ чистомъ,
И на краю сѣдыхъ небесъ
Качаетъ обнаженный лѣсъ.

Въ слезахъ отчаянья, Людмила
Отъ ужаса лице закрыла.
Увы, что ждетъ ее теперь?
Бѣжитъ въ серебряную дверь,

Она съ музыкой отворилась,
И наша дѣва очутилась
Въ саду. Пѣлнительный предѣлъ !
Прекраснѣе садовъ Армиды,
И тѣхъ, которыми владѣлъ
Царь Соломонъ, иль князь Тавриды.
Предъ нею зыблются, шумятъ
Великолѣпныя дубровы ;
Алеи пальмъ и лѣсъ лавровый,
И благовонныхъ миртовъ рядъ,
И кедровъ гордыя вершины,
И золотыя апельсины
Зерцаломъ водъ отражены ;
Пригорки, рощи и долины
Весны огнемъ оживлены ;
Съ прохладой вѣется вѣтеръ майскій
Средь очарованныхъ полей,
И свищеть соловей Китайскій
Во мракѣ трепетныхъ вѣтвей ;
Летятъ алмазные фонтаны
Съ веселымъ шумомъ къ облакамъ ;
Подъ ними блещутъ истуканы,
И, мнится, живы ; Фидій самъ,
Питомецъ Феба и Палады,
Любуясь ими, наконецъ
Свой очарованный рѣзецъ
Изъ рукъ бы выронилъ съ досады.
Дробясь о мраморныя преграды,
Жемчужной, огненной дугой
Валятся, плещутъ водопады ;
И ручейки въ тѣни лѣсной
Чуть вьются сонною волной.

Приютъ покоя и прохлады,
Сквозь вѣчну зелень здѣсь и тамъ
Мелькаютъ свѣтлыя бесѣдки ;
Повсюду розъ живыя вѣтки
Цвѣтутъ и дышутъ по тропамъ.
Но безутѣшная Людмила
Идетъ, идетъ и не глядитъ ;
Волшебства роскошь ей постыла *),
Ей грустенъ нѣги свѣтлый **) видъ ;
Куда, сама не зная, бродитъ,
Волшебный садъ кругомъ обходитъ,
Свободу горькимъ давъ слезамъ,
И взоры мрачныя возводитъ
Къ неумолимымъ небесамъ.
Вдругъ освѣтился взоръ прекрасный ;
Къ устамъ она прижала персть :
Казалось, умысль ужасный
Раждался.... Страшный путь отверзтъ :
Высокій мостикъ надъ потокомъ
Предъ ней виситъ на двухъ скалахъ ;
Въ уныньи тяжкомъ и глубокомъ
Она подходитъ, и въ слезахъ
На воды шумныя взглянула,
Ударима, рыдая, въ грудь,
Въ волнахъ рѣшилась утонуть, —
Однако въ воды не прыгнула
И далѣ продолжала путь.

Моя прекрасная Людмила,
По солнцу бѣгая съ утра,

*) Въ первомъ изданіи : «Ей роскошь свѣтлая постыла».

**) Тамъ же «пышный».

Устала, слезы осушила,
Въ душѣ подумала : пора !
На травку сѣла, оглянулась,
И вдругъ надъ нею сѣнь шатра,
Шумя, съ прохладой развернулась ;
Обѣдъ роскошный передъ ней ;
Приборъ изъ яркаго кристалла ;
И въ тишинѣ изъ-за вѣтвей
Незрима арфа заиграла.
Дивится плѣнная княжна ;
Но втайнѣ думаетъ она :
«Вдали отъ милаго, въ неволѣ,
Зачѣмъ мнѣ жить на свѣтѣ болѣ ?
О ты, чья гибельная страсть
Меня терзаетъ и лелѣетъ,
Мнѣ не страшна злодѣя власть :
Людмила умереть умѣетъ !
Не нужно мнѣ твоихъ шатровъ,
Ни скучныхъ пѣсень, ни пировъ —
Не стану ѣсть, не буду слушать,
Умру среди твоихъ садовъ ! »
Подумала — и стала кушать.

Княжна встаетъ, и вмигъ шатеръ,
И пышной роскоши приборъ,
И звуки арфы, все пропало ;
По-прежнему все тихо стало ;
Людмила вновь одна въ садахъ
Скитается изъ роци въ роци ;
Межъ тѣмъ въ лазурныхъ небесахъ
Плыветъ луна, царица ночи;
Находитъ мгла со всѣхъ сторонъ

И тихо на холмахъ почила ;
Княжну невольно клонить сонъ ;
И вдругъ невѣдомая сила
Нѣжнѣй, чѣмъ вешній вѣтерокъ,
Ее на воздухъ поднимаетъ,
Несетъ по воздуху въ чертогъ,
И осторожно опускаетъ,
Сквозь оѳиміамъ вечернихъ розъ,
На ложе грусти, ложе слезъ.
Три дѣвы вмигъ опять явились
И вокругъ нея засуетились,
Чтобъ на ночь пышный снять уборъ ;
Но ихъ унылый, смутный взоръ,
И принужденное молчанье
Являли втайнѣ состраданье
И немощной судьбамъ укоръ.
Но поспѣшимъ : рукой ихъ нѣжной
Раздѣта сонная княжна ;
Прелестна прелестью небрежной,
Въ одной сорочкѣ бѣлоснѣжной
Ложится почивать она.
Со вздохомъ дѣвы поклонились,
Скорѣй какъ можно удалились,
И тихо притворили дверь.
Что жъ наша плѣнница теперь ?
Дрожитъ какъ листь, дохнуть не смѣетъ ;
Мгновенный сонъ отъ глазъ бѣжитъ,
Не спать, удвоила вниманье,
Недвижно въ темноту глядитъ....
Все мрачно, мертвое молчанье,
Лишь сердца слышитъ трепетанье....
И мнится.... шепчетъ тишина.

Идутъ — идутъ къ ея постелѣ ;
Въ подушки прячется княжна,
И вдругъ.... о страхъ !... и въ самомъ дѣлѣ
Раздался шумъ ; озарена
Мгновеннымъ блескомъ тма ночная,
Мгновенно дверь отворена....
Безмолвно, гордо выступая,
Нагими саблями сверкая,
Араповъ длинный рядъ идетъ
Попарно, чинно, сколь возможно,
И на подушкахъ осторожно
Съдую бороду несетъ ;
И входитъ съ важностью за нею,
Подъявъ величественно шею,
Горбатый карликъ изъ дверей.
Его-то головѣ обритой,
Высокимъ колпакомъ покрытой,
Принадлежала борода.
Ужъ онъ приблизился, тогда
Княжна съ постели соскочила,
Съдаго карлу за колпакъ
Рукою быстрой ухватила,
Дрожащій занесла кулакъ,
И въ страхѣ завизжала такъ,
Что всѣхъ Араповъ оглушила.
Трепеща, скорчился бѣднякъ,
Княжны испуганной блѣднѣе ;
Зажавши уши поскорѣе,
Хотѣлъ бѣжать, но въ бородѣ
Запутался, упалъ и бьется ;
Встаетъ, упалъ ; въ такой бѣдѣ
Араповъ черный рой мятется ;

Шумятъ, толкаются, бѣгутъ,
Хватаютъ колдуна въ охапку,
И вонъ распутывать несутъ,
Оставя у Людмилы шапку.

Но что-то добрый витязь нашъ ?
Вы помните ль нежданну встрѣчу?
Бери свой быстрый карандашъ,
Рисуй, Орловскій, ночь и сѣчу !
При свѣтѣ трепетномъ луны
Сразились витязи ; жестоко
Сердца ихъ гнѣвомъ стѣснены ;
Ужъ копья брошены далеко,
Уже мечи раздроблены,
Кольчуги кровію покрыты ;
Щиты трещать, въ куски разбиты....
Они схватились на коняхъ ;
Взрывая къ небу черный прахъ,
Подъ ними борзы кони бьются ;
Борцы, недвижно сплетены,
Другъ друга стиснувъ, остаются,
Какъ бы къ сѣдлу пригвождены :
Ихъ члены злобой сведены,
Переплелись и костенѣютъ ;
По жиламъ быстрый огонь бѣжитъ,
На вражьей груди грудь дрожить —
И вотъ колеблются, слабѣютъ —
Кому-то пасть.... Вдругъ витязь мой,
Вскипѣвъ, желѣзною рукой
Съ сѣдла наѣздника срываетъ,
Подъемлетъ, держитъ надъ собой —
И въ волны съ берега бросаетъ.

«Погибни ! грозно восклицаетъ ;
Умри, завистникъ злобный мой !»

Ты догадался, мой читатель,
Съ кѣмъ бился доблестный Русланъ :
То былъ кровавыхъ битвъ искатель,
Рогдай, надежда Кіевлянъ,
Людмилы мрачный обожатель.
Онъ вдоль Днѣпровскихъ береговъ
Искалъ соперника слѣдовъ ;
Нашель, настигъ — но прежня сила
Питомцу битвы измѣнила,
И Руси древній удалецъ
Въ пустынь свой нашель конецъ.
И слышно было, что Рогдая
Тѣхъ водъ русалка молодая
На хладны перси приняла,
И, жадно витязя лобзая,
На дно со смѣхомъ увлекла.
И долго послѣ, ночью темной,
Бродя близъ тихихъ береговъ,
Богатыря призракъ огромной
Пугалъ пустынныхъ рыбаковъ.

ПѢСНЬ ТРЕТІЯ.

Напрасно вы въ тѣни таились
Для мирныхъ, счастливыхъ друзей,
Стихи мои ! вы не сокрылись

Отъ гнѣвныхъ зависти очей.
Ужъ бѣдный критикъ ей въ услугу
Вопросъ мнѣ сдѣлалъ роковой :
Зачѣмъ Русланову подругу,
Какъ бы на смѣхъ ея супругу,
Зову и дѣвой, и княжной ?
Ты видишь, добрый мой читатель,
Тутъ злобы черную печать !
Скажи, Зоиль, скажи, предатель,
Ну, какъ и что мнѣ отвѣчать ?
Краснѣй, несчастный, Богъ съ тобою !
Краснѣй, я спорить не хочу ;
Довольный тѣмъ, что правъ душою,
Въ смиренной кротости молчу.
Но ты поймешь меня, Климена,
Потупишь томные глаза,
Ты, жертва скучнаго Гимена....
Я вижу : тайная слеза
Падетъ на стихъ мой, сердцу внятнѣй ;
Ты покраснѣла, взоръ погасъ,
Вздохнула молча.... вздохъ понятнѣй !
Ревнивецъ, бойся — близокъ часъ !
Амуръ съ досадою своенравной
Вступили въ смѣлый заговоръ,
И для главы твоей безславной
Готовъ ужъ мстительный уборъ.

Ужъ утро хладное сіяло
На темени полнощныхъ горъ ;
Но въ дивномъ замкѣ все молчало.
Въ досадѣ скрытой, Черноморъ
Безъ шапки, въ утреннемъ халатѣ,

Зѣвалъ сердито на кровати ;
Вокругъ браны его сѣдой
Рабы толпились молчаливы,
И нѣжно гребень костяной
Расчесывалъ ея извивы.
Межъ тѣмъ, для пользы и красы,
На безконечные усы
Лились восточны ароматы,
И кудри хитрые вились ;
Какъ вдругъ, откуда ни возмись,
Въ окно влетаетъ змій крыматый :
Гремя желѣзной чешуей,
Онъ въ кольца быстрыя согнулся,
И вдругъ Наиной обернулся
Предъ изумленною толпой.
«Привѣтствую тебя, сказала,
Собратъ, издавна чтимый мной !
Досель я Черномора знала
Одною громкою молвой ;
Но тайный рокъ соединяетъ
Теперь насъ общемою враждой ;
Тебѣ опасность угрожаетъ,
Нависла туча надъ тобой ;
И голосъ оскорбленной чести
Меня къ отмщенію зоветъ. »

Со взоромъ, полнымъ хитрой лести,
Ей карла руку подаетъ,
Вѣщая: «Дивная Наина !
Мнѣ драгоцѣненъ твой союзъ.
Мы посрамимъ коварство Фина ;
Но мрачныхъ козней не боюсь :

Противникъ слабый мнѣ не страшень ;
Узнай чудесный жребій мой :
Сей благодатной бородой
Не даромъ Черноморъ украшеньъ.
Доколь власовъ ея сѣдыхъ
Враждебный мечъ не перерубить,
Никто изъ витязей лихихъ,
Никто изъ смертныхъ не погубить
Малѣйшихъ замысловъ моихъ ;
Моею будетъ вѣкъ Людмила,
Русланъ же гробу обречень ! »
И мрачно вѣдьма повторила :
« Погибнетъ онъ ! погибнетъ онъ ! »
Потомъ три раза прошипѣла,
Три раза топнула ногой,
И чернымъ змиемъ улетѣла.

Блестая въ ризѣ парчевой,
Колдунъ, колдуньей ободренной,
Развеселясь, рѣшился вновь
Нести къ ногамъ дѣвицы пѣнной
Усы, покорность и любовь.
Разряженъ карликъ бородатый,
Опять идетъ въ ея палаты,
Проходитъ длинный комнатъ рядъ :
Княжны въ нихъ нѣтъ. Онъ далѣ, въ садъ,
Въ лавровый лѣсъ, къ рѣшеткѣ сада,
Вдоль озера, вокругъ водопада,
Подъ мостики, въ бесѣдки... нѣтъ !
Княжна ушла, пропалъ и слѣдъ !
Кто выразить его смущенье,
И ревъ, и трепетъ изступленья !

Съ досады дня не взвидѣль онъ.
Раздался карлы дикій стонъ :
«Сюда, невольники, бѣгите
Сюда, надѣюсь я на васъ !
Сейчасъ Людмилу мнѣ сыщите !
Скорѣе, слышите ль, сейчасъ !
Не то — шутите вы со мною —
Всѣхъ удавлю васъ бородою !»

Читатель, расскажу ль тебѣ,
Куда красавица дѣвалась ?
Всю ночь она своей судьбѣ
Въ слезахъ дивилась и — смѣялась.
Ее пугала борода;
Но Черноморъ ужъ былъ извѣстенъ,
И былъ смѣшонъ, а никогда
Со смѣхомъ ужасъ несовмѣстенъ.
Навстрѣчу утреннимъ лучамъ
Постель оставила Людмила,
И взоръ невольный обратила
Къ высокимъ, чистымъ зеркаламъ ;
Невольно кудри золотые
Съ лилейныхъ плечъ приподняла ;
Невольно волосы густые
Рукой небрежной заплела ;
Свои вчерашніе наряды
Нечаянно въ углу нашла,
Вздохнувъ одѣлась, и съ досады
Тихонько плакать начала.
Однако съ вѣрнаго стекла,
Вздыхая, не сводила взора.
И дѣвицѣ пришло на умъ,

Въ волненьи своенравныхъ думъ,
Примѣрять шапку Черномора.
Все тихо, никого здѣсь нѣтъ,
Никто на дѣвушку не взглянетъ....
А дѣвушкѣ въ семнадцать лѣтъ
Какая шапка не пристанетъ!
Рядиться никогда не лѣнь.
Людмила шапкой завертѣла:
На брови, прямо, на бекрень —
И задомъ напередъ надѣла,
И что жъ? О, чудо старыхъ дней!
Людмила въ зеркалѣ пропала,
Перевернула — передъ ней
Людмила прежняя предстала,
Назадъ надѣла — снова нѣтъ;
Сняла — и въ зеркалѣ. «Прекрасно!
Добро, колдунъ, добро, мой свѣтъ!
Теперь мнѣ здѣсь ужъ безопасно,
Теперь избавлюсь отъ хлопотъ!»
И шапку стараго злодѣя,
Княжна, отъ радости краснѣя,
Надѣла задомъ напередъ.

Но возвратимся же къ герою.
Не стыдно ль заниматься намъ
Такъ долго шапкой, бороною,
Руслана поруча судьбамъ?
Свершивъ съ Рогдаемъ бой жестокий,
Проѣхалъ онъ дремучій лѣсъ;
Предъ нимъ открылся доль широкій
При блескѣ утреннихъ небесъ.
Трепещетъ витязь по неволѣ:

Онъ видитъ старой битвы поле.
Вдали все пусто ; здѣсь и тамъ
Желтѣютъ кости ; по холмамъ
Разбросаны колчаны, латы,
Гдѣ збруя, гдѣ заржавый щитъ ;
Въ костяхъ руки здѣсь мечъ лежитъ ;
Травой обросъ тамъ шлемъ косматый
И старый черепъ тлѣетъ въ немъ ;
Богатыря тамъ оставъ цѣлый
Съ его поверженнымъ конемъ
Лежитъ недвижный ; копыа, стрѣлы,
Въ сырую землю вонзены,
И мирный плющъ ихъ обвиваетъ....
Ничто безмолвной тишины
Пустыни сей не возмущаетъ,
И солнце съ ясной вышины
Долину смерти озаряетъ.

Со вздохомъ витязь вокругъ себя
Взираетъ грустными очами.
«О поле, поле, кто тебя
Усѣялъ мертвыми костями?
Чей борзый конь тебя топталъ
Въ послѣдній часъ кровавой битвы?
Кто на тебѣ со славой палъ?
Чьи небо слышало молитвы?
Зачѣмъ же, поле, смолкло ты
И поросло травой забвенья?
Временъ отъ вѣчной темноты,
Быть можетъ, нѣтъ и мнѣ спасенья!
Быть можетъ, на холмѣ нѣмомъ
Поставятъ тихій гробъ Руслановъ,

И струны громкія Баяновъ
Не будутъ говорить о немъ!»

Но вскорѣ вспомнилъ витязь мой,
Что добрый мечъ герою нуженъ
И даже панцырь, а герой
Съ послѣдней битвы безоруженъ.
Обходить поле онъ вокругъ ;
Въ кустахъ, среди костей забвенныхъ,
Въ громадѣ тлѣющихъ кольчугъ,
Мечей и шлемовъ раздробленныхъ
Себѣ доспѣховъ ищетъ онъ.
Проснулись гуть и степь нѣмая,
Поднялся въ полѣ трескъ и звонъ ;
Онъ поднялъ щитъ не выбирая,
Нашелъ и шлемъ, и звонкій рогъ,
Но лишь меча сыскать не могъ.
Долину брани объѣзжая,
Онъ видитъ множество мечей,
Но всѣ легки, да слишкомъ малы,
А князь красавецъ былъ не вялый,
Не то, что витязь нашихъ дней.
Чтобъ чѣмъ нибудь играть отъ скуки,
Копье стальное взялъ онъ въ руки,
Кольчугу онъ надѣлъ на грудь,
И далѣе пустился въ путь.

Ужъ поблѣднѣлъ закатъ румяный
Надъ усыпленною землей ;
Дымятся синіе туманы
И всходитъ мѣсяцъ золотой ;
Померкла степь. Тропою темной

Задумчивъ ѣдетъ нашъ Русланъ,
И видитъ: сквозь ночной туманъ
Вдали чернѣетъ холмъ огромной,
И что-то страшное храпитъ.
Онъ ближе къ холму, ближе — слышитъ,
Чудесный холмъ какъ будто дышитъ.
Русланъ внимаетъ и глядитъ
Безтрепетно, съ покойнымъ духомъ ;
Но, шевеля пугливымъ ухомъ,
Конь упирается , дрожитъ,
Трясетъ упрямой головою,
И грива дыбомъ поднялась.
Вдругъ холмъ безоблачной луною
Въ туманѣ блѣдно озарясь,
Яснѣетъ. Смотритъ храбрый князь —
И чудо видитъ предъ собою.
Найду ли краски и слова?
Предъ нимъ живая голова,
Огромны очи сномъ объаты,
Храпитъ, качая шлемъ пернатый, —
И перья въ темной высотѣ,
Какъ тѣни ходятъ, развѣваясь.
Въ своей ужасной красотѣ
Надъ мрачной степью возвышаясь ;
Безмолвіемъ окружена, —
Пустыни сторожъ безымянной,
Руслану предстоитъ она
Громадой грозной и туманной.
Въ недоумѣннѣи хочетъ онъ
Таинственный разрушить сонъ.
Вблизи осматривая диво,
Обѣхалъ голову кругомъ,

И ставъ предъ носомъ молчаливо,
Щекотитъ ноздри копіемъ,
И, сморщась, голова зѣвнула,
Глаза открыла и чихнула....
Поднялся вихорь, степь дрогнула,
Взвилась пыль; съ рѣсницъ, съ усовъ,
Съ бровей слетѣла стая совъ;
Проснулись рощи молчаливы,
Чихнуло эхо — конь ретивый
Заржалъ, запрыгалъ, отлетѣлъ,
Едва самъ витязь усидѣлъ;
И вслѣдъ раздался голосъ шумный:
«Куда ты, витязь неразумный?
Ступай назадъ, я не шучу,
Какъ разъ нахама проглочу!»
Русланъ съ презрѣньемъ оглянулся,
Браздами удержалъ коня,
И съ гордымъ видомъ усмѣхнулся.
«Чего ты хочешь отъ меня?»
Нахмурилась голова вскричала:
«Вотъ гостя мнѣ судьба послала!
Послушай, убирайся прочь!
Я спать хочу, теперь ужь ночь,
Прощай!» — Но витязь знаменитой,
Услыша грубыя слова,
Воскликнулъ съ важностью сердитой:
«Молчи, пустая голова!
Слыхалъ я истину бывало,
Хоть лобъ широкъ, да мозгу мало;
Я ѣду, ѣду не свищу,
А какъ наѣду, не спущу!»

Тогда отъ ярости нѣмѣя,
Стѣсненной злобой пламенѣя,
Надулась голова какъ жаръ,
Кровавы очи засверкали,
Напѣнясь губы задрожали,
Изъ устъ, ушей поднялся паръ ;
И вдругъ она что было мочи,
Навстрѣчу князю стала дуть ;
Напрасно конь, зажмуря очи,
Склонивъ главу, натужа грудь,
Сквозь вихорь, дождь и сумракъ ночи
Невѣрный продолжаетъ путь ;
Объятый страхомъ, ослѣпленный,
Онъ мчится вновь изнеможенный
Далече въ полѣ отдохнуть.
Вновь обратиться витязь хочетъ —
Вновь отраженъ, надежды нѣтъ !
А голова ему вослѣдъ
Какъ сумасшедшая хохочетъ,
Гремитъ : « Ай, витязь ! ай, герой !
Куда ты ? Тише, тише, стой !
Эй, витязь, шею сломишь даромъ ;
Не трусь, наѣздникъ, и меня
Порадуй хоть однимъ ударомъ,
Пока не заморилъ коня. »
И между тѣмъ она героя
Дразнила страшнымъ языкомъ.
Русланъ досаду въ сердцѣ кроя,
Грозитъ ей молча копіемъ,
Трясетъ его рукой свободной,
И, задрожавъ, булатъ холодной
Вонзился въ дерзостный языкъ.

И кровь изъ бѣшенанаго зѣва
Рѣкою побѣжала вмигъ.
Отъ удивленья, боли, гнѣва,
Въ минуту дерзости лишась,
На князя голова глядѣла,
Желѣзо грызла и блѣднѣла.
Въ спокойномъ духѣ горячась,
Такъ иногда средъ нашей сцены,
Плохой питомецъ Мельпомены,
Внезапнымъ свистомъ оглушень,
Ужъ ничего не видитъ онъ,
Блѣднѣеть, ролю забываетъ,
Дрожить, поникнувъ головой,
И заикаясь умолкаетъ
Передъ насмѣшливой толпой.
Счастливымъ пользуясь мгновеньемъ,
Къ объятой головѣ смущеньемъ
Какъ ястребъ, богатырь летитъ
Съ подъятой, грозною десницей,
И въ щеку тяжелой рукавицей
Съ размаха голову разитъ.
И степь ударомъ огласимась ;
Кругомъ росистая трава
Кровавой пѣной обагрилась,
И, запатавшись, голова
Перевернулась, покатимась,
И шлемъ чугунный застучалъ.
Тогда на мѣстѣ опустѣломъ
Мечъ богатырскій засверкалъ.
Нашъ витязь въ трепетѣ веселомъ
Его схватилъ, и къ головѣ
По окровавленной травѣ

★

Бѣжитъ съ намѣреньемъ жестокимъ —
Ей носъ и уши обрубить ;
Уже Русланъ готовъ разить,
Уже взмахнулъ мечемъ широкимъ —
Вдругъ, изумленный, внемлетъ онъ
Главы молящей жалкій стонъ....
И тихо мечъ онъ опускаетъ ;
Въ немъ гнѣвъ свирѣпый умираетъ,
И мщенье бурное падетъ
Въ душѣ, моленьемъ усмиреной ;
Такъ на долинѣ таетъ ледъ,
Лучемъ полудня пораженной.

«Ты вразумилъ меня, герой,
Со вздохомъ голова сказала :
Твоя десница доказала,
Что я виновенъ предъ тобой.
Отнынѣ я тебѣ послушенъ ;
Но, витязь, будь великодушень !
Достоинъ плача жребій мой.
И я былъ витязь удалой !
Въ кровавыхъ битвахъ супостата
Себѣ я равнаго не зрѣлъ ;
Счастливъ, когда бы не имѣлъ
Соперникомъ меньшаго брата !
Коварный, злобный Черноморъ,
Ты, ты всѣхъ бѣдъ моихъ виною !
Семейства нашего позоръ,
Рожденный карлой, съ бородою,
Мой дивный ростъ отъ юныхъ дней
Не могъ онъ безъ досады видѣть,
И сталъ за то въ душѣ своей

Меня, жестокій, ненавиждѣть.
Я былъ всегда немного простѣ,
Хотя высокъ ; а сей несчастной,
Имѣя самый глупый ростѣ,
Умень какъ бѣсъ — и золь ужасно.
Притомъ же знай : къ моей бѣдѣ,
Въ его чудесной бородѣ
Таится сила роковая,
И, все на свѣтѣ презирая,
Доколѣ борода цѣла —
Измѣнникъ не страшится зла.
Вотъ онъ однажды съ видомъ дружбы,
«Послушай, хитро мнѣ сказалъ,
Не откажись отъ важной службы :
Я въ черныхъ книгахъ отыскалъ,
Что за восточными горами,
На тихихъ моря берегахъ,
Въ глухомъ подвалѣ, подъ замками
Хранится мечъ — и что же ? страхъ !
Я разобралъ во тмѣ волшебной,
Что волею судьбы враждебной,
Сей мечъ извѣстенъ будетъ намъ,
Что насъ обоихъ онъ погубитъ :
Мнѣ бороду мою отрубитъ,
Тебѣ главу ; суди же самъ,
Сколь важно намъ приобрѣтенье
Сего созданья злыхъ духовъ !»
— «Ну, что же ? гдѣ тутъ затрудненье,
Сказалъ я карлѣ, я готовъ ;
Иду, хоть за предѣлы свѣта.»
И сосну на плечо взвалилъ,
А на другое, для совѣта

Злодѣя брата посадилъ ;
Пустился въ дальнюю дорогу ;
Шагалъ, шагаль и, слава Богу,
Какъ бы пророчеству на зло,
Все счастливо сначала шло.
За отдаленными горами
Наши мы роковой подвалъ ;
Я разметалъ его руками,
И потаенный мечъ досталъ.
Но нѣтъ ! судьба того хотѣла :
Межъ нами ссора закипѣла —
И было, признаюсь, о чемъ.
Вопросъ : кому владѣть мечемъ ?
Я спорилъ, карла горячился ;
Бранились долго ; наконецъ
Уловку выдумалъ хитрецъ,
Притихъ и будто бы смягчился.
— «Оставимъ бесполезный споръ,
Сказалъ мнѣ важно Черноморъ :
Мы тѣмъ союзъ нашъ обезславимъ ;
Разсудокъ въ мирѣ жить велить ;
Судьбѣ рѣшить мы предоставимъ,
Кому сей мечъ принадлежитъ.
Къ землѣ приникнемъ ухомъ оба
(Чего не выдумаетъ злоба !)
И кто услышитъ первый звонъ,
Тотъ и владѣй мечемъ до гроба.» —
Сказалъ и легъ на землю онъ.
Я съ дуру также растянулся ;
Лежу, не слышу ничего,
Смѣкая : обману его,
Но самъ жестоко обманулся !

Злодѣй, въ глубокой тишинѣ,
Приставъ, на ципочкахъ ко мнѣ
Подкрался сзади, размахнулся,
Какъ вихорь свиснулъ острый мечъ,
И прежде чѣмъ я оглянулся,
Ужъ голова слетѣла съ плечъ —
И сверхъестественная сила
Въ ней жизни духъ остановила.
Мой оставъ терніемъ обросъ ;
Вдали, въ странѣ, людьми забвенной
Истлѣлъ мой прахъ непогребенной ;
Но злобный карма перенесъ
Меня въ сей край уединенной,
Гдѣ вѣчно долженъ былъ стеречь
Тобой сегодня взятый мечъ.
Возьми его, и Богъ съ тобою !
Быть можетъ, на своемъ пути
Ты карлу-чародѣя встрѣтишь —
Ахъ, если ты его замѣтишь,
Коварству, злобѣ отомсти !
И наконецъ я счастливъ буду,
Спокойно міръ оставлю сей,
И въ благодарности моей
Твою пощечину забуду.»

ПѢСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Я каждый день, возставъ отъ сна,
Благодарю сердечно Бога
За то, что въ наши времена

Волшебниковъ не такъ ужъ много.
Къ тому же — честь и слава имъ!
Женитьбы наши безопасны....
Ихъ замыслы не такъ ужасны
Мужьямъ, дѣвицамъ молодымъ.
Но есть волшебники другіе,
Которыхъ ненавижу я:
Улыбка, очи голубые,
И голосъ милый — о, друзья!
Не вѣрьте имъ, они лукавы!
Страшитесь, подражая мнѣ,
Ихъ упоительной отравы,
И почивайте въ тишинѣ.

Поэзіи чудесный геній,
Пѣвецъ таинственныхъ видѣній,
Любви, мечтаній и чертей,
Могилъ и рая вѣрный житель,
И Музы вѣтренной моей
Наперсникъ, пѣстунъ и хранитель!
Прости мнѣ, сѣверный Орфей,
Что въ повѣсти моей забавной
Теперь во слѣдъ тебѣ лечу,
И лиру Музы своеправной
Во лжи прелестной обличу.

Друзья мои, вы всѣ слышали,
Какъ бѣсу въ древни дни, злодѣй
Предалъ сперва себя съ печали,
А тамъ и души дочерей;
Какъ послѣ щедрымъ подаяньемъ,
Молитвой, вѣрой и постомъ,

И непритворнымъ покаяньемъ
Снискаль заступника въ святомъ ;
Какъ умеръ онъ, и какъ заснули
Его двѣнадцать дочерей —
И насъ плѣнили, ужаснули
Картины тайныхъ сихъ ночей,
Сии чудесныя видѣнья,
Сей мрачный бѣсъ, сей Божій гнѣвъ,
Живыя грѣшника мученья,
И прелесть непорочныхъ дѣвъ.
Мы съ ними плакали, бродили
Вокругъ зубчатыхъ замка стѣнъ,
И сердцемъ тронутымъ любили
Ихъ тихій сонъ, ихъ тихій плѣнъ,
Душой Вадима призывали,
И пробужденъе зрѣли ихъ,
И часто инокинь святыхъ
На гробъ отцовскій провожали....
И что жъ, возможно ль?... намъ солгали!
Но правду возвѣщу ли я?...

Младой Ратмиръ направа къ югу
Нетерпѣливый бѣгъ коня,
Ужъ думалъ предъ закатомъ дня
Нагнать Русланову супругу.
Но день багряный вечерѣль ;
Напрасно витязь предъ собою
Въ туманы дальніе смотрѣль :
Все было пусто надъ рѣкою.
Зари послѣдній лучъ горѣль
Надъ ярко-позлащеннымъ боромъ.
Нашъ витязь мимо черныхъ скалъ

Тихонько проѣзжалъ, и взоромъ
Ночлега межъ деревъ искалъ.
Онъ на долину выѣзжаетъ,
И видитъ : замокъ на скалахъ
Зубчаты стѣны возвышаетъ ;
Чернѣютъ башни на углахъ,
И дѣва по стѣнѣ высокой,
Какъ въ морѣ лебедь одинокой
Идетъ, зарей освѣщена ;
И дѣвы пѣснь едва слышна
Долины въ тишинѣ глубокой.

« Ложится въ полѣ мракъ ночной ;
Отъ волнъ поднялся вѣтеръ хладный.
Ужъ поздно, путникъ молодой,
Укройся въ теремъ нашъ отрадный !

« Здѣсь ночью нѣга и покой,
А днемъ и шумъ и пиrowанье.
Прійди на дружное призванье,
Прійди, о путникъ молодой !

« У насъ найдешь красавицъ рой,
Ихъ нѣжны рѣчи и лобзанье.
Прійди на тайное призванье,
Прійди, о путникъ молодой !

« Тебѣ мы съ утренней зарей
Наполнимъ кубокъ на прощанье,
Прійди на мирное призванье.
Прійди, о путникъ молодой !

«Ложится въ полѣ мракъ ночной ;
Отъ волнъ поднялся вѣтеръ хладный ;
Ужъ поздно , путникъ молодой,
Укройся въ теремъ нашъ отрадный!»

Она манить , она поеть ,
И юный ханъ ужъ подѣ стѣною ;
Его встрѣчаютъ у воротъ
Дѣвицы красныя толпою ;
При шумѣ ласковыхъ рѣчей
Онъ окруженъ ; съ него не сводятъ
Онѣ плѣнительныхъ очей ;
Двѣ дѣвицы коня уводятъ.
Въ чертоги входитъ ханъ молодой,
За нимъ отшельницъ мимыхъ рой ;
Одна снимаетъ шлемъ крылатый,
Другая кованыя латы,
Та мечъ беретъ , та пыльный щитъ ;
Одежда нѣги замѣнить
Желѣзные доспѣхи брани.
Но прежде юношу ведутъ
Къ великолѣпной Русской бани.
Ужъ волны дымныя текутъ
Въ ея серебряныя чаны,
И брызжутъ хладныя фонтаны ;
Разостланъ роскошью коверъ —
На немъ усталый ханъ ложится ;
Прозрачный паръ надъ нимъ клубится.
Потупя нѣги полный взоръ,
Прелестныя , полунагія,
Въ заботѣ нѣжной и нѣмой,
Вкругъ хана дѣвы молодыя

Тѣснятся рѣзвою толпой.
Надъ рыцаремъ иная машетъ
Вѣтвями молодыхъ березъ,
И жаръ отъ нихъ душистый пашетъ ;
Другая сокомъ вешнихъ розъ
Устала члены прохлаждаетъ,
И въ ароматахъ потопляетъ
Темнокудрявые власы.
Восторгомъ витязь упоенной
Уже забылъ Людмилы плѣнной
Недавно милоя красы ;
Томится сладостнымъ желаньемъ ;
Бродящій взоръ его блеститъ,
И, полный страстнымъ ожиданьемъ,
Онъ таетъ сердцемъ, онъ горитъ !

Но вотъ выходитъ онъ изъ бани
Одѣтый въ бархатныя ткани.
Въ кругу прелестныхъ дѣвъ, Ратмиръ
Садится за богатый пиръ.
Я не Омеръ : въ стихахъ высокихъ
Онъ можетъ воспѣвать одинъ
Обѣды Греческихъ дружинъ,
И звонъ, и пѣну чашъ глубокихъ.
Милѣе по слѣдамъ Парни
Мнѣ славить лирою небрежной
И наготу въ ночной тѣни,
И поцѣлуй любви нѣжной !
Луною замокъ озаренъ ;
Я вижу теремъ отдаленный,
Гдѣ витязь томный, воспаленный
Вкушаетъ одинокій сонъ ;

Его чело, его ланиты
Мгновеннымъ пламенемъ горять ;
Его уста полуоткрыты
Лобзанье тайное манять ;
Онъ страстно, медленно вздыхаетъ,
Онъ видитъ ихъ — и въ пылкомъ снѣ
Покровы къ сердцу прижимаетъ.
Но вотъ въ глубокой тишинѣ
Дверь отворилась ; полъ ревнивой
Скрыпитъ подъ ножкой торопливой,
И при серебряной лунѣ
Мелькнула дѣва. Сны крылаты,
Сокройтесь, отлетите прочь !
Проснись — твоя настала ночь !
Проснися — дорогъ мигъ утраты !...
Она подходитъ, онъ лежитъ,
И въ сладострастной нѣгѣ дремлетъ ;
Покровъ его съ одра скользитъ,
И жаркій пухъ чело объемлетъ.
Въ молчаньи дѣва передъ нимъ
Стоитъ недвижна, бездыханна,
Какъ лицемѣрная Діана
Предъ милымъ пастыремъ своимъ ;
И вотъ она, на ложѣ хана
Колѣномъ опершись однимъ,
Вздохнувъ, лице къ нему склоняетъ
Съ томленьемъ, съ трепетомъ живымъ,
И сонъ счастливца прерываетъ
Лобзаньемъ страстнымъ и нѣмымъ....

Но, други, дѣвственная лира
Умолкла подъ моей рукой,

Слабѣетъ робкій голосъ мой —
Оставимъ юнаго Ратмира ;
Не смѣю пѣсней продолжать :
Русланъ насъ долженъ занимать,
Русланъ, сей витязь безпримѣрный,
Въ душѣ герой, любовникъ вѣрный.

Упорнымъ боемъ утомленъ,
Подъ богатырской головою
Онъ сладостный вкушаетъ сонъ.
Но вотъ ужъ раннею зарею
Сіяетъ тихій небосклонъ ;
Все ясно ; утра лучъ игривый
Главы косматый лобъ златитъ,
Русланъ встаетъ, и конь ретивый
Ужъ витязя стрѣлою мчитъ.

И дни бѣгутъ ; желтѣютъ нивы ;
Съ деревъ спадаетъ дряхлый листъ ;
Въ лѣсахъ осенній вѣтра свистъ
Пѣвицъ пернатыхъ заглушаетъ ;
Тяжелый, пасмурный туманъ
Нагіе холмы обвиваетъ ;
Зима приблизилась — Русланъ
Свой путь отважно продолжаетъ
На дальній сѣверъ ; съ каждымъ днемъ
Преграды новыя встрѣчаетъ :
То бьется онъ съ богатыремъ,
То съ вѣдьмою, то съ великаномъ,
То лунной ночью видитъ онъ,
Какъ будто сквозь волшебный сонъ,
Окружены сѣдымъ туманомъ,

Русалки тихо на вѣтвяхъ
Качаясь, витязя младаго
Съ улыбкой хитрой на устахъ
Манять, не говоря ни слова !...
Но тайнымъ промысломъ хранимъ,
Безстрашный витязь невидимъ ;
Въ его душѣ желанье дремлетъ,
Онъ ихъ не видитъ, имъ не внемлетъ —
Одна Людмила всюду съ нимъ.

Но между тѣмъ, никѣмъ незрима,
Отъ нападеній колдуна
Волшебной шапкою хранима,
Что дѣлаетъ моя княжна,
Моя прекрасная Людмила?
Она, безмолвна и уныла,
Одна гуляетъ по садамъ,
О другѣ мыслить и вздыхаетъ,
Иль волю давъ своимъ мечтамъ,
Къ родимымъ Кіевскимъ полямъ
Въ забвеньи сердца улетаетъ,
Отца и братьевъ обнимаетъ,
Подружекъ видитъ молодыхъ
И старыхъ мамушекъ своихъ —
Забыты плѣнъ и разлученье !
Но вскорѣ бѣдная княжна
Свое теряетъ заблужденье,
И вновь уныла и одна.
Рабы влюбленнаго злодѣя,
И день и ночь, сидѣть не смѣя,
Межъ тѣмъ по замку, по садамъ
Прелестной плѣнницы искали,

Метались, громко призывали,
Однако все по пустякамъ.
Людмила ими забавлялась:
Въ волшебныхъ рощахъ иногда
Безъ шапки вдругъ она являлась,
И кликала: сюда, сюда!
И всѣ бросались къ ней толпою,
Но въ сторону — незрима вдругъ —
Она неслышною стопою
Отъ хищныхъ убѣгала рукъ.
Вездѣ всечасно замѣчали
Ея минутные слѣды:
То позмаченные плоды
На шумныхъ вѣтвяхъ исчезали,
То капли ключевой воды
На лугъ измятый упали:
Тогда на вѣрно въ замкѣ знали,
Что пьетъ иль кушаетъ княжна.
На вѣтвяхъ кедра иль березы
Скрываясь по ночамъ, она
Минутнаго искала сна —
Но только проливала слезы,
Звала супруга и покой,
Томила грустью и зѣвотой,
И рѣдко-рѣдко предъ зарей
Склонясь ко древу головой,
Дремала тонкою дремотой;
Едва рѣдѣла ночи мгла,
Людмила къ водопаду шла
Умыться хладною струею:
Самъ карла утренней порою
Однажды видѣлъ изъ палатъ,

Какъ подъ невидимой рукою
Плескалъ и брызгалъ водопадъ.
Съ своей обычною тоскою
До новой ночи, здѣсь и тамъ,
Она бродила по садамъ ;
Не рѣдко подъ вечеръ слышали
Ея пріятный голосокъ ;
Не рѣдко въ рощахъ поднимали
Иль ею брошенный вѣнокъ,
Или клочки Персидской шали,
Или заплаканный платокъ.

Жестокой страстью уязвленный,
Досадой, злобой омраченный,
Колдунъ рѣшился наконецъ
Поймать Людмилу непременно.
Такъ Лемноса хромой кузнецъ,
Пріявъ супружескій вѣнецъ
Изъ рукъ прелестной Цитереи,
Раскинулъ сътъ ея красамъ,
Открывъ насмѣшливымъ богамъ
Киприды нѣжныя затѣи....

Скучая, бѣдная княжна
Въ прохладѣ мраморной бесѣдки
Сидѣла тихо близъ окна,
И сквозь колеблемыя вѣтки
Смотрѣла на цвѣтущій лугъ.
Вдругъ слышитъ кличуть: «Милый другъ!»
И видитъ вѣрнаго Руслана,
Его черты, походка, станъ ;
Но блѣденъ онъ, въ очахъ туманъ,

И на бедрѣ живая рана —
Въ ней сердце дрогнуло. «Русланъ!
Русланъ!... онъ точно!» И стрѣлю
Къ супругу плѣнница летитъ,
Въ слезахъ, трепеща, говоритъ:
«Ты здѣсь.... ты раненъ.... что съ тобою?»
Уже достигла, обняла: —
О ужасъ.... призракъ исчезаетъ!
Княжна въ сѣтяхъ: съ ея чела
На землю шапка упадетъ;
Хладѣя слышитъ грозный крикъ:
«Она моя!» и въ тотъ же мигъ
Зритъ колдуна передъ очами.
Раздался дѣвы жалкій стонъ,
Падетъ безъ чувствъ — и дивный сонъ
Объялъ несчастную крылами.

Что будетъ съ бѣдною княжной!
О страшный видъ: волшебникъ хилый
Ласкаетъ дерзостной рукой
Младья прелести Людмилы!
Уже ли счастливъ будетъ онъ!
Чу.... вдругъ раздался рога звонъ,
И кто-то карлу вызываетъ.
Въ смятеньи, блѣдный чародѣй
На дѣву шапку надѣваетъ;
Трубятъ опять; звучнѣй, звучнѣй!
И онъ летитъ къ безвѣстной встрѣчи,
Закинувъ бороду за плечи.

ПѢСНЬ ПЯТАЯ.

Ахъ, какъ мила моя княжна!
Мнѣ нравъ ея всего дороже:
Она чувствительна, скромна,
Любви супружеской вѣрна,
Немного вѣтрена.... такъ что же?
Еще милѣ тѣмъ она.
Всечастно прелестію новой
Умѣетъ насъ она плѣнить;
Скажите, можно ли сравнить
Ее съ Дельфиною суровой?
Одной — судьба послала даръ
Обворожать сердца и взоры,
Ея улыбка, разговоры
Во мнѣ любви раждаютъ жаръ.
А та — подъ юшкою гусаръ,
Лишь дайте ей усы да шпоры!
Блаженъ, кого подъ вечерокъ
Въ уединенный уголокъ
Моя Людмила поджидаетъ
И другомъ сердца назоветъ!
Но, вѣрьте мнѣ, блаженъ и тотъ,
Кто отъ Дельфиры убѣгаетъ
И даже съ нею незнакомъ.
Да впрочемъ дѣло не о томъ,
Но кто трубилъ? Кто чародѣя
На сѣчу грозну вызывалъ?
Кто колдуна перепугалъ?

Русланъ. Онъ, местию пламенѣя,
Достигъ обители злодѣя.
Ужъ витязь подъ горой стоитъ,
Призывный рогъ какъ буря воетъ,
Нетерпѣливый конь кипитъ,
И снѣгъ копытомъ мощнымъ роетъ.
Князь карлу ждетъ. Внезапно онъ
По шлему крѣпкому, стальному
Рукой незримой пораженъ ;
Ударъ упалъ подобно грому ;
Русланъ подьѣмлетъ смутный взоръ,
И видитъ — прямо надъ главою,
Съ поднятой, страшной булавою
Летаетъ карла Черноморъ.
Щитомъ покрывшись, онъ нагнулся,
Мечемъ потрясъ и замахнулся,
Но тотъ взвился подъ облака,
На мигъ исчезъ — и свысока
Шумя летитъ на князя снова.
Проворный витязь отлетѣлъ,
И въ снѣгъ съ размаха роковаго
Колдунъ упалъ да тамъ и сѣлъ ;
Русланъ, не говоря ни слова,
Съ коня долой, къ нему спѣшитъ,
Поймалъ, за бороду хватаетъ;
Волшебникъ силится, кряхтитъ,
И вдругъ съ Русланомъ улетаетъ....
Ретивый конь во слѣдъ глядитъ :
Уже колдунъ подъ облаками,
На бородѣ герой виситъ.
Летятъ надъ мрачными лѣсами,
Летятъ надъ дикими горами,

Летятъ надъ бездною морской ;
Отъ напряженья костенѣя,
Русланъ за бороду злодѣя
Упорной держится рукой.
Межъ тѣмъ, на воздухъ слабѣя
И силѣ Русской изумясь,
Волшебникъ гордому Руслану
Коварно молвить : «Слушай, князь !
Тебѣ вредить я перестану ;
Младое мужество любя,
Забуду все, прощу тебя,
Спущусь — но только съ уговоромъ....»
— «Молчи, коварный чародѣй !
Прервалъ нашъ витязь : «съ Черноморомъ,
Съ мучителемъ жены своей,
Русланъ не знаетъ договора !
Сей грозный мечъ накажетъ вора,
Лети хоть до ночной звѣзды,
А быть тебѣ безъ бороды !»
Боязнь объемлетъ Черномора ;
Въ досадѣ, въ горести нѣмой,
Напрасно длинной бородой
Усталый карла потрясаетъ :
Русланъ ее не выпускаетъ
И щиплетъ волосы порой.
Два дня колдунъ героя носитъ,
На третій онъ пощады просить :
«О рыцарь, сжался надо мной ;
Едва дышу, нѣтъ мочи болѣ ;
Оставь мнѣ жизнь, въ твоей я волѣ,
Скажи — спущусь, куда велишь....»
«Теперь ты нашъ ; ага, дрожишь !

Смирись, покорствуй Русской силѣ!
Неси меня къ моей Людмилѣ».

Смиренно внемлетъ Черноморь ;
Домой онъ съ витяземъ пустился ,
Летить и мигомъ очутился
Среди своихъ ужасныхъ горь.
Тогда Русланъ одной рукою
Взялъ мечъ сраженной головы,
И бороду схвативъ другою,
Отсѣкъ ее какъ горсть травы.
«Знай нашихъ ! молвилъ онъ жестоко.
Что, хищникъ, гдѣ твоя краса ?
Гдѣ сила ?» и на шлемъ высокой
Сѣдые вяжетъ волоса ;
Свистя, зоветъ коня лихаго ;
Веселый конь летить и ржетъ ;
Нашъ витязь карлу чуть живаго
Въ котомку за сѣдло кладетъ,
А самъ, боясь мгновенья траты,
Слѣшитъ на верхъ горы крутой,
Достигъ, и съ радостной душой
Летить въ волшебныя палаты.
Вдали завидя шлемъ брадатый,
Залогъ побѣды роковой,
Предъ нимъ Араповъ чудный рой,
Толпы невольницъ боязливыхъ,
Какъ призраки, со всѣхъ сторонъ
Бѣгутъ — и скрылись. Ходитъ онъ
Одинъ среди храминъ горделивыхъ,
Супругу милую зоветъ —
Лишь эхо сводовъ молчаливыхъ

Руслану голосъ подаетъ ;
Въ волненьи чувствъ нетерпѣливыхъ
Онъ отворяетъ двери въ садъ —
Идетъ, идетъ — и не находитъ ;
Кругомъ смущенный взоръ обводитъ —
Все мертво : рощицы молчатъ,
Бесѣдки пусты ; на стремнинахъ,
Вдоль береговъ ручья, въ долинахъ,
Нигдѣ Людмилы слѣду нѣтъ,
И ухо ничего не внемлетъ.
Внезапный князя хладъ объемлетъ,
Въ очахъ его темнѣетъ свѣтъ,
Въ умѣ возникли мрачны думы....
«Быть можетъ, горестъ.... плѣнь угрюмый....
Минута.... волны....» въ сихъ мечтахъ
Онъ погруженъ. Съ нѣмой тоскою
Поникнулъ витязь головою ,
Его томитъ невольный страхъ ;
Недвижимъ онъ, какъ мертвый камень ;
Мрачится разумъ ; дикій пламень
И ядъ отчаянной любви
Уже текутъ въ его крови.
Казалось, тѣнь княжны прекрасной
Коснулась трепетнымъ устамъ....
И вдругъ неистовый, ужасной,
Стремится витязь по садамъ ;
Людмилу съ воплемъ призываетъ,
Съ холмовъ утесы отрываетъ,
Все рушить, все крушить мечемъ —
Бесѣдки, рощи упадаютъ,
Древа, мосты въ волнахъ ныряютъ,
Степь обнажается кругомъ !

Далеко гулы повторяютъ
И ревъ, и трескъ, и шумъ, и громъ ;
Повсюду мечъ звенитъ и свищетъ,
Прелестный край опустошенъ —
Безумный витязь жертвы ищетъ,
Съ размаха вправо, влѣво онъ
Пустынный воздухъ разсѣкаетъ....
И вдругъ — нечаянный ударъ
Съ княжны невидимой сбиваетъ
Прощальный Черномора даръ....
Волшебства вмигъ исчезла сила :
Въ сѣтяхъ открылася Людмила !
Не вѣря самъ своимъ очамъ,
Нежданнымъ счастьемъ упоенной,
Нашъ витязь падаетъ къ ногамъ
Подруги вѣрной, незабвенной,
Цѣлуетъ руки, сѣти рветъ,
Любви восторга слезы льетъ.
Зоветъ ее — но дѣва дремлетъ.
Сомкнуты очи и уста,
И сладострастная мечта
Младую грудь ея подѣмлетъ.
Русланъ съ нея не сводитъ глазъ,
Его терзаетъ вновь кручина....
Но вдругъ знакомый слышитъ гласъ,
Гласъ добродѣтельнаго Фина :

« Мужайся, князь ! Въ обратный путь
Ступай со спящею Людмилой ;
Наполни сердце новой силой,
Любви и чести вѣренъ будь ;
Небесный громъ на злобу грянетъ,

И воцарится тишина —
И въ свѣтломъ Кіевѣ княжна
Передъ Владиміромъ возстанетъ
Отъ очарованнаго сна. »

Русланъ, симъ гласомъ оживленной,
Берегъ въ объятія жену,
И тихо съ ношей драгоцѣнной
Онъ оставляетъ вышину,
И сходитъ въ доль уединенной.

Въ молчаньи, съ карлой за сѣдломъ,
Поѣхалъ онъ своимъ путемъ ;
Въ его рукахъ лежитъ Людмила,
Свѣжа, какъ вешняя заря,
И на плечо богатыря
Лице спокойное склонила.
Власами, свитыми въ кольцо,
Пустынный вѣтерокъ играетъ ;
Какъ часто грудь ея вздыхаетъ !
Какъ часто тихое лицо
Мгновенной розою пымаетъ !
Любовь и тайная мечта
Руслановъ образъ ей приносятъ,
И съ томныхъ шепотомъ уста
Супруга имя произносятъ....
Въ забвеньи сладкомъ ловить онъ
Ея волшебное дыханье,
Улыбку, слезы, нѣжный стонъ
И сонныхъ *) персей волнованье....

*) «Юныхъ».
т. п.

Межъ тѣмъ по доламъ, по горамъ,
И въ бѣлый день, и по ночамъ,
Нашъ витязъ ѣдетъ непрестанно.
Еще далекъ предѣлъ желанной,
А дѣва спитъ. Но юный князь,
Безплоднымъ пламенемъ томясь,
Уже ль, страдалецъ постоянной,
Супругу только сторожилъ,
И въ цѣломудренномъ мечтаньѣ,
Смиривъ нескромное желанье, •
Свое блаженство находилъ?
Монахъ, который сохранилъ
Потомству вѣрное преданье
О славномъ витязѣ моемъ,
Насъ увѣряетъ смѣло въ томъ,
И вѣрю я : безъ раздѣленья
Унылы, грубы наслажденья;
Мы прямо счастливы вдвоемъ.
Пастушки ! Сонъ княжны прелестной
Не походилъ на ваши сны,
Порой томительной весны,
На муравѣ, въ тѣни древесной.
Я помню маленькій лужокъ
Среди березовой дубравы,
Я помню темный вечерокъ,
Я помню Лиды сонъ лукавый....
Ахъ ! первый поцѣлуй любви
Дрожащій, легкій, торопливой
Не разогналъ, друзья мои,
Ея дремоты терпѣливой....
Но полно, я болтаю вздоръ!
Къ чему любви воспоминанье ?

Ея утѣха и страданье
Забыты мною съ давнихъ поръ ;
Теперь влекутъ мое вниманье
Княжна, Русланъ и Черноморъ.

Предъ ними стелется равнина,
Гдѣ ели изрѣдка взопли ;
И грознаго холма вдали
Чернѣетъ круглая вершина
Небесъ на яркой синевѣ.
Русланъ глядитъ — и догадался,
Что подѣзжаетъ къ головѣ.
Быстрѣ борзый конь помчался ;
Ужъ видно чудо изъ чудесъ :
Она глядитъ недвижнымъ окомъ ;
Власы ея какъ черный лѣсъ,
Поросшій на челѣ высокомъ ;
Ланиты жизни лишены ;
Свинцовой блѣдностью покрыты,
Уста огромныя *) открыты,
Огромны зубы стѣснены....
Надъ полумертвой головою
Послѣдній день ужъ тяготѣлъ.
Къ ней храбрый витязь приметѣлъ
Съ Людмилой, съ карлой за спиною.
Онъ крикнулъ : «Здравствуй, голова!
Я здѣсь. Наказанъ твой измѣнникъ!
Гляди: вотъ онъ, злодѣй нашъ — плѣнникъ!»
И князя гордыя слова
Ее внезапно оживили,

*) Дрожащія.

На мигъ въ ней чувство разбудили,
Очнулась будто ото сна,
Взглянула, страшно застонала....
Узнала витязя она,
И брата съ ужасомъ узнала.
Надулись ноздри, на щекахъ
Багровый огонь еще родился,
И въ умирающихъ глазахъ
Послѣдній гнѣвъ изобразился.
Въ смятеньи, въ бѣшенствѣ нѣмомъ
Она зубами скрежетала,
И брату хладнымъ языкомъ
Укоръ невнятный лепетала....
Уже ея въ тотъ самый часъ
Кончалось долгое страданье,
Чела мгновенный пламень гасъ,
Слабѣло тяжкое дыханье,
Огромный *) закатился взоръ,
И вскорѣ князь и Черноморъ
Узрѣли смерти содроганье....
Она почила вѣчнымъ сномъ.
Въ молчаньи витязь удалился.
Дрожащій карликъ за сѣдломъ
Не смѣлъ дышать, не шевелился,
И чернокнижнымъ языкомъ
Усердно демонамъ молился.

На склонѣ темныхъ береговъ
Какой-то рѣчки безъимянной,
Въ прохладномъ сумракѣ лѣсовъ,

*) Туманный.

Стоялъ поникшей хаты кровъ,
Густыми соснами вѣнчанной.
Въ теченьи меденномъ рѣка
Вблизи плетень изъ тростника
Волною сонной омывала,
И вокругъ него едва журчала
При легкомъ шумѣ вѣтерка.
Долина въ сихъ мѣстахъ таилась
Уединенна и темна ;
И тамъ, казалось, тишина
Съ начала міра воцарилась.
Русланъ остановилъ коня.
Все было тихо, безмятежно ;
Отъ разсвѣтающаго дня
Долина съ роцею прибрежной
Сквозь утренній сіяла дымъ.
Русланъ на лугъ жену слагаетъ,
Садится близъ нея, вздыхаетъ
Съ уныньемъ сладкимъ и нѣмымъ ;
И вдругъ онъ видитъ предъ собою
Смиранный парусъ челнока,
И слышитъ нѣсно рыбака
Надъ тихоструйною рѣкою.
Раскинувъ неводъ по волнамъ,
Рыбакъ на весла наклоненной,
Плыветъ къ лѣсистымъ берегамъ,
Къ порогу хижины смиренной.
И видитъ добрый князь Русланъ :
Челнокъ ко берегу приплываетъ ;
Изъ темной хаты выбѣгаетъ
Младая дѣва ; стройный станъ,
Власы небрежно распущенны,

Улыбка, тихій взоръ очей,
И грудь, и плечи обнаженны,
Все мило, все плѣняетъ въ ней.
И вотъ они, обнявъ другъ друга,
Сядутъ у прохладныхъ водъ,
И часъ безпечнаго досуга
Для нихъ съ любовью настаетъ.
Но въ изумленьи молчаливомъ
Кого же въ рыбака счастливомъ
Нашъ юный витязь узнаетъ?
Хазарскій ханъ, избранный славой
Ратмиръ, въ любви, въ войнѣ кровавой
Его соперникъ молодой,
Ратмиръ, въ пустынѣ безмятежной
Людмилу, славу позабылъ,
И имъ на вѣки измѣнилъ
Въ объятіяхъ подруги нѣжной.

Герой приблизился, и вмигъ
Отшельникъ узнаетъ Руслана,
Встаетъ, летитъ. Раздался крикъ....
И обнялъ князь младаго хана.
«Что вижу я! спросилъ герой,
Зачѣмъ ты здѣсь? зачѣмъ оставилъ
Тревоги жизни боевой,
И мечъ, который ты прославилъ?»
— «Мой другъ, отвѣтствовалъ рыбакъ,
Душѣ наскучилъ бранной славы
Пустой и гибельный призракъ.
Повѣрь, невинныя забавы,
Любовь и мирныя дубравы
Милѣ сердцу во сто кратъ.

Теперь, утративъ жажду брани,
Престалъ платить безумству дани,
И, вѣрнымъ счастьемъ богатъ,
Я все забылъ, товарищъ милый,
Все, даже прелести Людмилы.» —
«Любезный ханъ, я очень радъ!
Сказалъ Русланъ: она со мною.»
— «Возможно ли, какой судьбою?
Что слышу? Русская княжна....
Она съ тобою, гдѣ жъ она?
Позволь.... но нѣтъ, боюсь измѣны;
Моя подруга мнѣ мила;
Моей счастливой перемѣны
Она виновницей была;
Она мнѣ жизнь, она мнѣ радость!
Она мнѣ возвратила вновь
Мою утраченную младость,
И миръ, и чистую любовь.
Напрасно счастье мнѣ сулили
Уста волшебницъ молодыхъ;
Двѣнадцать дѣвъ меня любили,
Я для нея покинулъ ихъ;
Оставилъ теремъ ихъ веселый,
Въ тѣни хранительныхъ дубровъ;
Сложилъ и мечъ, и шлемъ тяжелый,
Забылъ и славу, и враговъ.
Отшельникъ мирный и безвѣстный,
Остался въ счастливой глуши,
Съ тобой, другъ милый, другъ прелестный,
Съ тобою, свѣтъ моей души!» —

Пастушка милая внимала
Друзей открытый разговоръ,

И, устремивъ на хана взоръ,
И улыбалась, и вздыхала.

Рыбакъ и витязь на берегахъ
До темной ночи просидѣли
Съ душой и сердцемъ на устахъ.
Часы невидимо летѣли.
Чернѣетъ лѣсъ, темна гора ;
Встаетъ луна — все тихо стало ;
Герою въ путь давно пора.
Накинувъ тихо покрывало
На дѣву спящую, Русланъ
Идетъ и на коня садится ;
Задумчиво безмолвный ханъ
Душей во слѣдъ ему стремится,
Руслану счастья, побѣдъ,
И славы, и любви желаетъ....
И думы гордыхъ, юныхъ лѣтъ
Невольной грустью оживляетъ.

Зачѣмъ судьбой не суждено
Моей непостоянной лирѣ
Геройство воспѣвать одно,
И съ нимъ (незнаемая въ мѣрѣ)
Любовь и дружбу старыхъ лѣтъ?
Печальной истины поэтъ,
Зачѣмъ я долженъ для потомства
Порокъ и злобу обнажать,
И тайны козни вѣроломства
Въ правдивыхъ пѣсняхъ обличать ?

Княжны искатель недостойный,
Охоту къ славѣ потерявъ,

Никѣмъ незнаемый, Фарлафъ
Въ пустынь дальной и спокойной
Скрывался и Нанны ждалъ.
И часъ торжественный насталъ.
Къ нему волшебница явилась,
Вѣщая : «Знаешь ли меня ?
Ступай за мной, сѣдай коня !»
И вѣдьма кошкой обратилась.
Осѣданъ конь ; она пустилась
Тропами мрачными дубравъ,
За нею слѣдуетъ Фарлафъ.

Долина тихая дремала,
Въ ночной одѣтая туманъ,
Луна во мгль перебѣгала
Изъ тучи въ тучу, и курганъ
Мгновеннымъ блескомъ озаряла.
Подъ нимъ въ безмолвіи Русланъ
Сидѣлъ съ обычною тоскою
Предъ усыпленною княжною ;
Глубоку думу думалъ онъ,
Мечты летѣли за мечтами,
И непримѣтно вѣялъ сонъ
Надъ нимъ холодными крылами ;
На дѣву смутными очами
Въ дремотѣ томной онъ взглянулъ,
И, утомленною главою
Склонясь къ ногамъ ея, заснулъ.

И снится вѣщій сонъ герою :
Онъ видитъ, будто бы княжна
Надъ страшной бездны глубиною

Стоитъ недвижна и блѣдна....
И вдругъ Людмила исчезаетъ,
Стоитъ одинъ надъ бѣдной онъ....
Знакомый гласъ, призывный стонъ
Изъ тихой бездны вылетаетъ....
Русланъ стремится за женой ;
Стремглавъ летитъ во тмѣ глубокой....
И видитъ вдругъ передъ собой :
Владиміръ , въ гридницѣ высокой,
Въ кругу сѣдыхъ богатырей,
Между двѣнадцатю сынами,
Съ толпою названныхъ гостей,
Сидитъ за бранными столами ;
И также гнѣвенъ старый князь,
Какъ въ день ужасный разставанья ;
И всѣ сидятъ не шевелясь,
Не смѣя перервать молчанья.
Утихъ веселый шумъ гостей,
Не ходитъ чаша круговая....
И видитъ онъ, среди гостей,
Въ бою сраженнаго Рогдая :
Убитый, какъ живой сидитъ ;
Изъ опѣннаго стакана
Онъ весель, пьетъ и не глядитъ
На изумленнаго Руслана.
Князь видитъ и младаго хана,
Друзей и недруговъ.... и вдругъ
Раздался гуслей бѣглый звукъ
И голосъ вѣщаго Баяна ,
Пѣвца героевъ и забавъ.
Вступаетъ въ гридницу Фарлафъ,
Ведетъ онъ за руку Людмилу ;

Но старецъ, съ мѣста не привставъ
Молчить, склонивъ главу унылу,
Князья, боиры — всѣ молчатъ,
Душевные движенья кроя.
И все исчезло — смертный хладъ
Объемлетъ спящаго героя.
Въ дремоту тяжело погруженъ,
Онъ льетъ мучительныя слезы,
Въ волненьи мыслить : это сонъ !
Томится, но зловѣщей грезы,
Увы, прервать не въ силахъ онъ !

Луна чуть свѣтитъ надъ горою ;
Объяты роци темнотою ;
Долина въ мертвой тишинѣ....
Измѣнникъ ѣдетъ на конѣ.

Предъ нимъ открылася поляна ,
Онъ видитъ сумрачный курганъ ;
У ногъ Людмилы спитъ Русланъ,
И ходитъ конь кругомъ кургана.
Фарлафъ съ боязнію глядитъ ;
Въ туманѣ вѣдьма исчезаетъ ;
Въ немъ сердце замерло, дрожитъ,
Изъ хладныхъ рукъ узду роняетъ,
Тихонько обнажаетъ мечъ,
Готовясь витязя безъ боя
Съ размаха на двое разсѣчь....
Къ нему подѣхалъ. Конь героя,
Врага почуя, закипѣлъ,
Заржалъ и топнулъ. Знакъ напрасный !
Русланъ не внемлетъ — сонъ ужасный,

Какъ грузъ, надъ нимъ отяготѣлъ!...
Измѣнникъ, вѣдмой ободренный,
Герою въ грудь рукой презрѣнной,
Вонзаетъ трижды хладну сталь....
И мчится боязливо въ даль
Съ своей добычей драгоценной.

Всю ночь безчувственный Русланъ
Лежалъ во мракѣ подъ горою.
Часы летѣли. Кровь рѣкою
Текла изъ воспаленныхъ ранъ.
Поутру, взоръ открывъ туманной,
Пуская тяжкій, слабый стонъ,
Съ усильемъ приподнялся онъ,
Взглянулъ, поникъ главою бранной —
И палъ недвижный, бездыханной.

ПѢСНЬ ШЕСТАЯ.

Ты мнѣ велишь, о другъ мой нѣжной,
На лирѣ легкой и небрежной
Старинны были напѣвать,
И Музѣ вѣрной посвящать
Часы безцѣннаго досуга....
Ты знаешь, милая подруга:
Поссорясь съ вѣтренной молвой,
Твой другъ, блаженствомъ упоенный,
Забылъ и трудъ уединенный,
И звуки лиры дорогой.
Отъ гармонической забавы

Я, нѣгой упоень, отвыкъ....
Дышу тобой — и гордой славы
Невнятенъ мнѣ призывный кликъ !
Меня покинулъ тайный геній
И вымысловъ, и сладкихъ думъ ;
Любовь и жажда наслажденій
Однѣ преслѣдуютъ мой умъ.
Но ты велишь, но ты любила
Разказы прежніе мои,
Преданья славы и любви ;
Мой богатырь, моя Людмила,
Владиміръ, вѣдьма, Черноморъ,
И Фина вѣрныя печали
Твое мечтанье занимали ;
Ты, слушая мой легкій вздоръ,
Съ улыбкой иногда дремала,
Но иногда свой нѣжный взоръ
Нѣжнѣе на пѣвца бросала....
Рѣшусь — влюбленный говорунъ,
Касаюсь вновь лѣнивыхъ струнъ ;
Сажусь у ногъ твоихъ, и снова
Брянчу про витязя младова.

Но что сказалъ я? Гдѣ Русланъ?
Лежитъ онъ мертвый въ чистомъ полѣ ;
Ужъ кровь его не льется болѣ,
Надъ нимъ летаетъ жадный вранъ ;
Безгласенъ рогъ, недвижны латы,
Не шевелится шлемъ косматый !

Вокругъ Руслана ходитъ конь,
Поникнувъ гордой головою,

Въ его глазахъ исчезъ огонь,
Не машетъ гривой золотою,
Не тѣшится, не скачетъ онъ,
И ждетъ когда Русланъ воспрянетъ....
Но князя крѣпокъ хладный сонъ,
И долго щить его не грянетъ!

А Черноморъ? Онъ за сѣдломъ,
Въ котомкѣ, вѣдьмою забытый,
Еще не знаетъ ни о чемъ;
Усталый, сонный и сердитый,
Княжну, героя моего
Бранилъ отъ скуки молчаливо.
Не слыша долго ничего,
Волшебникъ выглянулъ — о диво!
Онъ видитъ, богатырь убитъ,
Въ крови потопленный лежитъ;
Людмилы нѣтъ, все пусто въ полѣ;
Злодѣй отъ радости дрожитъ
И мнить: свершилось, я на волѣ!
Но старый карла былъ неправъ.

Межъ тѣмъ, Наиной осѣненный
Съ Людмилой, тихо усыпленной,
Стремится къ Кіеву Фарлафъ,
Летитъ, надежды, страха полный;
Предъ нимъ уже Днѣпровски волны
Въ знакомыхъ пажитяхъ шумятъ;
Ужъ видитъ златоверхій градъ;
Уже Фарлафъ по граду мчится,
И шумъ на стогнахъ возстаетъ;
Въ волненьи радостномъ народъ

Валить за всадникомъ, тѣснится ;
Бѣгутъ обрадовать отца —
И вотъ измѣнникъ у крыльца.

Влача въ душѣ печали бремя,
Владиміръ-солнышко въ то время
Въ высокомъ теремѣ своемъ
Сидѣлъ, томясь привычной думой.
Бояре, витязи кругомъ
Сидѣли съ важностью угрюмой.
Вдругъ внемлетъ онъ передъ крыльцомъ
Волненье, крики, шумъ чудесный,
Дверь отворилась — передъ нимъ
Явился воинъ неизвѣстный ;
Всѣ встали съ шепотомъ глухимъ,
И вдругъ смутились, зашумѣли :
« Людмила здѣсь ! Фарлафъ !... Ужели ? »
Въ лицѣ печальномъ измѣнясь,
Встаетъ со стула старый князь,
Спѣшитъ тяжелыми шагами
Къ несчастной дочери своей ,
Подходить , отчими руками
Онъ хочетъ прикоснуться къ ней ,
Но дѣва милая не внемлетъ ,
И очарованная дремлетъ
Въ рукахъ убійцы. Всѣ глядятъ
На князя въ смутномъ ожиданьи ;
И старецъ безпокойный взмядъ
Вперилъ на витязя въ молчаньи.
Но, хитро персть къ устамъ прижавъ,
« Людмила спитъ, сказалъ Фарлафъ,
Я такъ нашелъ ее недавно

Въ пустынныхъ Муромскихъ лѣсахъ
У злаго лѣшаго въ рукахъ ;
Тамъ совершилось дѣло славно,
Три дня мы билися ; луна
Надъ боемъ трижды подымалась ;
Онъ палъ, а юная княжна
Мнѣ въ руки сонною досталась ;
И кто прерветъ сей дивный сонъ !
Когда настанетъ пробужденье ?
Не знаю — скрытъ судьбы законъ !
А намъ надежда и терпѣнье
Однѣ остались въ утѣшенье. »

И вскорѣ съ вѣстью роковой
Молва по граду полетѣла ;
Народа пестрою толпой
Градская площадь закипѣла ;
Печальный теремъ всѣмъ открытъ ;
Толпа волнуется, валить
Туда, гдѣ на одрѣ високомъ,
На одѣялѣ парчевомъ
Княжна лежитъ во снѣ глубокомъ ;
Князя и витязи кругомъ
Стоять унылы ; гласы трубы,
Рога, тимпаны, гусли, бубны
Гремятъ надъ нею. Старый князь,
Тоской тяжелой изнурясь,
Къ ногамъ Людмилы сѣдинами
Приникъ съ безмолвными слезами ;
И блѣдный близъ него Фарлафъ
Въ нѣмомъ раскаяннѣ, въ досадѣ,
Трепещетъ, дерзость потерявъ.

Настала ночь. Никто во градѣ
Очей безсонныхъ не смыкалъ ;
Шумя, тѣснились всѣ другъ къ другу ;
О чудѣ всякій толковалъ ;
Младой супругъ свою супругу
Въ свѣтлицѣ скромной забывалъ.
Но только свѣтъ луны двурогой
Исчезъ предъ утренней зарей,
Весь Кіевъ новою тревогой
Смутился. Клики, шумъ и вой
Возникли всюду. Кіевляне
Толпятся на стѣнѣ градской....
И видятъ : въ утреннемъ туманѣ
Шатры бѣлѣютъ за рѣкой *);
Щиты какъ зарево блистаютъ,
Въ поляхъ наѣздники мелькаютъ,
Вдали подъемя черный прахъ
Идутъ походныя телѣги,
Костры пылаютъ на холмахъ —
Бѣда, возстали Печенѣги !
Но въ это время вѣщій Финъ,
Духовъ могучій властелинъ,
Въ своей пустынѣ безмятежной,
Съ спокойнымъ сердцемъ ожидалъ,
Чтобъ день судьбины неизбежной,
Давно предвидѣнный, возсталъ.

Въ нѣмой глуши степей горючихъ,
За дальней цѣпью дикихъ горъ,
Жилища вѣтровъ, бурь гремучихъ,

*) «Шатры бѣлѣютъ на холмахъ....»
.....

Куда и вѣдъмы смѣлый взоръ
Проникнуть въ поздній часъ боится,
Долина чудная таится,
И въ той долинь два ключа :
Одинъ течетъ волной *живою*,
По камнямъ весело журча ;
Тотъ льется *мертвою* водою.
Кругомъ все тихо, вѣтры спятъ,
Прохлада вешняя не вѣетъ,
Столѣтні сосны не шумятъ,
Не вьются птицы; лань не смѣетъ
Въ жаръ лѣтній пить изъ тайныхъ водъ ;
Чета духовъ съ начала міра,
Безмолвная на лонѣ мира,
Дремучій берегъ стережетъ....
Съ двумя кувшинами пустыми
Предсталъ отшельникъ передъ ними.
Прервали духи дивный сонъ
И удалились страха полны.
Склонившись, погружаетъ онъ
Сосуды въ дѣвственныя волны,
Наполнилъ, въ воздухѣ пропалъ,
И очутился въ два мгновенья
Въ долинь, гдѣ Русланъ лежалъ
Въ крови, безгласный, безъ движенья ;
И сталъ надъ рыцаремъ старикъ,
И вспрыснулъ мертвою водою —
И раны засіяли вмигъ,
И трупъ чудесной красотою
Процвѣлъ ; тогда водой живою
Героя старецъ окропилъ,
И бодрый, полный новыхъ силъ,

Трепеща жизнью молодою
Встаетъ Русланъ, на ясный день
Очами жадными взираетъ ;
Какъ безобразный сонъ, какъ тѣнь,
Предъ нимъ минувшее мелькаетъ.
Но гдѣ Людмила? Онъ одинъ !
Въ немъ сердце вспыхнувъ замираетъ.
Вдругъ витязь вспрянулъ. Вѣщій Финъ
Его зоветъ и обнимаетъ :
«Судьба свершилась, о мой сынъ !
Тебя блаженство ожидаетъ ;
Тебя зоветъ кровавый пиръ,
Твой грозный мечъ бѣдою грянетъ ;
На Кіевъ снидетъ кроткій миръ,
И тамъ она тебѣ предстанетъ.
Возьми завѣтное кольцо,
Коснися имъ чела Людмилы,
И тайныхъ чаръ исчезнуть силы ;
Враговъ смутить твое лицо ;
Настанетъ миръ, погибнетъ злоба.
Достойны счастья будьте оба.
Прости на долго, витязь мой !
Дай руку.... тамъ, за дверью гроба —
Не прежде — свидимся съ тобой !»
Сказалъ, исчезнулъ. Упоенный
Восторгомъ пылкимъ и нѣмымъ,
Русланъ, для жизни пробужденный,
Подъемлетъ руки вслѣдъ за нимъ....
Но ничего не слышно болѣ !
Русланъ одинъ въ пустынномъ полѣ !
Запрыгавъ, съ карлой за сѣдломъ,
Руслановъ конь нетерпѣливой

Бѣжитъ и ржетъ, махая гривой ;
Ужъ князь готовъ, ужъ онъ верхомъ,
Ужъ онъ летитъ живой и здоровый,
Черезъ поля, черезъ дубравы !

Но между тѣмъ какой позоръ
Являетъ Кіевъ осажденный !
Тамъ, устремивъ на нивы взоръ,
Народъ, уныньемъ пораженный,
Стоитъ на башняхъ и стѣнахъ
И въ страхъ ждетъ небесной казни ;
Стенанья робкія въ домахъ,
На стогнахъ тишина боязни.
Одинъ, близъ дочери своей,
Владиміръ въ горестной молитвѣ ;
И храбрый сонмъ богатырей
Съ дружиной вѣрною князей
Готовится къ кровавой битвѣ.

И день насталъ. Толпы враговъ
Съ зарею двинулись съ холмовъ.
Неукротимыя дружины,
Волнуясь, хлынули съ равнины
И потекли къ стѣнѣ градской ;
Во градъ трубы загремѣли,
Бойцы сомкнулись, полетѣли
Навстрѣчу рати удалой,
Сошлись — и заварился бой.
Почуя смерть, выиграли кони,
Пошли стучать мечи о брони,
Со свистомъ туча стрѣлъ взвилась —
Равнина кровью залилась ;

Стремглавъ наѣздники помчались ;
Дружины конныя смѣшались ;
Сомкнутой, дружною стѣной
Тамъ рубится со строемъ строй,
Со всадникомъ тамъ пѣшій бьется ;
Тамъ конь испуганный несется ;
Тамъ Русскій палъ, тамъ Печенѣгъ,
Тамъ клики битвы, тамъ побѣгъ ;
Тотъ опрокинуть булавою,
Тотъ легкой пораженъ стрѣлою ;
Другой, придавленный щитомъ,
Растоптанъ бѣшенымъ конемъ....
И длился бой до темной ночи,
Ни врагъ, ни нашъ не одолѣлъ !
За грудями кровавыхъ тѣлъ
Бойцы сомкнули томны очи,
И крѣпокъ былъ ихъ бранный сонъ ;
Лишь изрѣдка на полѣ битвы
Былъ слышенъ падшихъ скорбный стонъ,
И Русскихъ витязей молитвы.

Блѣднѣла утренняя тѣнь,
Волна серебрилася въ потокъ,
Сомнительный раждался день
На отуманенномъ востокѣ.
Яснѣли холмы и лѣса,
И просыпались небеса.
Еще въ бездѣйственномъ покоѣ
Дремало поле боевое ;
Вдругъ сонъ прервался : вражій станъ
Съ тревогой шумною воспрянулъ,
Внезапный крикъ сраженій грянулъ ;

Смутилось сердце Кіевлянъ ;
Бѣгутъ нестройными толпами
И видятъ : въ полѣ, межъ врагами,
Блестая въ латахъ какъ въ огнѣ,
Чудесный воинъ на конѣ
Грозой несется, колитъ, рубитъ,
Въ ревуцїи рогъ, летая, трубитъ....
То былъ Русланъ. Какъ Божїи громъ
Нашъ витязь палъ на басурмана ;
Онъ рыщетъ съ карлой за сѣдомъ
Среди испуганнаго стана.
Гдѣ ни просвищетъ грозный мечъ,
Гдѣ конь сердитый ни промчится,
Вездѣ главы слетаютъ съ плечъ,
И съ воплемъ строй на строй валится ;
Въ одно мгновенье бранный лугъ
Покрываетъ холмами тѣль кровавыхъ,
Живыхъ, раздавленныхъ, безглавыхъ,
Громадой копій, стрѣлъ, кольчугъ.
На трубный звукъ, на голосъ боя
Дружины конныя Славянъ
Помчались по слѣдамъ героя,
Сразились.... гибни, басурманъ !
Объемлетъ ужасъ Печенѣговъ.
Питомцы бурные набѣговъ
Зовутъ разсѣянныхъ коней ;
Противиться не смѣютъ болѣ,
И съ дикимъ воплемъ въ пыльномъ полѣ
Бѣгутъ отъ Кіевскихъ мечей,
Обречены на жертву аду ;
Ихъ сонмы Русскїи мечъ казнить.
Ликуетъ Кіевъ.... Но по граду

Могучій богатырь летитъ ,
Въ десницѣ держитъ мечъ побѣдной ;
Конь сїяетъ какъ звѣзда ;
Струится кровь съ кольчуги мѣдной ;
На шлемѣ вьется борода.
Летитъ, надеждой окриленный,
По стогнамъ шумнымъ въ княжій домъ.
Народъ, восторгомъ упоенный,
Толпился съ кликами кругомъ,
И князя радость оживила.
Въ безмолвный теремъ входитъ онъ,
Гдѣ дремлетъ чуднымъ сномъ Людмила ;
Владиміръ, въ думу погруженъ,
У ногъ ея стоялъ унымый.
Онъ былъ одинъ. Его друзей
Война влекла въ поля кровавы.
Но съ нимъ Фарлафъ, чуждаясь славы,
Вдали отъ вражескихъ мечей,
Въ душѣ презрѣвъ тревоги стана,
Стоялъ на стражѣ у дверей.
Едва злодѣй узналъ Руслана,
Въ немъ кровь остыла, взоръ погасъ,
Въ устахъ открытыхъ замеръ гласъ,
И палъ безъ чувствъ онъ на колѣна....
Достойной казни ждетъ измѣна!
Но, помня тайный даръ кольца,
Русланъ летитъ къ Людмилѣ спящей,
Ея спокойнаго лица
Касается рукой дрожащей....
И чудо — юная княжна,
Вздохнувъ, открыла свѣтлы очи !
Казалось, будто бы она

Дивимася столь долгой ночи ;
Казалось, что какой-то сонъ
Ее томилъ мечтой неясной,
И вдругъ узнала — это онъ !
И князь въ объятіяхъ прекрасной !
Воскреснувъ пламенной душой,
Русланъ не видитъ, не внимаетъ,
И старецъ въ радости нѣмой,
Рыдая милыхъ обнимаетъ.

Чѣмъ кончу длинный мой рассказъ ?
Ты угадаешь, другъ мой милой !
Неправый старца гнѣвъ погасъ ;
Фарлафъ предъ нимъ и предъ Людмилой
У ногъ Руслана объявилъ
Свой стыдъ и мрачное злодѣйство ;
Счастливымъ князь ему простилъ ;
Лишенный силы чародѣйства,
Былъ принятъ карла во дворецъ ;
И, бѣдствій празднуя конецъ,
Владиміръ въ гридницѣ высокой
Запировалъ въ семьѣ своей.

Дѣла давно минувшихъ дней,
Преданья старины глубокой !

ЭПИЛОГЪ.

Такъ міра житель равнодушной,
На лонѣ праздной тишины,
Я славилъ лирою послушной
Преданья темной старины.
Я пѣлъ — и забывалъ обиды
Слѣпаго счастья и враговъ,
Измѣны вѣтренной Дориды,
И сметни шумныя глупцовъ.
На крыльяхъ вымысла носимой,
Ужъ улеталъ за край земной ;
И между тѣмъ грозы незримой
Сбиралась туча надо мной !...
Я погибалъ... Святой хранитель
Первоначальныхъ, бурныхъ дней,
О дружба, нѣжный утѣшитель
Болѣзненной души моей !
Ты умолила непогоду,
Ты сердцу возвратила миръ ;
Ты сохранила мнѣ свободу,
Кипящей младости кумиръ !

Забытый свѣтомъ и молвою,
Далече отъ бреговъ Невы,
Теперь я вижу предъ собою
Кавказа гордыя главы.
Надъ ихъ вершинами крутыми,
На скатѣ каменныхъ стремнинъ,
Питаюсь чувствами нѣмыми
И чудной преместью картинъ
Природы дикой и угрюмой.
Душа, какъ прежде, каждый часъ
Полна томительною думой —
Но огонь поэзіи погасъ.
Ищу напрасно впечатлѣній!
Она прошла, пора стиховъ,
Пора любви, веселыхъ сновъ,
Пора сердечныхъ вдохновеній!
Восторговъ краткій день протекъ —
И скрылась отъ меня на вѣкъ
Богиня тихихъ пѣснопѣній....

26 Іюня 1820. Кавказъ.

II.

КАВКАЗСКІЙ ПЛѢННИКЪ.

(1821.)

ПОСВЯЩЕНІЕ.

Н. Н. РАЕВСКОМУ.

*Прими съ улыбкою, мой другъ,
Свободной Музы приношенье:
Тебѣ я посвятилъ пустынной лиры пльнье
И вдохновенный свой досугъ.
Когда мнѣ бѣдствія грозили *),
Я при тебѣ еще спокойство находилъ,
Я сердцемъ отдыхалъ: другъ друга мы любили,
И бури надо мной свирѣпость утомили,
Я въ мирной пристани боговъ благословилъ.
Во дни печальные разлуки
Мои задумчивые звуки
Напоминали мнѣ Кавказъ,*

*) Въ первомъ изданіи: «Когда гроза и вихрь мой чолнъ о камни били».

Гдѣ пасмурный Бешту ¹, пустынный величавый,
Ауловъ ² и полей властитель пятиглавый,

 Былъ новый для меня Парнасъ.

 Забуду ли кремнистыя вершины,

Гремушіе ключи, увядшія равнины,

Пустыни знойныя, края, гдѣ ты со мной

 Дѣлалъ души младыя впечатлѣнья;

Гдѣ рыскаетъ въ горахъ воинственный разбой,

 И дикій гений вдохновенья

 Таится въ тишинѣ глухой!

 Ты здѣсь найдешь воспоминанья,

 Быть можетъ, милыхъ сердцу дней,

 Противорѣчія страстей,

Мечты знакомыя, знакомыя страданья,

 И тайный гласъ души моей.

 Мы въ жизни разно шли: въ объятіяхъ покоя

Едва-едва расцвѣлъ, и вслѣдъ отца-героя,

Въ поля кровавыя, подъ тучи вражскихъ стрѣлъ,

Младенецъ избранный, ты гордо полетѣлъ;

Отечество тебя ласкало съ умиленьемъ,

Какъ жертву милую, надежды вѣрный цвѣтъ.

Я рано скорбь узналъ, узналъ людей и свѣтъ....

 Но сердце укрѣпивъ терпѣньемъ,

 Я ждалъ безопасно лучшихъ дней,

 И счастье моихъ друзей

 Мнѣ было сладкимъ утѣшеньемъ.

¹ Бешту, или, правильнѣе, Бештау. Кавказская гора, въ 40 верстахъ отъ Георгіевска. Извѣстна въ нашей исторіи.

² Ауль. Такъ называются деревни Кавказскихъ народовъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Въ аулѣ, на своихъ порогахъ,
Черкесы праздные сидятъ.
Сыны Кавказа говорятъ
О бранныхъ, гибельныхъ тревогахъ,
О красотѣ своихъ коней,
О наслажденьяхъ дикой нѣги;
Вспоминаютъ прежнихъ дней
Неотразимые набѣги,
Обманы хитрыхъ узденей ³,
Удары шашекъ ⁴ ихъ жестокихъ,
И мѣткость неизбѣжныхъ стрѣлъ,
И пепель разоренныхъ селъ,
И ласки плѣнницъ черноокихъ.

Текутъ бесѣды въ тишинѣ;
Луна плыветъ въ ночномъ туманѣ,
И вдругъ предъ ними на конѣ
Черкесь. Онъ быстро на арканѣ
Младаго плѣнника влачилъ.

³ *Узденъ*, начальникъ или князь.

⁴ *Шашка*, Черкесская сабля.

Вотъ Русскій! хищникъ возопилъ.
Аулъ на крикъ его сбѣжался
Ожесточенною толпой ;
Но плѣнникъ хладный и нѣмой,
Съ обезображенной главой,
Какъ трупъ недвижимъ оставался.
Лица враговъ не видитъ онъ,
Угрозъ и криковъ онъ не слышитъ ;
Надъ нимъ летаетъ смертный сонъ
И холодомъ тлетворнымъ дышитъ.

И долго плѣнникъ молодой
Лежалъ въ забвеніи тяжеломъ.
Ужь полдень надъ его главой
Пылалъ въ сіяніи веселомъ ;
И жизни духъ проснулся въ немъ,
Невнятный стонъ въ устахъ раздался ;
Согрѣтый солнечнымъ лучемъ,
Несчастный тихо приподнялся ;
Кругомъ обводитъ слабый взоръ....
И видитъ : неприступныхъ горъ
Надъ нимъ воздвигнулась громада,
Гнѣздо разбойничьихъ племенъ,
Черкеской вольности ограда.
Вспомнилъ юноша свой плѣнъ,
Какъ сна ужаснаго тревоги,
И слышитъ , загремѣли вдругъ
Его закованныя ноги....
Все, все сказалъ ужасный звукъ !
Затмилась передъ нимъ природа.
Прости, священная свобода !
Онъ рабъ.

За саклями ⁵ лежитъ
Онъ у колючаго забора.
Черкесы въ полѣ, нѣтъ надзора,
Въ пустомъ аулѣ все молчитъ.
Предъ нимъ пустынный равнины
Лежатъ зеленой пеленой ;
Тамъ холмовъ тянутся грядой
Однообразныя вершины ;
Межъ нихъ уединенный путь
Вдали теряется угрюмой....
И плѣнника младаго грудь
Тяжелой взволновалась думой....

Въ Россію дальній путь ведетъ,
Въ страну, гдѣ пламенную младость
Онъ гордо началъ, безъ заботъ,
Гдѣ первую позналъ онъ радость,
Гдѣ много милаго любилъ,
Гдѣ обнялъ грозное страданье,
Гдѣ бурной жизнью погубилъ
Надежду, радость и желанье,
И лучшихъ дней воспоминанье
Въ увядшемъ сердцѣ заключилъ.

Людей и свѣтъ извѣдалъ онъ,
И зналъ невѣрной жизни цѣну.
Въ сердцахъ друзей нашедъ измѣну,
Въ мечтахъ любви безумный сонъ !
Наскучивъ жертвой быть привычной
Давно презрѣнной суеты,

⁵ Сакля, хижина.

И непріязни двуязычной,
И простодушной клеветы, —
Отступникъ свѣта, другъ природы,
Покинулъ онъ родной предѣлъ,
И въ край далекій полетѣлъ
Съ веселымъ призракомъ свободы.

Свершилось!... Цѣлью упованья
Не зреть онъ въ мірѣ ничего.
И вы, послѣднія мечтанья,
И вы сокрылись отъ него!...
Онъ рабъ. Склонясь головой на камень,
Онъ ждетъ, чтобъ съ сумрачной зарей
Погасъ печальной жизни пламень,
И жаждетъ сѣни гробовой.

Ужъ меркнетъ солнце за горами ;
Вдали раздался шумный гулъ,
Съ полей народъ идетъ въ аулъ,
Сверкая свѣтлыми косами.
Пришли, въ домахъ зажглись огни,
И постепенно шумъ нестройной
Умолкнулъ. Все въ ночной тѣни
Объято нѣгою спокойной.
Вдали сверкаетъ горный ключъ,
Сбѣгая съ каменной стремнины ;
Одѣлись пеленою тучъ
Кавказа спящія вершины....
Но кто, въ сіяніи луны,
Среди глубокой тишины
Идетъ, украдкою ступая ?
Очнулся Русскій. Передъ нимъ,

Съ привѣтомъ нѣжнымъ и нѣмымъ,
Стоитъ Черкешенка младая.
На дѣву молча смотритъ онъ,
И мыслить : это лживый сонъ,
Усталыхъ чувствъ игра пустая....
Луною чуть озарена,
Съ улыбкой жалости отрадной,
Колѣна преклонивъ, она
Къ его устамъ кумысъ ⁶ прохладной
Подноситъ тихую рукой.
Но онъ забылъ сосудъ цѣлебный,
Онъ ловитъ жадною душой
Пріятной рѣчи звукъ волшебный
И взоры дѣвы молодой.
Онъ чуждыхъ словъ не понимаетъ....
Но взоръ умильный, жаръ ланить,
Но голосъ нѣжный говоритъ
Живи — и плѣнникъ оживаетъ!
И онъ, собравъ остатокъ силъ,
Велѣнью милому покорной,
Привсталъ, и чашей благотворной
Томленье жажды утолилъ.
Потомъ на камень вновь склонился
Отягощенною главой,
Но все къ Черкешенкѣ младой
Угасшій взоръ его стремился.
И долго, долго передъ нимъ
Она задумчива сидѣла,

⁶ *Кумысъ* дѣлается изъ кобыльаго молока : напитокъ сей въ большомъ употребленіи между всѣми горскими и кочующими народами Азіи. Онъ довольно пріятенъ и почитается весьма здоровымъ.

Какъ бы участіемъ нѣмымъ
 Утѣшить плѣнника хотѣла;
 Уста невольно каждый часъ
 Съ начатой рѣчью открывались,
 Она вздыхала, и не разъ
 Слезами очи наполнялись.

За днями дни прошли какъ тѣнь.
 Въ горахъ, окованный, у стада
 Проводитъ плѣнникъ каждый день.
 Пещеры темная прохлада
 Его скрываетъ въ лѣтній зной.
 Когда же рогъ луны сребристой
 Блеснетъ за мрачною горой,
 Черкешенка, тропой тѣнистой,
 Приноситъ плѣннику вино,
 Кумысь, и улевъ сотъ душистой,
 И бѣлоснѣжное пшено;
 Съ нимъ тайный ужинъ раздѣляетъ,
 На немъ покоитъ нѣжный взоръ,
 Съ неясной рѣчию сливаетъ
 Очей и знаковъ разговоръ;
 Поетъ ему и пѣсни горъ,
 И пѣсни Грузіи счастливой,
 И памяти нетерпѣливой
 Передаетъ языкъ чужой.⁷
 Впервые дѣвственной душой
 Она любила, знала счастье;
 Но Русскій жизни молодой

⁷ Счастливый климатъ Грузіи не вознаграждаетъ сей прекрасной страны за всѣ бѣдствія, вѣчно ею претерпѣваемыя. Пѣсни Грузинскія пріятны и по большей части заунывны. Онѣ

Давно утратилъ сладострастье :
Не могъ онъ сердцемъ отвѣчать
Любви младенческой, открытой —
Быть можетъ, сонъ любви забытой
Боялся онъ воспоминать.

Не вдругъ увянетъ наша младость,
Не вдругъ восторги бросятъ насъ,
И неожиданную радость
Еще обнимемъ мы не разъ.
Но вы, живыя впечатлѣнья,
Первоначальная любовь,
О, первый пламень упоенья,
Не прилетаете вы вновь!

Казалось, плѣнникъ безнадежный
Къ унылой жизни привыкалъ;
Тоску неволи, жаръ мятежный,
Въ душѣ глубоко онъ скрывалъ.
Влачась межъ угрюмыхъ скалъ,
Въ часъ ранней утренней прохлады,
Вперялъ онъ неподвижный взоръ *)
На отдаленныя громады
Сѣдыхъ, румяныхъ, синихъ горъ.
Великолѣпныя картины!
Престолы вѣчные снѣговъ!
Очамъ казались ихъ вершины
Недвижной цѣпью облаковъ.

славятъ минутные успѣхи Кавказскаго оружія, смерть нашихъ героевъ Бакунина и Циціанова, измѣны, убійства, иногда любовь и наслажденія.

*) Въ первомъ изданіи: «Остановлялъ онъ долго взоръ.»

И въ ихъ кругу колоссъ двуглавый,
 Въ вѣнцѣ блистая ледяномъ,
 Эльбрусъ огромный, величавый,
 Бѣлѣлъ на небѣ голубомъ.⁸

⁸ Державинъ, въ превосходной своей одѣ Графу Зубову, первый изобразилъ въ слѣдующихъ строфахъ дикія картины Кавказа :

О юный вождь ! Сверша походы,
 Прощель ты съ воинствомъ Кавказъ,
 Зрѣлъ ужасы, красы природы :
 Какъ съ ребръ тамъ страшныхъ горъ лѣсъ,
 Ревуть въ мракъ безднъ сердиты рѣки,
 Какъ съ чель ихъ съ грохотомъ снѣга
 Падуть, лежавши цѣлы вѣки ;
 Какъ серны, внизъ склонивъ рога.
 Зрятъ въ мглѣ спокойно подъ собою
 Рожденье молній и громовъ.
 Ты зрѣлъ, какъ ясною порою,
 Тамъ солнечны лучи средь льдовъ,
 Средь водъ, играя, отражаясь,
 Великолѣпный кажутъ видъ ;
 Какъ, въ разноцвѣтныхъ разсѣваясь
 Тамъ брызгахъ, тонкій дождь горить ;
 Какъ глыба тамъ сизоянтарна,
 Навѣсясь, смотреть въ темный боръ ;
 А тамъ заря златобагряна
 Сквозь лѣсъ увеселяетъ взоръ.

Жуковскій, въ своемъ посланіи къ Г-ну Воейкову, также посвящаетъ нѣсколько прелестныхъ стиховъ описанію Кавказа :

Ты зрѣлъ, какъ Терекъ въ быстромъ бѣгѣ
 Межъ виноградниковъ шумѣлъ,
 Гдѣ часто, притаясь на брегѣ,
 Чеченецъ иль Черкесь сидѣлъ,
 Подъ буркой, съ гибельнымъ арканомъ ;
 И вдалекѣ передъ тобой,
 Одѣты голубымъ туманомъ,

Когда, съ глухимъ сливаясь гуломъ,
Предтеча бури, громъ гремѣлъ,
Какъ часто плѣнникъ предъ ауломъ
Недвижимъ на горѣ сидѣлъ!

Гора вздымалась надъ горой,
И въ сонмѣ ихъ гигантъ сѣдой,
Какъ туча, Эльборусъ двуглавый.
Ужасною и величавой
Тамъ все блистаетъ красотой:
Утесовъ мшистыя громады,
Бѣгущи съ ревомъ водопады
Во мракъ пучинъ съ гранитныхъ скалъ;
Лѣса, которыхъ сна отъ вѣка
Ни стукъ сѣкиръ, ни человѣка
Веселый гласъ не возмущалъ,
Въ которыхъ сумрачныя сѣни
Еще лучъ дневный не проникъ,
Гдѣ изрѣдка одни елени,
Орла послышавъ грозный крикъ,
Тѣснясь въ толпу, шумятъ вѣтвями,
И козы легкими ногами
Перебѣгаютъ по скаламъ.
Тамъ все является очамъ
Великолѣпнѣ творенья!
Но тамъ, среди уединенья
Долинъ, таящихся въ горахъ,
Гнѣздятся и Балкаръ, и Бахъ,
И Абазехъ, и Камуцинецъ,
И Корбулакъ, и Албазинецъ,
И Чечереецъ, и Шапсукъ.
Пицаль, кольчуга, сабля, лукъ,
И конь, соратникъ быстроногій —
Ихъ и сокровища и боги;
Какъ серны скачутъ по горамъ,
Бросають смерть изъ-за утеса;
Или по топкимъ берегамъ,
Въ травѣ высокой, въ чащѣ лѣса

У ногъ его дымились тучи,
 Въ степи взвивался прахъ летучій;
 Уже приюта между скалъ
 Елень испуганный искалъ;
 Орлы съ утесовъ подымались
 И въ небесахъ перекликались;
 Шумъ табуновъ, мычанье стада
 Ужь гласомъ бури заглушались....
 И вдругъ на доли дождь и градъ
 Изъ тучъ сквозь молній извергались;
 Волнами роя крутизны,
 Сдвигая камни вѣковые,
 Текли потоки дождевые —
 А плѣнникъ, съ горной вышины,
 Одинъ, за тучей громовою,
 Возврата солнечнаго ждалъ,
 Недостигаемый грозою,
 И бури немощному вою
 Съ какой-то радостью внималъ.

Разсыпавшись, добычи ждуть;
 Скалы — свободѣ ихъ приютъ.
 Но дни въ аулахъ ихъ бредутъ
 На костыляхъ угрюмой лѣни:
 Тамъ жизнь ихъ — сонъ; стѣснясь въ кружокъ,
 И въ братскій съ табакомъ горшокъ
 Вонзивши чубуки, какъ тѣни
 Въ дыму клубящемся сидятъ,
 И объ убійствахъ говорятъ;
 Иль хвалятъ мѣткія пищали,
 Изъ коихъ дѣды ихъ стрѣляли;
 Иль сабли на кремняхъ острятъ,
 Готовясь на убійства новы.

Но Европейца все вниманье
Народъ сей чудный привлекалъ.
Межь горцевъ плѣнникъ наблюдалъ
Ихъ вѣру, нравы, воспитанье,
Любилъ ихъ жизни простоту,
Гостепріимство, жажду брани,
Движеній вольныхъ быстроту,
И легкость ногъ, и силу длани ;
Смотрѣлъ по цѣлымъ онъ часамъ,
Какъ иногда Черкесь проворной,
Широкой степью, по горамъ,
Въ косматой шапкѣ, въ буркѣ черной,
Къ лукъ склонясь, на стремяна
Ногою стройной опираясь,
Леталъ по волѣ скакуна,
Къ воинѣ заранѣ пріучаясь.
Онъ любовался красотой
Одежды бранной и простой :
Черкесь оружіемъ обвѣшенъ,
Онъ имъ гордится, имъ утѣшенъ.
На немъ броня, пицаль, колчанъ,
Кубанскій лукъ, кинжалъ, арканъ,
И пашка, вѣчная подруга
Его трудовъ, его досуга.
Ни что его не тяготитъ,
Ничто не брякнетъ : пѣшій, конный —
Все тотъ же онъ , все тотъ же видъ
Непобѣдимый, непреклонный,
Гроза безпечныхъ казаковъ.
Его богатство — конь ретивый,
Питомецъ горскихъ табуновъ,
Товарищъ вѣрный, терпѣливый.

Въ пещерѣ иль травѣ глухой
Коварный хищникъ съ нимъ таится,
И вдругъ, внезапною стрѣлой,
Завидя путника, стремится ;
Въ одно мгновенье вѣрный бой
Рѣшить ударъ его могучій,
И странника въ ущелья горъ
Уже влечетъ арканъ летучій.
Стремится конь во весь опоръ,
Исполненъ огненной отваги,
Все путь ему — болото, боръ,
Кусты, утесы и овраги ;
Кровавый слѣдъ за нимъ бѣжитъ,
Въ пустынѣ топотъ раздается ;
Сѣдой потокъ предъ нимъ шумитъ —
Онъ въ глубь кипящую несется,
И путникъ, брошенный ко дну,
Глодаетъ мутную волну,
Изнемогая смерти проситъ
И зрить ее передъ собой....
Но мощный конь — его стрѣлой
На берегъ пѣнистый выноситьъ.

Иль ухвативъ рогатый пень,
Въ рѣку низверженный грозою,
Когда на холмахъ пеленою
Лежитъ безлунной ночи тѣнь,
Черкесь на корни вѣковые,
На вѣтви вѣшаетъ кругомъ
Свои доспѣхи боевые,
Щитъ, бурку, панцырь и шоломъ,
Колчанъ и лукъ — и въ быстры волны

За нимъ бросается потомъ,
Неутомимый и безмолвный.
Глухая ночь. Рѣка реветъ,
Могучій токъ его несетъ
Вдоль береговъ уединенныхъ,
Гдѣ на курганахъ возвышенныхъ,
Склонясь на копьѣ, казаки
Глядятъ на темный бѣгъ рѣки —
И мимо ихъ, во мглѣ чернѣя,
Плыветъ оружіе злодѣя....
О чемъ ты думаешь, казакъ?
Вспоминаешь прежни битвы,
На смертномъ полѣ свой бивакъ,
Полковъ хвалебныя молитвы,
И родину?... Коварный сонъ!
Простите, вольныя станицы,
И домъ отцовъ, и тихій Донъ,
Война и красныя дѣвицы!
Къ брегамъ причалилъ тайный врагъ,
Стрѣла выходитъ изъ колчана,
Взвилась — и падаетъ казакъ
Съ окровавленнаго кургана. —
Когда же съ мирною семьей
Черкесь въ отеческомъ жилищѣ
Сидитъ ненастною порой,
И тлѣютъ угли въ пепелищѣ;
И спрянувъ съ вѣрнаго коня,
Въ горахъ пустынныхъ запоздалый,
Къ нему войдетъ пришлецъ усталый
И робко сидеть у огня —
Тогда хозяинъ благосклонной
Съ привѣтомъ, ласково, встаетъ,

И гостю въ чашѣ благовонной
 Чихирь ⁹ отрадный подаетъ.
 Подъ влажной буркой, въ саклѣ дымной,
 Вкушаетъ путникъ мирный сонъ,
 И утромъ оставляетъ онъ
 Ночлега кровь гостепріимной ¹⁰.

Бывало, въ свѣтлый Баиранъ ¹¹
 Сберутся юноши толпою ;
 Игра смѣняется игрою :
 То полный разобравъ колчанъ,
 Они крылатыми стрѣлами
 Пронзаютъ въ облакахъ орловъ ;
 То съ высоты крутыхъ холмовъ,
 Нетерпѣливыми рядами
 При данномъ знакѣ вдругъ падутъ,
 Какъ лани землю поражаютъ,
 Равнину пылью покрываютъ
 И съ дружнымъ топотомъ бѣгутъ.

Но скученъ миръ однообразной
 Сердцамъ, рожденнымъ для войны,
 И часто игры воли праздной
 Игрой жестокой смущены.

⁹ *Чихирь*, — красное Грузинское вино.

¹⁰ Черкесы, какъ и всѣ дикіе народы, отличаются предъ нами гостепріимствомъ. Гость становится для нихъ священной особою. Предать его или не защищать почитается межъ ними за величайшее безчестіе. *Кунакъ* (т. е. пріятель, знакомецъ,) отвѣчаетъ жизнью за вашу безопасность, и съ нимъ вы можете углубиться въ самую средину Кабардинскихъ Горъ.

¹¹ *Баиранъ* или *Баирамъ*, — праздникъ розговѣнья. *Рамазанъ*, — мусульманскій поеть.

Нерѣдко пашки грозно блещутъ
Въ безумной рѣзвости пировъ,
И въ прахъ летятъ главы рабовъ,
И въ радости младенцы плещутъ *).

Но Русскій равнодушно зрѣлъ
Сіи кровавыя забавы.
Любилъ онъ прежде игры славы,
И жаждой гибели горѣлъ.
Невольникъ чести безпощадной,
Вблизи видалъ онъ свой конецъ,
На поединкахъ твердый, хладной,
Встрѣчая гибельный свинецъ.
Быть можетъ, въ думу погруженный,
Онъ время то воспоминалъ,
Когда друзьями окруженный,
Онъ съ ними шумно пировалъ....
Жалѣлъ ли онъ о дняхъ минувшихъ,
О дняхъ надежду обманувшихъ,
Иль любопытный, созерцалъ
Суровой простоты забавы,
И дикаго народа нравы
Въ семь вѣрномъ зеркалѣ читалъ. —
Таилъ въ молчаньи онъ глубоко
Движенья сердца своего,
И на челѣ его высоко
Не измѣнялось ничего.
Безпечной смѣлости его
Черкесы грозные дивились,
Щадили вѣкъ его молодой,

*) Въ первомъ изданіи : «И жены робія трепещутъ.»

И шепотомъ между собой
Своей добычею гордились.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Ты ихъ узнала, дѣва горъ,
Восторги сердца, жизни сладость !
Твой огненный невинный взоръ
Высказывалъ любовь и радость !
Когда твой другъ во тмѣ ночной
Тебя лобзалъ нѣмымъ лобзаньемъ,
Сгарая нѣгой и желаньемъ,
Ты забывала мѣръ земной,
Ты говорила : плѣнникъ милый,
Развесели свой взоръ унымый,
Склонись главою ко мнѣ на грудь,
Свободу, родину забудь.
Скрываться рада я въ пустынь
Съ тобою, царь души моей !
Люби меня, никто донинѣ
Не цѣловалъ моихъ очей ;
Къ моей постелѣ одинокой
Черкесь молодой и черноокой
Не крался въ тишинѣ ночной ;
Сльву я дѣвою жестокой,
Неумолимой красотой.
Я знаю жребій мнѣ готовый :
Меня отецъ и братъ суровый
Немилому продать хотятъ
Въ чужой аулъ цѣною злата :

Но умолю отца и брата,
Не то — найду кинжалъ иль ядъ !...
Непостижимой, чудной силой
Къ тебѣ я вся привлечена,
Люблю тебя, невольникъ милой,
Душа тобой упоена....

Но онъ съ безмолвнымъ сожалѣньемъ
На дѣву страстную взиралъ,
И полный тяжкимъ размышленьемъ
Словамъ любви ея внималъ.
Онъ забывался, въ немъ тѣснились
Воспоминанья прошлыхъ дней,
И даже слезы изъ очей
Однажды градомъ покатались.
Лежала въ сердцѣ какъ свинецъ
Тоска любви безъ упованья;
Предъ юной дѣвой наконецъ
Онъ изліялъ свои страданья.
«Забудь меня : твоей любви,
Твоихъ восторговъ я не стою ;
Безцѣнныхъ дней не трать со мною ,
Другаго юношу зови.
Его любовь тебѣ замѣнитъ
Моей души печальный хладъ ;
Онъ будетъ вѣренъ, онъ оцѣнитъ
Твою красу, твой милый взглядъ,
И жаръ младенческихъ лобзаній,
И нѣжность пламенныхъ рѣчей ;
Безъ упоенья, безъ желаній
Я вяну жертвою страстей.
Ты видишь слѣдъ любви несчастной,

Душевной бури слѣдъ ужасной ;
 Оставь меня , но пожалѣй
 О скорбной участи моей !
 Несчастный другъ , зачѣмъ не прежде
 Явилась ты моимъ очамъ ,
 Въ тѣ дни , какъ вѣрилъ я надеждѣ
 И упоительнымъ мечтамъ !
 Но поздно , умеръ я для счастья ,
 Надежды призракъ улетѣлъ ;
 Твой другъ отвыкъ отъ сладострастья,
 Для нѣжныхъ чувствъ окаменѣлъ....»

Какъ тяжело мертвыми устами
 Живымъ лобзаньямъ отвѣчать,
 И очи , полныя слезами,
 Улыбкой хладною встрѣчать !
 Измучась ревностью напрасной,
 Уснувъ безчувственной душой,
 Въ объятіяхъ подруги страстной,
 Какъ тяжело мыслить о другой !...

«Когда такъ медленно, такъ нѣжно,
 Ты пьешь лобзанія мои,
 И для тебя часы любви
 Проходятъ быстро, безмятежно ;
 Снѣдая слезы въ тишинѣ,
 Тогда разсѣянный, унылый,
 Передъ собою, какъ во снѣ,
 Я вижу образъ вѣчно милый ,
 Его зову, къ нему стремлюсь,
 Молчу, не вижу, не внимаю ,
 Тебѣ въ забвеньи предаюсь

И тайный призракъ обнимаю,
О немъ въ пустынѣ слезы лью ;
Повсюду онъ со мною бродить,
И мрачную тоску наводитъ
На душу сирую мою.

«Оставь же мнѣ мои желѣзы,
Уединенныя мечты,
Воспоминанья, грусть и слезы —
Ихъ раздѣлить не можешь ты.
Ты сердца слышала признание ;
Прости!... дай руку на прощанье.
Не долго женскую любовь
Печалить хладная разлука —
Пройдетъ любовь, настанетъ скука,
Красавица полюбитъ вновь.»

Раскрывъ уста, безъ слезъ рыдая,
Сидѣла дѣва молодая.
Туманный, неподвижный взоръ
Безмолвный выражалъ укоръ,
Блѣдна какъ тѣнь, она дрожала ;
Въ рукахъ любовника лежала
Ея холодная рука,
И наконецъ любви тоска
Въ печальной рѣчи измилася.

«Ахъ, Русскій, Русскій, для чего,
Не зная сердца твоего,
Тебѣ на вѣкъ я предалася !
Недолго на груди твоей
Въ забвеньи дѣва отдыхала,

Немного радостныхъ ночей
 Судьба на долю ей послала *)!
 Прійдутъ ли вновь когда нибудь?
 Уже ль на вѣкъ погибла радость?
 Ты могъ бы, плѣнникъ, обмануть
 Мою неопытную младость,
 Хотя бъ изъ жалости одной,
 Молчаньемъ, ласкою притворной,
 Я услаждала бъ жребій твой
 Заботой нѣжной и покорной;
 Я стерегла бъ минуты сна,
 Покой тоскующаго друга;
 Ты не хотѣлъ... но кто жъ она,
 Твоя прекрасная подруга?
 Ты любишь, Русскій, ты любимъ?...
 Понятны мнѣ твои страданья...
 Прости жъ и ты мои рыданья,
 Не смѣйся горестямъ моимъ!»

Умолкла. Слезы и стенанья
 Стѣснили бѣдной дѣвы грудь.
 Уста безъ словъ роптали пѣни.
 Безъ чувствъ, обнявъ его колѣни,
 Она едва могладохнуть.
 И плѣнникъ, тихою рукою
 Поднявъ несчастную сказалъ:
 «Не плачь, и я гонимъ судьбою,
 И муки сердца испыталъ.
 Нѣтъ, я не зналъ любви взаимной,
 Любилъ одинъ, страдалъ одинъ,

*) «Немного радостныхъ ей дней
 Судьба на долю ниспослала!»

И гасну я какъ пламень дымной,
 Забытый средь пустыхъ долинъ.
 Умру вдали бреговъ желанныхъ,
 Мнѣ будетъ гробомъ эта степь ;
 Здѣсь, на костяхъ моихъ изгнанныхъ
 Заржавить тягостная цѣпь....»

Свѣтила ночи затмѣвались ;
 Въ дали прозрачной означались
 Громады свѣтлоснѣжныхъ горъ ;
 Главу склонивъ, потупя взоръ,
 Они въ безмолвіи разстались.

Унылый плѣнникъ съ этихъ поръ
 Одинъ окрестъ аула бродить.
 Заря на знойный небосклонъ
 За днями новы дни возводитъ ;
 За ночью ночь во слѣдъ уходитъ ;
 Вотще свободы жаждетъ онъ.
 Мелькнетъ ли серна межъ кустами,
 Проскачетъ ли во мглѣ сайгакъ,
 Онъ, вспыхнувъ, загремитъ цѣпями,
 Онъ ждетъ, не крадется ль казакъ,
 Ночной ауловъ разоритель,
 Рабовъ отважный избавитель,
 Зоветъ.... но все кругомъ молчить ;
 Лишь волны плещутся бушуя,
 И человѣка звѣрь почуя
 Въ пустыню темную бѣжитъ.
 Однажды слышитъ Русскій плѣнный,
 Въ горахъ раздался кликъ военный :
 «Въ табунъ, въ табунъ!» Бѣгутъ, шумятъ ;

Уздечки мѣдныя гремятъ,
 Чернѣютъ бурки, блещутъ брони,
 Кипятъ осѣдланые кони;
 Къ набѣгу весь ауль готовъ.
 И дикіе питомцы брани
 Рѣкою хлынули съ холмовъ,
 И скачутъ по брегамъ Кубани
 Сбирать насильственные дани.

Утихъ ауль; на солнцѣ спятъ
 У саклей псы сторожевые.
 Младенцы смуглые, нагіе,
 Въ свободной рѣзвости шумятъ;
 Ихъ прадѣды въ кругу сидятъ,
 Изъ трубокъ дымъ, вѣсь, синѣтъ.
 Они безмолвно юныхъ дѣвъ
 Знакомый слушаютъ припѣвъ —
 И старцевъ сердце молодѣтъ.

ЧЕРКЕССКАЯ ПѢСНЯ.

1.

«Въ рѣкѣ бѣжитъ гремучій валъ;
 Въ горахъ безмолвіе ночное;
 Казакъ усталый задремалъ,
 Склонясь на копіе стальное.
 Не спи казакъ, во тмѣ ночной
 Чеченецъ ходитъ за рѣкой.

2.

«Казакъ плыветъ на челнокѣ,
 Влача по дну рѣчному сѣти;

Казакъ, утонешь ты въ рѣкѣ,
Какъ тонуть маленькія дѣти
Купаясь жаркою порой ;
Чеченецъ ходитъ за рѣкой.

3.

«На берегу завѣтныхъ водъ
Цвѣтутъ богатая станицы ;
Веселый пляшетъ хороводъ.
Бѣгите, Русскія пѣвицы,
Спѣшите, красныя, домой —
Чеченецъ ходитъ за рѣкой.»

Такъ пѣли дѣвы. Сѣвъ на брегѣ,
Мечтаетъ Русскій о побѣгѣ ;
Но цѣпь невольника тяжка,
Быстра глубокая рѣка....
Межъ тѣмъ, померкнувъ, стень уснула,
Вершины скалъ омрачены.
По бѣлымъ хижинамъ аула
Мелькаетъ блѣдный свѣтъ луны ;
Елени дремлютъ надъ водами,
Умолкнулъ поздній крикъ орловъ,
И глухо вторится горами
Далекій топотъ табуновъ.

Тогда кого-то слышно стало....
Мелькнуло дѣвы покрывало,
И вотъ — печальна и блѣдна,
Къ нему приблизилась *она*.
Уста прекрасной ищутъ рѣчи,
Глаза исполнены тоской,

И черной падаютъ волной
Ея власы на грудь и плечи.
Въ одной рукѣ блеститъ пила,
Въ другой кинжалъ ея булатный:
Казалось, будто дѣва шла
На тайный бой, на подвигъ ратный.

На плѣнника возведши взоръ,
«Бѣги», сказала дѣва горъ:
«Нигдѣ Черкесь тебя не встрѣтитъ.
Спѣши, не трать ночныхъ часовъ;
Возьми кинжалъ — твоихъ слѣдовъ
Никто во мракѣ не замѣтитъ.»

Пилу дрожащей взявъ рукой,
Къ его ногамъ она склонилась —
Визжитъ желѣзо подъ пилой,
Слеза невольная скатилась....
И цѣпь распалась и гремитъ.
«Ты воленъ, дѣва говоритъ,
«Бѣги!» Но взглядъ ея безумный
Любви порывъ изобразилъ.
Она страдала. Вѣтеръ шумный,
Свистя покровъ ея клубилъ.
«О другъ мой!» Русскій возопилъ:
«Я твой на вѣкъ, я твой до гроба.
Ужасный край оставимъ оба,
Бѣги со мной....» — Нѣтъ, Русскій, нѣтъ!
Она исчезла, жизни сладость —
Я знала все, я знала радость,
И все прошло, пропалъ и слѣдъ.
Возможно ль, ты любилъ другую!...

Найди ее, люби ее,
О чемъ же я еще тоскую,
О чемъ уныніе мое?...
Прости! Любви благословенья
Съ тобою будутъ каждый часъ.
Прости — забудь мои мученья,
Дай руку мнѣ.... въ послѣдній разъ. —

Къ Черкешенкѣ простеръ онъ руки,
Воскресимъ сердцемъ къ ней летѣль,
И долгій поцѣлуй разлуки
Союзъ любви запечатлѣль.
Рука съ рукой, унынья полны,
Сошли ко берегу въ тишинѣ —
И Русскій въ шумной глубинѣ
Уже плыветъ и пѣнитъ волны,
Уже противныхъ скалъ достигъ,
Уже хватается за нихъ....
Вдругъ волны глухо зашумѣли,
И слышенъ отдаленный стонъ....
На дикій берегъ выходитъ онъ,
Глядитъ назадъ.... берега ясны
И опѣненные бѣлы,
Но нѣтъ Черкешенки молодой
Ни у береговъ, ни подъ горой....
Все мертво.... на берегахъ уснувшихъ
Лишь вѣтра слышенъ легкій звукъ,
И при лунѣ въ водахъ плеснувшихъ
Струистый исчезаетъ кругъ.

Все понялъ онъ. Прощальнымъ взоромъ
Объемлетъ онъ въ послѣдній разъ,

Пустой ауль съ его заборомъ,
Поля, гдѣ плѣнный стадо пасъ,
Стремнины, гдѣ влачилъ оковы,
Ручей, гдѣ въ полдень отдыхалъ,
Когда въ горахъ Черкесь суровый
Свободы пѣсню запѣвалъ.
Рѣдѣлъ на небѣ мракъ глубокой,
Ложился день на темный долъ,
Взошла заря. Тропой далекой
Освобожденный плѣнникъ шелъ,
И передъ нимъ уже въ туманахъ
Сверкали Русскіе штыки,
И окликались на курганахъ
Сторожевые казаки.

ЭПИЛОГЪ.

Такъ Муза, легкой другъ мечты,
Къ предѣламъ Азіи летала,
И для вѣнка себѣ срывала
Кавказа дикіе цвѣты.
Ее плѣнялъ нарядъ суровой
Племень, возросшихъ на войнѣ,
И часто въ сей одеждѣ новой
Волшебница являлась мнѣ ;
Вокругъ ауловъ опустѣлыхъ
Одна бродила по скаламъ,
И къ пѣснямъ дѣвъ осиротѣлыхъ
Она прислушивалась тамъ ;
Любила бранныя станицы,
Тревоги смѣлыхъ казаковъ,
Курганы, тихія гробницы,
И шумъ, и ржанье табуновъ.
Богиня пѣсень и разсказа,
Воспоминанія полна,
Быть можетъ, повторитъ она
Преданья грознаго Кавказа ;

Разскажетъ повѣсть дальнихъ странъ,
Мстислава ¹² древній поединокъ,
 Измѣны, гибель Россіянъ
 На лонѣ мстительныхъ Грузинокъ.
 И воспою тотъ славный часъ,
 Когда, почуя бой кровавый,
 На негодующій Кавказъ
 Подъялся нашъ орелъ двуглавый ;
 Когда на Терекъ съдомъ
 Впервые грянулъ битвы громъ
 И грохотъ Русскихъ барабановъ,
 И въ сѣчѣ, съ дерзостнымъ челомъ,
 Явился пылкій Циціановъ.
 Тебя я воспою, герой,
 О Котляревскій, бичъ Кавказа !
 Куда ни мчался ты грозой —
 Твой ходъ, какъ черная зараза,
 Губилъ, ничтожилъ племена....
 Ты днесъ покинулъ саблю мести,
 Тебя не радуеть война ;
 Скучая миромъ, въ язвахъ чести,
 Вкушаешь праздный ты покой
 И тишину домашнихъ доловъ....
 Но се — Востокъ подъяметъ вой !....
 Поникни снѣжною главой,
 Смирись, Кавказъ — идетъ Ермоловъ !

¹² Мстиславъ, сынъ Св. Владиміра, прозванный *Удалымъ*, удѣльный князь Тмутаракани (островъ Тамань). Онъ воевалъ съ Косогами (по всей вѣроятности, нынѣшними Черкесами) и въ единоборствѣ одолѣлъ князя ихъ Редедю. *Ист. Гос. Росс. Томъ II.*

И смолкнулъ ярый крикъ войны :
Все Русскому мечу подвластно.
Кавказа гордые сыны,
Сражались, гибли вы ужасно ;
Но не спасла васъ ваша кровь,
Ни очарованныя брони,
Ни горы, ни лихіе кони,
Ни дикой вольности любовь !
Подобно племени Батыя,
Измѣнить прадѣдамъ Кавказъ,
Забудеть алчной брани гласъ,
Оставить стрѣлы боевыя.
Къ ущельямъ, гдѣ гиѣздились вы,
Подѣдетъ путникъ безъ боязни,
И возвѣстятъ о вашей казни
Преданья темныя молвы.

ПЕРВАЯ МЫСЛЬ КАВКАЗСКАГО ПЛѢННИКА.

Одинъ въ глуши Кавказскихъ горъ,
Покрытый буркой боевою,
Черкесь надъ шумною рѣкою
Въ кустахъ тайлся. Жадный взоръ
Онъ устремлялъ на путь далекой,
Булатной шашкою сверкалъ,
И грозно, въ тишинѣ глубокой,
Своей добычи ожидалъ.
Товарищъ вѣрный, терпѣливый,
Питомецъ горныхъ табуновъ,
Стоялъ недвижно конь ретивый,
Въ тѣни древесъ у береговъ.

Прохлада вѣетъ надъ водами ;
Одѣлся тѣнью небосклонъ....
И вдругъ пустыни мертвый сонъ
Прервался.... Пыль взвилась клубами,
Гремятъ колеса. Конь кипитъ —
Черкесь верхомъ, Черкесь летитъ.

Зачѣмъ, о юноша несчастной,
Зачѣмъ на гибель ты спѣшишь?
Порывомъ смѣлости напрасной

Своей главы не защитишь.
Его настигнулъ врагъ летучій;
Несчастный палъ на чуждый брегъ —
И слабаго питомца нѣгъ
Къ горамъ повлекъ арканъ могучій!
Помчался конь межъ дикихъ горъ
На крыльяхъ огненной отваги!
Все путь ему — болота, боръ,
Кусты, утесы и овраги.
Кровавый слѣдъ за нимъ бѣжить
И гулъ пустынный раздается;
Сѣдой потокъ предъ нимъ шумить —
Онъ въ глубь кипящую несется.

На темной синевѣ небесъ
Луна вечерняя блеснула :
Вотъ кущи дальняго аула
Бѣлѣютъ межъ древесъ....

ПРИПИСКИ КЪ КАВКАЗСКОМУ ПЛѢННИКУ.

1.

Примите новую тетрадь,
Вы юноши, и вы дѣвицы :
Не веселѣ ль вамъ читать
Игривой музы небылицы,
Чѣмъ Пиндарическихъ похвалъ
Высокопарныя страницы?
Иль усыпительный журналъ,
Который вретъ, не зная цѣли,
Который такъ тяжелъ и грубъ —
И ровно каждыя двѣ недѣли
Быть хочеть золь, а только глупь.

2.

О вы, которыя любили
Парнаса тайныя мечты,
И вольной младости цвѣты
Вниманьемъ сладкимъ наградили —
Спасите трудъ небрежный мой
Отъ рукъ невѣжества слѣпова,
Отъ взоровъ зависти косой....

III.

БАХЧИСАРАЙСКІЙ ФОНТАНЪ.

(1822.)

Гирей сидѣлъ, потупя взоръ,
Янтарь въ устахъ его дымился;
Безмолвно раболѣпный дворъ
Вкругъ хана грознаго тѣснился.
Все было тихо во дворцѣ;
Благоговѣя всѣ читали
Примѣты гнѣва и печали
На сумрачномъ его лицѣ.
Но повелитель горделивой
Махнулъ рукой нетерпѣливой —
И всѣ, склонившись, идутъ вонъ.

Одинъ въ своихъ чертогахъ онъ.
Свободнѣй грудь его вздыхаетъ,
Живѣе строгое чело
Волненья сердца выражаетъ:
Такъ бурны тучи отражаетъ
Залива зыбкое стекло.

Что движетъ гордою душою?
Какою мыслью занять онъ?
На Русь ли вновь идетъ войною,
Несетъ ли Польшѣ свой законъ,
Горитъ ли мѣстію кровавой,
Открылъ ли въ войскѣ заговоръ,
Страшится ли народовъ горъ,
Иль козней Генуи лукавой?

Нѣтъ, онъ скучаетъ бранной славой.
Устала грозная рука,
Война отъ мыслей далека.

Уже ль въ его гаремъ измѣна
Стезей преступною вошла,
И дочь неволи, нѣтъ и плѣна
Гяуру сердце отдала?

Нѣтъ, жены робкія Гирея,
Ни думать, ни желать ни смѣя,
Цвѣтутъ въ унылой тишинѣ;
Подъ стражей бдительной и хладной,
На лонѣ скуки безотрадной,
Измѣнъ не вѣдаютъ онѣ;
Въ тѣни хранительной темницы
Утаены ихъ красоты:
Такъ Аравійскія цвѣты
Живутъ за стеклами теплицы,
Для нихъ унылой чередой
Дни, мѣсяцы, лѣта проходятъ,
И непримѣтно за собой
И младость, и любовь уводятъ.

Однообразенъ каждый день,
И медленно часовъ теченье.
Въ гаремѣ жизнью править лѣнь,
Мелькаетъ рѣдко наслажденье.
Младья жены, какъ нибудь
Желая сердце обмануть,
Мѣняютъ пышные уборы,
Заводятъ игры, разговоры,
Или, при шумѣ водъ живыхъ,
Надъ ихъ прозрачными струями,
Въ прохладѣ яворовъ густыхъ,
Гуляютъ легкими роями.
Межъ ними ходитъ злой евнухъ,
И убѣгать его напрасно :
Его ревнивый взоръ и слухъ
За всѣми слѣдуетъ всечасно.
Его стараньемъ заведенъ
Порядокъ вѣчный. Воля хана
Ему единственный законъ ;
Святую заповѣдь Корана *)
Не строже наблюдаетъ онъ.
Его душа любви не проситъ ;
Какъ истуканъ, онъ переноситъ
Насмѣшки, ненависть, укоръ,
Обиды шалости нескромной,
Презрѣнье, просьбы, робкій взоръ,
И тихій вздохъ, и ропотъ томной.
Ему извѣстенъ женскій нравъ,
Онъ испыталъ, сколь онъ лукавъ
И на свободѣ и въ неволѣ :

*) Въ первомъ изданіи 1824 : «И самыя главы Корана.»

Взоръ нѣжный, слезъ упрекъ нѣмой
Невластны надъ его душой,
Онъ имъ уже не вѣритъ болѣ.

Раскинувъ легкіе вѣсы,
Какъ идутъ плѣнницы младыя
Купаться въ жаркіе часы,
И льются волны ключевыя
На ихъ волшебныя красы,
Забавъ ихъ сторожъ неотлучный,
Онъ тутъ, онъ видитъ равнодушный
Прелестницъ обнаженный рой;
Онъ по гарему въ тмѣ ночной
Неслышными шагами бродитъ;
Ступая тихо по коврамъ,
Къ послушнымъ крадется дверямъ,
Отъ ложа къ ложу переходитъ
Въ заботѣ вѣчной; ханскихъ женъ
Роскошный наблюдаетъ сонъ,
Ночной подслушиваетъ лепетъ,
Дыханье, вздохъ, малѣйшій трепетъ,
Все жадно примѣчаетъ онъ,
И горе той, чей шепотъ сонной
Чужое имя призывалъ,
Или подругѣ благосклонной
Порочны мысли довѣрялъ!

Что жъ полонъ грусти умъ Гирея?
Чубукъ въ рукахъ его потухъ.
Недвижимъ и дохнуть не смѣя,
У двери знака ждетъ евнухъ.
Встаетъ задумчивый властитель.

Предъ нимъ дверь настезь. Молча, онъ
Идетъ въ завѣтную обитель
Еще недавно милыхъ женъ.

Безпечно, ожидая хана,
Вокругъ игриваго фонтана,
На шелковыхъ коврахъ, онѣ
Толпою рѣзвою сидѣли
И съ дѣтской радостью глядѣли,
Какъ рыба въ ясной глубинѣ
На мраморномъ ходила днѣ.
Нарочно къ ней на дно, инья
Роняли серыи золотыя.
Кругомъ невольницы, межъ тѣмъ,
Шербеть носили ароматной,
И пѣсню звонкой и пріятной
Вдругъ огласили весь гаремъ.

ТАТАРСКАЯ ПѢСНЯ.

1.

«Даруетъ небо человѣку
Замѣну слезъ и частыхъ бѣдъ.
Блаженъ факиръ, узрѣвшій Мекку
На старости печальныхъ лѣтъ.

2.

«Блаженъ, кто славный брегъ Дуная
Своею смертью освятить—
Къ нему навстрѣчу дѣва рая
Съ улыбкой страстной полетить.

3.

«Но тотъ блаженнѣй, о Зарема,
Кто миръ и нѣгу возлюбя,
Какъ розу, въ тишинѣ гарема
Лелѣеть, милая, тебя!»

Онѣ поютъ. Но гдѣ Зарема,
Звѣзда любви, краса гарема?
Увы, печальна и блѣдна,
Похвалъ не слушаетъ она;
Какъ пальма, смятая грозою,
Поникла юной головою;
Ничто, ничто не мило ей:
Зарему разлюбилъ Гирей.

Онъ измѣнилъ!... Но кто съ тобою,
Грузинка, равенъ красотою?
Вокругъ лилейнаго чела
Ты косу дважды обвила;
Твои плѣнительные очи
Яснѣ дня, чернѣ ночи.
Чей голось выразить сильнѣй
Порывы пламенныхъ желаній?
Чей страстный поцѣлуй живѣй
Твоихъ язвительныхъ *) лобзаній?
Какъ сердце, полное тобой,
Забьется для красоты чужой?
Но равнодушный и жестокий,
Гирей презрѣлъ твои красоты,

*) Въ первомъ изданіи: «пронзительныхъ.»

И ночи хладные часы
Проводитъ мрачный, одинокій
Съ тѣхъ поръ, какъ Польская княжна
Въ его гаремъ заключена.

Недавно юная Марія
Узрѣла небеса чужія;
Недавно милою красой
Она цвѣла въ странѣ родной.
Сѣдой отецъ гордился ею
И звалъ отрадою своею.
Для старика была законъ
Ея младенческая воля.
Одну заботу вѣдалъ онъ,
Чтобъ дочери любимой доля
Была, какъ вешній день, ясна,
Чтобъ и минутныя печали
Ея души не помрачали;
Чтобъ даже замужемъ она
Вспоминала съ умиленьемъ
Дѣвичье время, дни забавъ,
Мелькнувшихъ легкимъ сновидѣньемъ.
Все въ ней плѣняло : тихій нравъ,
Движенья стройныя, живыя,
И очи темно-голубыя.
Природы милые дары
Она искусствомъ украшала ;
Она домашніе пиры
Волшебной арфой оживляла ;
Толпы вельможъ и богачей
Руки Маріиной искали,
И много юношей по ней

Въ страданьѣ тайномъ изнывали.
Но въ тишинѣ души своей
Она любви еще не знала,
И независимый досугъ
Въ отцовскомъ замкѣ межъ подругъ
Однѣмъ забавамъ посвящала.

Давно ль? И что же! Тмы Татаръ
На Польшу хлынули рѣкою :
Не съ столь ужасной быстротою
По жатвѣ стелется пожаръ.
Обезображенный войною,
Цвѣтущій край осиротѣлъ ;
Исчезли мирныя забавы ;
Уньми села и дубравы,
И пышный замокъ опустѣлъ.
Тиха Маріина свѣтлица....
Въ домовой церкви, гдѣ кругомъ
Почіють мощи хладнымъ сномъ,
Съ короной, съ княжескимъ гербомъ,
Воздвиглась новая гробница....
Отецъ въ могилѣ, дочь въ плѣну.
Скупой наслѣдникъ въ замкѣ править,
И тягостнымъ ярмомъ безславить
Опустошенную страну.

Увы! Дворецъ Бахчисарая
Скрываетъ юную княжну :
Въ неволѣ тихой увядая,
Марія плачетъ и груститъ.
Гирей несчастную щадить :
Ея унынье, слезы, стоны,

Тревожатъ хана краткій сонъ,
И для нея смягчаетъ онъ
Гарема строгіе законы.
Угрюмый сторожъ ханскихъ женъ
Ни днемъ, ни ночью къ ней не входитъ,
Рукой заботливой не онъ
На ложе сна ее возводитъ ;
Не смѣетъ устремиться къ ней
Обидный взоръ его очей ;
Она въ купальнѣ потаенной
Одна съ невольницей своей ;
Самъ ханъ боится дѣвы плѣнной
Печальной возмущать покой ;
Гарема въ дальнемъ отдѣленѣ
Позволено ей жить одной,
И, мнится, въ томъ уединенѣ
Сокрылся нѣкто неземной....
Тамъ день и ночь горитъ лампада
Предъ ликомъ Дѣвы Пресвятой —
Души тоскующей отрада,
Тамъ упованье въ тишинѣ
Съ смиренной Вѣрой обитаетъ,
И сердцу все напоминаетъ
О близкой, лучшей сторонѣ....
Тамъ дѣва слезы проливаетъ
Вдали завистливыхъ подругъ ;
И между тѣмъ, какъ все вокругъ
Въ безумной нѣгѣ утопаетъ,
Святыню строгую скрываетъ
Спасенный чудомъ уголокъ.
Такъ сердце, жертва заблужденій,
Среди порочныхъ упоеній,

Хранить одинъ святой залогъ,
Одно божественное чувство....

.

Настала ночь ; покрылись тѣнью
Тавриды сладостной поля ;
Вдали подъ тихой лавровъ сѣнью
Я слышу пѣнье соловья.
За хоромъ звѣздъ луна восходитъ ;
Она съ безоблачныхъ небесъ
На долы, на холмы, на лѣсъ
Сіянье томное наводитъ.
Покрыты бѣлой пеленой,
Какъ тѣни легкія, мелькая,
По улицамъ Бахчисарая,
Изъ дома въ домъ, одна къ другой,
Простыхъ Татаръ спѣшать супруги
Дѣлать вечерніе досуги.
Дворецъ утихъ ; уснулъ гаремъ,
Объятый нѣгой безмятежной ;
Не прерывается ни чѣмъ
Спокойство ночи. Стражъ надежной,
Дозоромъ обошелъ евнухъ.
Теперь онъ спитъ, но страхъ прилѣжной
Тревожитъ въ немъ и спящій духъ.
Измѣнъ всечасныхъ ожиданье
Покоя не даетъ ему.
То чей-то шорохъ, то шептанье,
То крики чудятся ему ;
Обманутый невѣрнымъ слухомъ,
Онъ пробуждается, дрожить,
Напуганнымъ приникнувъ ухомъ....

Но все кругомъ его молчить ;
Одни фонтаны сладкозвучны
Изъ мраморной темницы бьютъ,
И съ милой розой неразлучны
Во мракѣ соловьи поютъ ;
Евнухъ еще имъ долго внемлетъ,
И снова сонъ его объемлетъ....

Какъ милы темныя красы
Ночей роскошнаго востока !
Какъ сладко льются ихъ часы
Для обожателей пророка !
Какая нѣга въ ихъ домахъ,
Въ очаровательныхъ садахъ,
Въ тиши гаремовъ безопасныхъ,
Гдѣ подъ вліяніемъ луны
Все полно тайнъ и тишины
И вдохновеній сладострастныхъ !

Всѣ жены спать. Не спитъ одна.
Едва дыша, встаетъ она,
Идетъ ; рукою торопливой
Открыла дверь ; во тмѣ ночной
Ступаетъ легкою ногой....
Въ дремотѣ чуткой и пугливой
Предъ ней лежитъ евнухъ съдой.
Ахъ, сердце въ немъ неумолимо :
Обманчивъ сна его покой !....
Какъ духъ, она проходитъ мимо.

Предъ нею дверь ; съ недоумѣньемъ
Ея дрожащая рука

Коснулась вѣрнаго замка....
Вошпа, взираетъ съ изумленьемъ....
И тайный страхъ въ нее проникъ.
Лампады свѣтъ уединенный,
Кивотъ, печально озаренный,
Пречистой Дѣвы кроткій ликъ,
И крестъ, любви символъ священный....
Грузинка, все въ душѣ твоей
Родное что-то пробудимо,
Все звуками забытыхъ дней
Невнятно вдругъ заговорило.
Предъ ней покоимась княжна,
И жаромъ дѣвственнаго сна
Ея ланиты оживлялись,
И, слезъ являя свѣжій слѣдъ,
Улыбкой томной озарялись.
Такъ озаряетъ лунный свѣтъ
Дождемъ отягощенный цвѣтъ ;
Спорхнувшій съ неба, сынъ Эдема,
Казалось, ангель почиваль,
И сонный слезы проливалъ
О бѣдной плѣнницѣ гарема....
Увы, Зарема, что съ тобой!
Стѣснилась грудь ея тоской,
Невольнo клонятся колѣни,
И молитъ :«сжался надо мной,
Не отвергай моихъ моленій!»...
Ея слова, движенье, стонъ
Прервали дѣвы тихій сонъ.
Княжна со страхомъ предъ собою
Младую незнакомку зрить ;
Въ смятенѣ, трепетной рукою

Ее подъемля, говоритъ :
«Кто ты?... одна, порой ночью,
Зачѣмъ ты здѣсь?»—«Я шла къ тебѣ :
Спаси меня, въ моей судьбѣ
Одна надежда мнѣ осталась....
Я долго счастьемъ наслаждалась,
Была безпечнѣй день отъ дня....
И тѣнь блаженства миновалась !
Я гибну. Выслушай меня.

«Родилась я не здѣсь, далеко,
Далеко.... но минувшихъ дней
Предметы въ памяти моей
Донинѣ врѣзаны глубоко.
Я помню горы въ небесахъ,
Потоки жаркіе въ горахъ,
Непроходимыя дубравы,
Другой законъ, другіе нравы ;
Но почему, какой судьбой
Я край оставила родной,
Не знаю ; помню только море,
И человѣка въ вышинѣ
Надъ парусами....

Страхъ и горе

Донинѣ чужды были мнѣ ;
Я въ безмятежной тишинѣ,
Въ тѣни гарема расцвѣтала,
И первыхъ опытовъ любви
Послушнымъ сердцемъ ожидама.
Желанья тайныя мои
Сбылись. Гирей, для мирной нѣги
Войну кровавую презрѣлъ,

Пресѣкъ ужасные набѣги,
И свой гаремъ опять узрѣлъ.
Предъ хана, въ смутномъ ожиданьѣ
Предстали мы. Онъ свѣтлый взоръ
Остановилъ на мнѣ въ молчаньѣ,
Позвалъ меня... и съ этихъ поръ
Мы въ непрерывномъ упоеньѣ
Дышали счастьемъ, и ни разъ
Ни клевета, ни подозрѣнье,
Ни злобной ревности мученье,
Ни скука не смущали насъ.
Марія, ты предъ нимъ явилась....
Увы, съ тѣхъ поръ его душа
Преступной думой омрачилась!
Гирей, измѣною дыша,
Моихъ не слушаетъ укоровъ:
Ему докучень сердца стонъ;
Ни прежнихъ чувствъ, ни разговоръ
Со мною не находитъ онъ.
Ты преступленью не причастна,
Я знаю, не твоя вина....
И такъ послушай — я прекрасна,
Во всемъ гаремѣ ты одна
Могла бь еще мнѣ быть опасна;
Но я для страсти рождена,
Но ты любить, какъ я, не можешь,
Зачѣмъ же холодной красотой
Ты сердце слабое тревожишь?
Оставь Гирея мнѣ, онъ мой,
На мнѣ горять его лобзанья;
Онъ клятвы страшныя мнѣ далъ,
Давно всѣ думы, всѣ желанья,

Гирей съ моими сочеталъ ;
Меня убьетъ его измѣна....
Я плачу !.... Видишь, я колѣна
Теперь склоняю предъ тобой,
Молю, винить тебя не смѣя,
Отдай мнѣ радость и покой,
Отдай мнѣ прежняго Гирея....
Не возражай мнѣ ничего,
Онъ мой, онъ ослѣпленъ тобою.
Презрѣньемъ, просьбою, тоскою,
Чѣмъ хочешь, отврати его ;
Клянись.... (хоть я для алкорана,
Между невольницами хана,
Забыла вѣру прежнихъ дней,
Но вѣра матери моей
Была твоя), клянись мнѣ ею
Зарему возвратить Гирею....
Но, слушай : если я должна
Тебѣ.... Кинжаломъ я владѣю,
Я близъ Кавказа рождена!»

Сказавъ, исчезла вдругъ. За нею
Не смѣетъ слѣдовать княжна.
Невинной дѣвѣ непонятенъ
Языкъ мучительныхъ страстей,
Но голосъ ихъ ей смутно внятень,
Онъ страненъ, онъ ужасенъ ей !
Какія слезы и моленья
Ее спасутъ отъ посрамленья ?
Что ждетъ ее? Уже ли ей
Остатокъ горькихъ, юныхъ дней
Провести наложницей презрѣнной ?

О Боже! если бы Гирей,
Въ ея темницѣ отдаленной
Забылъ несчастную на вѣкъ,
Или кончиной ускоренной
Унылы дни ея пресѣкъ,
Съ кокою бѣ радостью Марія
Оставила печальный свѣтъ!
Мгновенья жизни дорогія
Давно прошли, давно ихъ нѣтъ!
Что дѣлать ей въ пустынѣ міра?
Ужъ ей пора, Марію ждуть,
И въ небеса на лоно мира
Родной улыбкою зовутъ.

Промчались дни, Маріи нѣтъ.
Мгновенно сирота почила,
Она давно-желанный свѣтъ,
Какъ новый ангель, озарила.
Но что же въ гробъ ее свело?
Тоска ль неволи безнадежной,
Болѣзнь, или другое зло,
Кто знаетъ? Нѣтъ Маріи нѣжной!...
Дворецъ угрюмый опустѣлъ;
Его Гирей опять оставилъ;
Съ толпой Татаръ въ чужой предѣлъ
Онъ злой набѣгъ опять направилъ;
Онъ снова въ буряхъ боевыхъ
Несется мрачный, кровожадный;
Но въ сердцѣ хана чувствъ иныхъ
Таится пламень безотрадный.
Онъ часто въ сѣчахъ роковыхъ
Подымлетъ саблю, и съ размаха

Недвижимъ остается вдругъ,
Глядитъ съ безуміемъ вокругъ,
Блѣднѣетъ, будто полный страха,
И что-то шепчетъ, и порой
Горючи слезы льетъ рѣкой.

Забытый, преданный презрѣнью,
Гаремъ не зреть его лица ;
Тамъ обреченныя мученю,
Подъ стражей хладнаго скопца
Старѣютъ жены. Между ими
Давно Грузинки нѣтъ, она
Гарема стражами нѣмыми
Въ пучину водъ опущена.
Въ ту ночь, какъ умерла княжна,
Свершилось и ея страданье.
Какая бѣ ни была вина,
Ужасно было наказанье!...

Опустошивъ огнемъ войны
Кавказу близкія страны
И села мирныя Россіи,
Въ Тавриду возвратился ханъ,
И, въ память горестной Маріи,
Воздвигнулъ мраморный фонтанъ
Въ углу дворца уединенный.
Надъ нимъ крестомъ осѣнена
Магометанская луна
(Символь, конечно, дерзновенный,
Незнанья жалкая вина).
Есть надпись, ѣдкими годами
Еще не сгладилась она.

За чуждыми ея чертами
Журчить во мраморъ вода
И каплетъ хладными слезами,
Не умолкая никогда.
Такъ плачетъ мать во дни печали
О сынѣ, падшемъ на войнѣ.
Младья дѣвы въ той странѣ
Преданье старины узнали,
И мрачный памятникъ онѣ
Фонтаномъ слезъ именовали.

Покинуть сѣверъ наконецъ,
Пиры надолго забывая,
Я посѣтилъ Бахчисарая
Въ забвеньи дремлющій дворецъ ;
Среди безмолвныхъ переходовъ,
Бродилъ я тамъ, гдѣ бичъ народовъ,
Татаринъ буйный пировалъ.
И послѣ ужасовъ набѣга
Въ роскошной лѣни утопалъ.
Еще понынѣ дышитъ нѣга
Въ пустыхъ покояхъ и садахъ ;
Играютъ воды, рдѣютъ розы,
И вьются виноградны лозы,
И злато блещетъ на стѣнахъ.
Я видѣлъ ветхія рѣшетки,
За коими, въ своей веснѣ,
Янтарны разбирая четки,
Вздыхали жены въ тишинѣ.
Я видѣлъ ханское кладбище,
Владыкъ послѣднее жилище,
Сіи надгробныя столбы,

Вѣнчанны мраморной чалмою,
Казалось мнѣ, завѣтъ судьбы
Гласили внятною молвою.
Гдѣ скрылись ханы? Гдѣ гаремъ?
Кругомъ все тихо, все уныло,
Все измѣнилось!... Но не тѣмъ
Въ то время сердце полно было :
Дыханье розъ, фонтановъ шумъ
Влекли къ невольному забвенью,
Невольно предавался умъ
Неизъяснимому волненью,
И по дворцу летучей тѣнью
Мелькала дѣва предо мной!...

Чью тѣнь, о други, видѣлъ я?
Скажите мнѣ, чей образъ нѣжный
Тогда преслѣдовалъ меня
Неотразимый, неизбежный?
Маріи ль чистая душа
Являлась мнѣ, или Зарема
Носилась, ревностью дыша,
Средь опустѣлаго гарема?

Я помню столь же милый взглядъ
И красоту еще земную....
Всѣ думы сердца къ ней летятъ;
Объ ней въ изгнаніи тоскую....
Безумецъ! Полно, перестань,
Не растравляй тоски напрасной!
Мятежнымъ снамъ любви несчастной
Заплачена тобою дань —
Опомнись! Долго ль узникъ томной

Тебѣ оковы лобызать,
И въ свѣтѣ лирою нескромной
Свое безумство разглашать?

Поклонникъ музъ, поклонникъ мира,
Забывъ и славу, и любовь,
О, скоро васъ увижу вновь,
Брега веселые Салгира!
Прійду на склонъ приморскихъ горъ,
Воспоминаній тайныхъ полный,
И вновь Таврическія волны
Обрадуютъ мой жадный взоръ.
Волшебный край, очей отрада!
Все живо тамъ : холмы, лѣса,
Янтарь и яхонтъ винограда,
Долинъ пріютная краса,
И струй, и тополей прохлада—
Все чувство путника манить,
Когда, въ часъ утра безмятежной,
Въ горахъ, дорогою прибрежной,
Привычный конь его бѣжитъ,
И зеленѣющая влага
Предъ нимъ и блещетъ и шумитъ
Вокругъ утесовъ Аю-дага....

ОТРЫВОКЪ

ИЗЪ ПИСЬМА А. С. ПУШКИНА КЪ Б. ДЕЛЬВИГУ.

Изъ Азіи переѣхали мы въ Европу (*) на кораблѣ. Я тотчасъ отправился на такъ названную *Митридагову гробницу* (развалины какой-то башни), тамъ сорвалъ цвѣтокъ для памяти и на другой день потерялъ безъ всякаго сожалѣнія. Развалины Пантикапей не сильнѣе подѣйствовали на мое воображеніе. Я видѣлъ слѣды улицъ, полузаросшій ровъ, старые кирпичи — и только. Изъ Феодосіи до самага Юрзуфа ѣхалъ я моремъ. Всю ночь не спалъ; луны не было; звѣзды блистали; передо мною въ туманѣ тянулись полуденныя горы.... «Вотъ Четырдагъ», сказалъ мнѣ капитанъ. Я не различилъ его, да и не любопытствовалъ. Передъ свѣтомъ я заснулъ. Между тѣмъ корабль остановился въ виду Юрзуфа. Проснувшись, увидѣлъ я картину плѣнительную: разноцвѣтныя горы сіяли; плоскія кровли хижинъ Татарскихъ издали казались ульями, прилѣпленными къ горамъ; тополи, какъ зеленыя колонны, стройно возвышались между ними; справа огромный Аю-дагъ.... и кругомъ это синее, чистое небо, и свѣтлое море, и блескъ, и воздухъ полуденный....

Въ Юрзуфѣ жилъ я *сиднемъ*, купался въ морѣ и объѣдался виноградомъ, я тотчасъ привыкъ къ полуденной природѣ и наслаждался ею со всѣмъ равнодушіемъ и безопасностью Неаполитанскаго Lazzaroni. Я любилъ, проснувшись ночью, слушать шумъ моря и заслушивался цѣлые часы. Въ двухъ шагахъ отъ дома росъ молодой кипарисъ; каждое утро я посѣщалъ его и къ нему привязался чувствомъ, похожимъ на дружество. Вотъ все, что пребываніе мое въ Юрзуфѣ оставило у меня въ памяти.

(*) Изъ Тамани въ Керчь.

Я объѣхалъ полуденный берегъ , и путешествіе М. (*) ожи-
вило во мнѣ много воспоминаній, но страшный переходъ его по
скаламъ Кикенейса не оставилъ ни малѣйшаго слѣда въ моей
памяти. По горной лѣстницѣ взобрались мы пѣшкомъ, держа за
хвостъ Татарскихъ лошадей нашихъ. Это забавляло меня чрез-
вычайно, и казалось какимъ-то таинственнымъ, восточнымъ обря-
домъ. Мы переѣхали горы, и первый предметъ, поразившій
меня, была береза, сѣверная береза! Сердце мое сжалось: я
началъ ужъ тосковать о миломъ полуднѣ, хотя все еще нахо-
дился въ Тавридѣ, все еще видѣлъ и тополи, и виноградныя
лозы. Георгіевскій монастырь и его крутая лѣстница къ морю
оставили во мнѣ сильное впечатлѣніе. Тутъ же видѣлъ я басно-
словныя развалины храма Діаны. Видно, мифологическія преда-
нія счастливѣе для меня воспоминаній историческихъ: по край-
ней мѣрѣ тутъ посѣтили меня рифмы.

Въ Бахчисарай пріѣхалъ я больной. Я прежде слышалъ о
странномъ памятникѣ влюбленнаго хана. К*** поэтически описы-
вала мнѣ его, называя *la fontaine des larmes*. Вошедъ во дво-
рецъ, увидѣлъ я испорченный фонтанъ; изъ заржавой желѣзной
трубки по каплямъ падала вода. Я обошелъ дворецъ съ большой
досадою на небреженіе, въ которомъ онъ истлѣваетъ, и на полу-
европейскія передѣлки нѣкоторыхъ комнатъ. N. N. почти на-
сильно повелъ меня, по ветхой лѣстницѣ, въ развалины гарема и
на ханское кладбище:

Но не тѣмъ

Въ то время сердце полно было:

лихорадка меня мучила.

Что касается до памятника ханской любовницы, о которомъ
говорить М., я о немъ не вспомнилъ, когда писалъ свою поэму,
а то бы непременно имъ воспользовался.

(*) И. М. Муравьева-Апостола: «Путешествіе по Тавридѣ»
(Спб. 1823), изъ котораго была приложена выписка при изда-
ніяхъ Б. Фонтана и въ сочиненіяхъ Пушкина.

IV.

БРАТЯ РАЗБОЙНИКИ.

(1822.)

Не стая вороновъ слеталась
На груди тлѣющихъ костей,
За Волгой, ночью, вокругъ огней
Удалыхъ шайка собиралась.
Какая смѣсь одеждъ и лицъ,
Племень, нарѣчій, состояній!
Изъ хатъ, изъ келій, изъ темницъ
Они стеклися для стяжаній!
Здѣсь цѣль одна для всѣхъ сердець —
Живуть безъ власти, безъ закона.
Межъ ними зрится и бѣглець
Съ береговъ воинственнаго Дона,
И въ черныхъ локонахъ Еврей,
И дикіе сыны степей,
Калмыкъ, Башкирецъ безобразной,
И рыжій Финь, и съ лѣнью праздною

Вездѣ кочующій Цыганъ.
 Опасность, кровь, развратъ, обманъ
 Суть узы страшнаго семейства;
 Тотъ ихъ, кто съ каменной душой
 Прошелъ всѣ степени злодѣйства;
 Кто рѣжетъ хладною рукой
 Вдовицу съ бѣдной сиротой,
 Кому смѣшно дѣтей стенанье,
 Кто не прощаетъ, не щадитъ,
 Кого убійство веселитъ,
 Какъ юношу любви свиданье.

Затихло все, теперь луна
 Свой блѣдный свѣтъ на нихъ наводитъ,
 И чарка пѣннаго вина
 Изъ рукъ въ другія переходитъ.
 Простерты на землѣ сырой
 Иные чутко засыпаютъ :
 И сны зловѣщіе летаютъ
 Надъ ихъ преступной головой.
 Другимъ рассказы сокращаютъ
 Угрюмой ночи праздный часъ ;
 Умолкли всѣ — ихъ занимаетъ
 Пришельца новаго рассказъ,
 И все вокругъ его внимаетъ.

«Насъ было двое : братъ и я.
 Росли мы вмѣстѣ ; нашу младость
 Вскормила чуждая семья.
 Намъ, дѣтямъ, жизнь быма не въ радость :
 Уже мы знали нужды гласъ,
 Сносили горькое презрѣнье,

И рано волновало насъ
Жестокой зависти мученье.
Не оставалось у сиротъ
Ни бѣдной хижинки, ни поля;
Мы жили въ горѣ, средь заботъ.
Наскучила намъ эта доля,
И согласились межъ собой
Мы жребій испытать иной :
Въ товарищи себѣ мы взяли
Булатный ножъ, да темну ночь ;
Забыли робость и печали,
А совѣсть отогнали прочь.

« Ахъ, юность, юность удалая!
Житье въ то время было намъ,
Когда погибель презирая,
Мы все дѣлили пополамъ.
Бывало, только мѣсяцъ ясный
Взойдетъ и станетъ средь небесъ,
Изъ подземелія мы въ мѣсь
Идемъ на промыселъ опасный.
За деревомъ сидимъ и ждемъ :
Идетъ ли позднею дорогой
Богатый жидъ, иль попь убогой —
Все наше, все себѣ беремъ !
Зимой, бывало, въ ночь глухую
Заложимъ тройку удалую,
Поемъ и свищемъ, и стрѣлой
Летимъ надъ снѣжной глубиной.
Кто не боялся нашей встрѣчи?
Завидѣли въ харчевнѣ свѣчи —
Туда ! къ воротамъ, и стучимъ,

Хозяйку громко вызываемъ,
Вошли — все даромъ : пьемъ, ѣдимъ,
И красныхъ дѣвушекъ ласкаемъ !

«И что жъ? попались молодцы;
Недолго братья пировали :
Поймали насъ — и кузнецы
Насъ другъ ко другу приковали,
И стража отвела въ острогъ.
Я старше былъ пятью годами,
И вынести больше брата могъ.
Въ цѣпяхъ, за душными стѣнами
Я уцѣлѣлъ — онъ изнемогъ.
Съ трудомъ дыша, томимъ тоскою,
Въ забвеньи, жаркой головою
Склоняясь къ моему плечу,
Онъ умиралъ, твердя всечасно :
«Мнѣ душно здѣсь.... я въ лѣсъ хочу....
Воды, воды!...» Но я напрасно
Страдальцу воду подавалъ :
Онъ снова жаждою томился,
И градомъ потъ по немъ катился.
Въ немъ кровь и мысли волновалъ
Жаръ ядовитаго недуга ;
Ужъ онъ меня не узнавалъ,
И поминутно призывалъ
Къ себѣ товарища и друга.
Онъ говорилъ : «Гдѣ скрылся ты?
Куда свой тайный путь направилъ?
Зачѣмъ, мой братъ, меня оставилъ
Средь этой смрадной темноты?
Не онъ ли самъ отъ мирныхъ пашень

Меня въ дремучій лѣсъ сманилъ,
И ночью тамъ, могущъ и страшень,
Убійству первый научилъ?
Теперь онъ безъ меня на волѣ,
Одинъ гуляетъ въ чистомъ полѣ,
Тяжелымъ машетъ кистенемъ,
И позабылъ въ завидной долѣ
Онъ о товарищѣ своемъ!...»
То снова разгорались въ немъ
Докучной совѣсти мученья :
Предъ нимъ толпились привидѣнья,
Грозя перстомъ издалека —
Всѣхъ чаще образъ старика,
Давно зарѣзаннаго нами
Ему на мысли приходилъ ;
Больной, зажавъ глаза руками,
За старца такъ меня молилъ :
«Братъ! Сжался надъ его слезами!
Не рѣжь его на старость лѣтъ....
Мнѣ дряхлый крикъ его ужасень....
Пусти его — онъ не опасень —
Въ немъ крови капли теплой нѣтъ....
Не смѣйся, братъ, надъ сѣдинами,
Не мучь его.... авось мольбами
Смягчитъ за насъ онъ Божій гнѣвъ!...»
Я слушалъ, ужасъ одолѣвъ,
Хотѣлъ унять больнаго слезы
И удалить пустыя грезы.
Онъ видѣлъ пляски мертвецовъ,
Въ тюрьму пришедшихъ изъ лѣсовъ ;
То слышалъ ихъ ужасный шопоть
То вдругъ погони близкій топоть,

И дико взглядъ его сверкалъ,
Стояли волосы горою,
И весь какъ листъ онъ трепеталъ.
То мнилъ ужъ видѣть предъ собою
На площадяхъ толпы людей,
И страшный ходъ до мѣста казни,
И кнутъ, и грозныхъ палачей....
Безъ чувствъ, исполненный боязни,
Братъ упалъ ко мнѣ на грудь.
Такъ проводилъ я дни и ночи,
Не могъ минуты отдохнуть,
И сна не знали наши очи.

«Но молодость свое взяла :
Вновь силы брата возвратились ;
Болѣзнь ужасная прошла,
И съ нею грезы удалились.
Воскресли мы. Тогда сильнѣй
Взяла тоска по прежней долѣ ;
Душа рвалась къ лѣсамъ и къ волѣ,
Алкала воздуха полей.
Намъ тошенъ былъ и мракъ темницы,
И сквозь рѣшетки свѣтъ денницы,
И стражи кликъ, и звонъ цѣпей,
И легкій шумъ заметной птицы.

«По улицамъ однажды мы,
Въ цѣпяхъ, для городской тюрьмы
Сбирали вмѣстѣ подаянье,
И согласились въ тишинѣ
Исполнить давнее желанье.
Рѣка шумѣла въ сторонѣ,

Мы къ ней — и съ береговъ высокихъ
Бухъ! — поплыли въ водахъ глубокихъ.
Цѣплями общими гремимъ,
Бьемъ волны дружными ногами,
Песчаный видимъ островокъ,
И разсѣкая быстрый токъ,
Туда стремимся. Вслѣдъ за нами
Кричатъ : «Лови! лови! уйдутъ!»
Два стража издали плывутъ,
Но ужъ на островъ мы ступаемъ,
Оковы камнемъ разбиваемъ,
Другъ съ друга рвемъ клочки одеждъ,
Отягощенные водою....
Погоню видимъ за собою,
Но смѣло, полные надеждъ,
Сидимъ и ждемъ. Одинъ ужъ тонетъ,
То захлебнется, то застонетъ —
И какъ свинецъ пошелъ ко дну.
Другой проплылъ ужъ глубину,
Съ ружьемъ въ рукахъ, онъ въ бродъ упрямо,
Не внемля крику моему,
Идетъ, но въ голову ему
Два камня полетѣли прямо —
И хлынула на волны кровь ;
Онъ утонулъ — мы въ воду вновь.
За нами гнаться не посмѣли,
Мы береговъ достичь успѣли
И въ лѣсъ ушли. Но бѣдный братъ....
И трудъ, и волнъ осенній хладъ
Недавнихъ силъ его лишили :
Опять недугъ его сломилъ,
И змыя грезы посѣтили.

Три дня больной не говорилъ
И не смыкалъ очей дремотой ;
Въ четвертый, грустною заботой,
Казалось, онъ исполненъ былъ ;
Позвалъ меня, пожалъ мнѣ руку,
Потухшій взоръ изобразилъ
Одольвающую муку ;
Рука задрогла, онъ вздохнулъ,
И на груди моей уснулъ !

«Надъ хладнымъ тѣломъ я остался,
Три ночи съ нимъ не разставался,
Все ждалъ, очнется ли мертвецъ.
И горько плакалъ. Наконецъ
Взялъ заступъ, грѣшную молитву
Надъ братней ямой совершилъ,
И тѣло въ землю схоронилъ....
Потомъ на прежнюю ловитву
Пошелъ одинъ.... Но прежнихъ лѣтъ
Ужъ не дождусь — ихъ нѣтъ, какъ нѣтъ!
Пиры, веселые ночлеги,
И наши буйные набѣги —
Могила брата все взяла!
Влачусь угрюмый, одинокой ;
Окаменѣлъ мой духъ жестокой,
И въ сердцѣ жалость умерла.
Но иногда щажу морщины —
Мнѣ страшно рѣзать старика,
На беззащитныя сѣдины
Не подымается рука.
Я помню, какъ въ тюрьмѣ жестокой
Больной, въ цѣпяхъ, лишенный силъ,

Безъ памяти, въ тоскѣ глубокой
За старца братъ меня молилъ.»

Умолкъ, и буйной головою
Разбойникъ въ горести поникъ,
И слезъ горючею рѣкою
Свирѣпый оросился ликъ.
Смѣясь, товарищи сказали :
«Ты плачешь! полно, брось печали,
Зачѣмъ о мертвыхъ вспоминать?
Мы живы : станемъ пировать,
Ну, подчивай сосѣдъ сосѣда!»
И кружка вновь пошла кругомъ;
На мигъ утихшая бесѣда
Вновь оживляется виномъ;
У всякаго своя есть повѣсть,
Всякъ хвалитъ мѣткой свой кистень.
Шумъ, крикъ. Въ ихъ сердцахъ дремлетъ совѣсть,
Она проснется въ черный день.

ОТРЫВКИ

ИЗЪ ПОВГОРОДСКОЙ ПОВѢСТИ: ВАДИМЪ.

(1822.)

I.

Сводъ неба мракомъ обложился ;
Въ волнахъ Варяжскихъ лунный лучъ,
Сверкая межъ вечернихъ тучъ,
Столбомъ неровнымъ отразился.
Качаясь, лебедь на волнѣ
Заснулъ, и все кругомъ почило....
Но вотъ по темной глубинѣ
Стремится бѣлое вѣтрило,
И блещетъ пѣна при лунѣ;
Летитъ испуганная птица,
Услыша близкій шумъ весла.
Чей это парусъ? Чья десница
Его во мракъ напрягла?

Ихъ двое. На весло нагбенный,
Одинъ, смиренный житель волнъ,
Гребетъ и къ Югу править челнъ ;

Другой, какъ волхвомъ пораженный,
Стоитъ недвижимъ, на брега
Глаза вперивъ, не молвить слова,
И черезъ челнъ его нога
Перешагнуть уже готова.
Плывутъ....

«Причаливай, старикъ !
Къ утесу правъ» — и въ волны вмигъ
Прыгнулъ пловецъ нетерпѣливой,
И береговъ уже достигъ.
Межъ тѣмъ, рукой неторопливой,
Другой, вѣтрило опустивъ,
Свой челнъ къ утесу пригоняетъ,
Къ подошвамъ двухъ союзныхъ ивъ
Уломъ надежнымъ укрѣпляетъ,
И всходитъ медленной стопой
На берегъ дикій и крутой.
Кремень звучитъ, и пламя вскорѣ
Далеко освѣтило море.
Суровый край! Громады скалъ
На берегу стоятъ угрюмомъ,
Объ нихъ мятежный бьется валъ,
И пѣна плещетъ ; сосны съ шумомъ
Качаютъ старыя главы
Надъ зыбкой пеленой пучины ;
Кругомъ ни цвѣта, ни травы,
Песокъ да мохъ ; скалы, стремнины,
Вездѣ хранятъ клеймо громовъ
И слѣдъ потоковъ истощенныхъ,
И тлѣютъ кости — пиръ волковъ,
Въ разсѣлинахъ окровавленныхъ.

Къ огню заботливый старикъ
Простеръ нѣмѣющія руки.
Примѣты долготной муки :
Согбенны кости, тощій ликъ,
На коемъ время углубляло
Свои послѣднiе слѣды,
Одежда, обувь — все являло
Въ немъ дикость, нужду и труды.
Но кто же тотъ? Блiстаетъ младость
Въ его лицѣ; какъ вешнiй цвѣтъ
Прекрасенъ онъ; но, мнится, радость
Его не знала съ дѣтскихъ лѣтъ;
Въ глазахъ потупленныхъ кручина;
На немъ одежда Славянина,
И на бедрѣ Славянскiй мечъ.
Славянъ вотъ очи голубые,
Вотъ ихъ и волосы златые,
Волнами падшіе до плечъ....
Косматымъ рубищемъ одѣтый,
Огнемъ живительнымъ согрѣтый,
Старикъ забылся крѣпкимъ сномъ.
Но юноша, на перси руки
Задумчиво сложивъ крестомъ,
Сидитъ съ нахмуреннымъ челомъ....
Проходитъ ночь, огонь погасъ,
Остылъ и пепель; вотъ пучина
Бѣлѣтъ; близокъ утра часъ;
Нисходитъ сонъ на Славянина.

Видалъ онъ дальнiя страны,
По сушѣ, по морю носимся,
Во дни бымые, дни войны,

На Западѣ, на Югѣ бился,
Дѣля добычу и труды
Съ суровымъ племенемъ Одена,
И передъ нимъ враговъ ряды
Бѣжали, какъ морская пѣна,
Въ часъ бури, къ чернымъ *) берегамъ.
Внималъ онъ радостнымъ хваламъ
И арфамъ Скальдовъ изступленныхъ **),
Въ жилищѣ сильныхъ пировалъ,
И очи дѣвъ иноплеменныхъ
Красою чуждой привлекалъ.
Но сладкій сонъ не переноситъ
Теперь героя въ край чужой,
Въ поля, гдѣ мчится бурный бой,
Гдѣ мечъ главы героевъ косить;
Не видитъ онъ знакомыхъ скалъ
Кириаландіи печальной,
Ни Албіона, гдѣ искалъ
Кровавыхъ сѣчь и славы дальной;
Ему не снится шумъ валовъ;
Онъ позабылъ морскія битвы,
И пламя яркое костровъ ***),
И трубный звукъ, и лай ловитвы;
Другія грезы и мечты
Волнуютъ сердце Славянина:
Предъ нимъ Славянская дружина,
Онъ узнаетъ ея щиты,
Онъ снова простираетъ руки
Товарищамъ минувшихъ лѣтъ,

*) Въ Памятникъ Музъ 1827 : «къ горнымъ».

**) «вдохновенныхъ».

***) «пировъ».

Забытымъ въ долги дни разлуки,
Которыхъ ужъ и въ мірѣ нѣтъ....
Межъ тѣмъ привычныя заботы,
Средь усладительной дремоты,
Тревожатъ душу старика :
Во снѣ онъ парусъ развиваетъ,
Плыветъ по волѣ вѣтерка ;
Его тихонько увлекаетъ
Къ заливу свѣтлая рѣка,
И рыба сонная впадаетъ
Въ тяжелый неводъ старика ;
Все тихо : море почиваетъ ;
Но туча виснетъ : дальній громъ
Надъ звучной бездною грохочетъ,
И вотъ пучина надъ челномъ
Кипитъ, подъемлется, клокочетъ ;
Напрасно къ вѣрнымъ берегамъ
Несчастный возвратиться хочетъ —
Челнокъ трещитъ и — пополамъ !
Рыбакъ идетъ на дно морское....
И пробудясь, трепещетъ онъ,
Глядитъ окрестъ — берега въ покоѣ ;
На полусвѣтлый небосклонъ
Восходитъ утро золотое ;
Съ деревъ, съ утесистыхъ вершинъ,
Навстрѣчу радостной денницы,
Щебеча полетѣли птицы,
И разсвѣло....

II.

Онъ видитъ Новгородъ-великой,
Знакомый теремъ съ давнихъ поръ;
Но тынъ обросъ крапивою дикою,
Обвиты окна павиликой,
Въ травѣ заглохъ широкій дворъ.
Онъ быстро храминъ опустѣлыхъ
Проходитъ молчаливый рядъ :
Все мертво.... нѣтъ гостей веселыхъ,
Застольны чаши не гремятъ....
И вотъ веселая свѣтлица.
Въ немъ сердце бьется : здѣсь иль нѣтъ
Любовь очей, душа-дѣвица?
Цвѣтетъ ли здѣсь мой милый цвѣтъ?
Найду ль ее?... И съ этимъ словомъ
Онъ входитъ.... Что же? Страшный видъ —
Въ постелѣ хладной, подъ покровомъ
Дѣвица мертвая лежитъ!...
Въ немъ замеръ духъ и взволновался.
Покровъ приподнимаетъ онъ,
Глядитъ, и слабый стонъ
Сквозь тяжкій сонъ его раздался.
Она, она! ея черты!...
На персяхъ рану обнажаетъ;
Она погибла! восклицаетъ,
Кто могъ?... И слышитъ голосъ : Ты!...

III.

Вадимъ.

Ты видѣлъ Новгородъ, ты слышалъ гласъ народа:
Скажи, Рогдай, жива-ль славянская свобода?
Иль князя чуждаго покорные рабы
Рѣшились оправдать гоненіе судьбы?

Рогдай.

Вадимъ! Надежда есть. Народъ нетерпѣливый,
Старинной вольности питомецъ горделивый,
Досадуя влачить позорный свой яремъ.
Какъ иноземный гость, невѣдомый никѣмъ,
Являлся я въ домахъ, на стогнахъ и на вѣчѣ;
Къ пришельцамъ ненависть я зрѣлъ на каждой встрѣчѣ.
Уныніе вездѣ : торговли шумъ утихъ,
Умы встревожены — и пламя тлѣетъ въ нихъ.
Младые граждане кипятъ и негодуютъ.
Вадимъ! они тебя съ надеждой именуютъ....

Вадимъ.

Безумные! Давно-ль они въ глазахъ моихъ
Встрѣчали съ торжествомъ властителей чужихъ,
И вольныя главы подъ иго преклоняли?
Теперь зовутъ меня, а завтра, можетъ, вновь....
Невѣрна ихъ вражда, невѣрна ихъ любовь....

V.

ЦЫГАНЫ.

(1824.)

Цыганы шумною толпой
По Бессарабіи кочуютъ.
Они сегодня надъ рѣкой
Въ шатрахъ изодранныхъ ночуютъ.
Какъ вольность весель ихъ ночлегъ
И мирный сонъ подъ небесами.
Между колесами телѣгъ,
Полузавѣшанныхъ коврами,
Горитъ огонь ; семья кругомъ
Готовитъ ужинъ ; въ чистомъ полѣ
Пасутся кони ; за шатромъ
Ручной медвѣдь лежитъ на волѣ.
Все живо посреди степей :
Заботы мирныя семей,
Готовыхъ съ утромъ въ путь недалній,
И пѣсни женъ, и крикъ дѣтей,

И звонъ походной наковальни.
Но вотъ на таборъ кочевой
Нисходитъ сонное молчанье,
И слышно въ тишинѣ степной
Лишь лай собакъ, да коней ржанье.
Огни вездѣ погашены,
Спокойно все, луна сіяетъ
Одна съ небесной вышины
И тихій таборъ озаряетъ.
Въ шатрѣ одномъ старикъ не спитъ ;
Онъ передъ углями сидитъ,
Согрѣтый ихъ послѣднимъ жаромъ,
И въ поле дальнее глядитъ,
Ночнымъ подернутое паромъ.
Его молоденькая дочь
Пошла гулять въ пустынномъ полѣ.
Она привыкла къ рѣзвой волѣ ,
Она прійдетъ; но вотъ ужъ ночь,
И скоро мѣсяцъ ужъ покинетъ
Небесъ далекихъ облака ,
Земфиры нѣтъ, какъ нѣтъ, и стынетъ
Убогій ужинъ старика.

Но вотъ она. За нею слѣдомъ
По степи юноша спѣшитъ ;
Цыгану вовсе онъ невѣдомъ.
«Отецъ мой, дѣва говоритъ,
Веду я гостя, за курганомъ
Его въ пустынѣ я нашла
И въ таборъ на ночь зазвала.
Онъ хочетъ быть какъ мы, Цыганомъ ;
Его преслѣдуетъ законъ,

Но я ему подругой буду.
Его зовутъ Алеко, онъ
Готовъ итти за мною всюду.»

СТАРИКЪ.

Я радъ. Останься до утра
Подъ сѣнью нашего шатра,
Или пробудь у насъ и долъ,
Какъ ты захочешь. Я готовъ
Съ тобой дѣлить и хлѣбъ, и кровъ.
Будь нашъ, привыкни къ нашей долъ,
Бродящей бѣдности и волъ;
А завтра съ утренней зарей
Въ одной телѣгѣ мы поѣдемъ;
Примись за промыселъ любой:
Желѣзо куй, иль пѣсни пой, ~~или~~
И села обходи съ медвѣдемъ.

АЛЕКО.

Я остаюсь.

ЗЕМФИРА.

Онъ будетъ мой!
Кто жъ отъ меня его отгонитъ?
Но поздно.... мѣсяцъ молодой
Зашель, поля покрыты мглой,
И сонъ меня невольно клонитъ....

Свѣтло. Старикъ тихонько бродитъ
Вокругъ безмолвнаго шатра.
«Вставай, Земфира, солнце всходитъ ;

Проснись, мой гость, пора, пора!
 Оставьте, дѣти, ложе нѣги.»
 И съ шумомъ высыпалъ народъ;
 Шатры разобраны; телѣги
 Готовы двинуться въ походъ;
 Все вмѣстѣ тронулось — и вотъ
 Толпа валить въ пустыхъ равнинахъ.
 Ослы въ перекидныхъ корзинахъ
 Дѣтей играющихъ несутъ,
 Мужья и братья, жены, дѣвы,
 И старъ и младъ во слѣдъ идутъ;
 Крикъ, шумъ, Цыганскіе припѣвы,
 Медвѣдя ревъ, его цѣпей
 Нетерпѣливое бряцанье,
 Лохмотьевъ яркихъ пестрота,
 Дѣтей и старцевъ нагота,
 Собакъ и лай и завыванье,
 Волынки говоръ, скрипъ телѣгъ,
 Все скудно, дико, все нестройно,
 Но все такъ живо, непокойно,
 Такъ чуждо мертвыхъ нашихъ нѣгъ,
 Такъ чуждо этой жизни праздной,
 Какъ пѣснь рабовъ однообразной. 1 2

Уныло юноша глядѣлъ
 На опустѣлую равнину,
 И грусти тайную причину
 Истолковать себѣ не смѣлъ.
 Съ нимъ черноокая Земфира.
 Теперь онъ вольный житель міра,

И солнце весело надъ нимъ
 Полуденной красою блещетъ ;
 Что жъ сердце юноши трепещетъ ,
 Какой заботой онъ томимъ ?

Птичка Божія не знаетъ
 Ни заботы, ни труда ;
 хлопотливо не свиваетъ
 Долговѣчнаго гнѣзда ;
 Въ долгу ночь на вѣткѣ дремлетъ,
 Солнце красное взойдетъ —
 Птичка гласу Бога внемлетъ,
 Встрепенется и поетъ.
 За весной, красой природы,
 Лѣто знойное пройдетъ —
 И туманъ, и непогоды
 Осень поздняя несетъ :
 Людямъ скучно, людямъ горе —
 Птичка — въ дальнія страны,
 Въ теплый край, за сине море
 Улетаетъ до весны.

Подобно птичкѣ беззаботной,
 И онъ, изгнанникъ перелетной,
 Гнѣзда надежнаго не зналъ
 И ни къ чему не привыкалъ. }
 Ему вездѣ была дорога,
 Вездѣ была ночлега сѣнь ;
 Проснувшись поутру, свой день
 Онъ отдавалъ на волю Бога,
 И жизни не могла тревога
 Смутить его сердечну лѣнь.
 Его порой волшебной славы
 Манила дальняя звѣзда,

Нежданно роскошь и забавы
Къ нему являлись иногда ;
Надъ одинокой головою
И громъ нерѣдко грохоталъ ;
Но онъ безпечно подъ грозою,
И въ ведро ясное дремалъ,
И жилъ, не признавая власти
Судьбы коварной и слѣпой ;
Но, Боже, какъ играли страсти
Его послушною душой !
Съ какимъ волненіемъ кипѣли
Въ его измученной груди !
Давно ль, на долго ль усмирѣли ?
Онъ проснется , погоди.

—
ЗЕМФИРА.

Скажи, мой другъ, ты не жалѣешь
О томъ, что бросилъ навсегда ?

АЛЕКО.

Чтожъ бросилъ я ?

ЗЕМФИРА.

Ты разумѣешь :
Людей отчизны, города.

АЛЕКО.

О чемъ жалѣть ? Когда бъ ты знала,
Когда бы ты воображала
Неволю душныхъ городовъ !

Тамъ люди въ кучахъ, за оградой
 Не дышатъ утренней прохладой,
 Ни вешнимъ запахомъ луговъ ;
 Любви стыдятся, мысли гонять,
 Торгуютъ волею своей,
 Главы предъ идолами клонять
 И просятъ денегъ да цѣпей.
 Что бросилъ я? Измѣнъ волненье,
 Предразсужденій приговоръ,
 Толпы безумное гоненье
 Или блистательный позоръ.

Земфира.

Но тамъ огромныя палаты,
 Тамъ разноцвѣтные ковры,
 Тамъ игры, шумные пиры,
 Уборы дѣвъ тамъ такъ богаты !

Алеко.

Что шумъ веселій городскихъ —
 Гдѣ нѣтъ любви, тамъ нѣтъ веселій ;
 А дѣвы.... Какъ ты лучше ихъ
 И безъ нарядовъ дорогихъ,
 Безъ жемчуговъ, безъ ожерелій !
 Не измѣнись, мой нѣжный другъ !
 А я.... одно мое желанье —
 Съ тобой дѣлить любовь, досугъ,
 И добродельное изгнанье.

Старикъ.

Ты любишь насъ, хотъ и рожденъ
 Среди богатаго народа ,

Но не всегда мила свобода
 Тому, кто къ нѣгѣ приучень.
 Межъ нами есть одно преданье :
 Царемъ когда-то сосланъ былъ
 Полудня житель къ намъ въ изгнанье.
 (Я прежде зналъ, но позабылъ
 Ему мудреное прозванье).
 Онъ былъ уже лѣтами старъ,
 Но младъ и живъ душой незлобной ;
 Имѣлъ онъ пѣсень дивный даръ
 И голосъ, шуму водъ подобной.
 И полюбили всѣ его,
 И жилъ онъ на берегахъ Дуная,
 Не обижая *) никого,
 Людей разказами плѣняя.
 Не разумѣлъ онъ ничего,
 И слабъ, и робокъ былъ, какъ дѣти ;
 Чужіе люди за него
 Звѣрей и рыбъ ловили въ сѣти.
 Какъ мерзла быстрая рѣка,
 И зимни вихри бушевали —
 Пушистой кожей покрывали
 Они святаго старика ;
 Но онъ къ заботамъ **) жизни бѣдной
 Привыкнуть никогда не могъ ;
 Скитался онъ изсохшій, блѣдной.
 Онъ говорилъ, что гнѣвный Богъ
 Его каралъ за преступленье,
 Онъ ждалъ : прійдетъ ли избавленье,

*) Въ альманахѣ Сѣверные Цвѣты 1826 г. напечатано : «Не оскорбляя никого.»

**) Тамъ же «Но онъ къ печалямъ жизни бѣдной.»

И все несчастный тосковалъ,
Бродя по берегамъ Дуная,
Да горьки слезы проливалъ,
Свой дальній градъ воспоминая.
И завѣщалъ онъ, умирая,
Чтобы на югъ перенесли
Его тоскующія кости,
И смертью чуждой сей земли
Не успокоенные гости.

А Л Е К О.

Такъ вотъ судьба твоихъ сыновъ,
О Римъ, о громкая *) держава!
Пѣвецъ любви, пѣвецъ боговъ,
Скажи мнѣ, что такая слава?
Могильный гулъ **), хвалебный гласъ,
Изъ рода въ роды звукъ бѣгущій,
Или подъ сѣнью дымной кущи
Цыгана дикаго разсказъ?

—

Прошло два лѣта. Также бродятъ
Цыганы мирною толпой;
Вездѣ, по прежнему, находятъ
Гостепріимство и покой.
Презрѣвъ оковы просвѣщенья,
Алеко воленъ, какъ они;
Онъ безъ заботъ и сожалѣнья

*) Сѣверные Цвѣты 1826 г. напечатано: «О Римъ, о дивная держава.»

***) Тамъ же: «Минутный гулъ.»

Ведеть кочующіе дни.
Все тотъ же онъ, семья все та же;
Онъ прежнихъ лѣтъ не помня даже
Къ бытью цыганскому привыкъ;
Онъ любитъ ихъ ночлеговъ сѣни,
И упоенье вѣчной лѣни,
И бѣдный, звучный ихъ языкъ.
Медвѣдь, бѣглець родной берлоги,
Косматый гость его шатра,
Въ селеньяхъ, вдоль степной дороги,
Близъ Молдаванскаго двора
Передъ толпою осторожной
И тяжело пляшетъ и реветъ,
И цѣпь докучную грызетъ.
На посохъ опершись дорожной,
Старикъ лѣниво въ бубны бьетъ,
Алеко съ пѣнъемъ звѣря водить,
Земфира поселянъ обходить,
И дань ихъ вольную беретъ;
Настанетъ ночь, они всѣ трое
Варятъ нежатоe пшено;
Старикъ уснулъ — и все въ покоѣ....
Въ шатрѣ и тихо и темно.

—

Старикъ на вешнемъ солнцѣ грѣетъ
Ужъ остывающую кровь;
У люльки дочь поетъ любовь.
Алеко внемлетъ и блѣднѣетъ.

ЗЕМФИРА.

Старый мужъ, грозный мужъ,
Рѣжь меня, жги меня —
Я тверда, не боюсь
Ни ножа, ни огня.

Ненавижу тебя,
Презираю тебя,
Я другаго люблю,
Умираю любя!

АЛЕКО.

Молчи. Мнѣ пѣнье надоѣло,
Я дикихъ пѣсень не люблю.

ЗЕМФИРА.

Не любишь? мнѣ какое дѣло!
Я пѣсню для себя пою.

Рѣжь меня, жги меня,
Не скажу ничего;
Старый мужъ, грозный мужъ,
Не узнаешь его.

Онъ свѣжѣ весны,
Жарче лѣтняго дня;
Какъ онъ молодъ и смѣлъ!
Какъ онъ любить меня!

Какъ ласкала его
Я въ ночной тишинѣ!

ЦЫГАНЫ.

Какъ смѣялись тогда
Мы твоей сѣдинѣ!

А Л Е К О.

Молчи, Земфира, я доволенъ....

З Е М Ф И Р А.

Такъ понялъ пѣсню ты мою?

А Л Е К О.

Земфира!...

З Е М Ф И Р А.

Ты сердиться воленъ,
Я пѣсню протѣбя пою.

(Уходитъ и поетъ: «старый мужъ», и проч.)

С Т А Р И К Ъ.

Такъ, помню, помню : пѣсня эта
Во время наше сложена ;
Уже давно въ забаву свѣта
Поется межъ людей она.
Кочуя на степяхъ Кагула,
Ее, бывало, въ зимню ночь
Моя пѣвала Мариула,
Передъ огнемъ качая дочь.
Въ умѣ моемъ минувши лѣта
Чась отъ часу темнѣй, темнѣй;
Но заронилась пѣсня эта
Глубоко въ памяти моей.

Все тихо, ночь. Луной украшенъ
Лазурный юга небосклонъ.
Старикъ Земфирой пробужденъ :
«О, мой отецъ ! Алеко страшень,
Послушай, сквозь тяжелый сонъ
И стонетъ, и рыдаетъ онъ.»

СТАРИКЪ.

Не тронь его, храни молчанье.
Слыхалъ я Русское преданье :
Теперь, полуночной порой,
У спящаго тѣснить дыханье
Домашній духъ, передъ зарей
Уходитъ онъ. Сиди со мной.

ЗЕМФИРА.

Отецъ мой, шепчетъ онъ : Земфира !

СТАРИКЪ.

Тебя онъ ищетъ и во снѣ —
Ты для него дороже міра.

ЗЕМФИРА.

Его любовь постыла мнѣ.
Мнѣ скучно, сердце воли просить,
Ужъ я... Но тише, слышишь, онъ
Другое имя произносить ?

СТАРИКЪ.

Чье имя ?

ЗЕМФИРА.

Слышишь — хриплый стонъ,

И скрежетъ ярый!... Какъ ужасно!
Я разбужу его.

СТАРИКЪ.

Напрасно,
Ночнаго духа не гони,
Уйдетъ и самъ.

ЗЕМФИРА.

Онъ повернулся,
Привсталъ, зоветъ меня; проснулся.
Иду къ нему. — Прощай, усни.

АЛЕКО.

Гдѣ ты была?

ЗЕМФИРА.

Съ отцемъ сидѣла.
Какой-то духъ тебя томилъ,
Во снѣ душа твоя терпѣла
Мученья. Ты меня страшилъ:
Ты сонный скрежеталъ зубами,
И звалъ меня.

АЛЕКО.

Мнѣ снилась ты.
Я видѣлъ, будто между нами....
Я видѣлъ страшныя мечты.

ЗЕМФИРА.

Не вѣрь лукавымъ сновидѣньямъ.

АЛЕКО.

Ахъ, я не вѣрю ничему,

Ни снамъ, ни сладкимъ увѣреньямъ,
Ни даже сердцу твоему!

Старикъ.

О чемъ, безумецъ молодой,
О чемъ вздыхаешь ты всечасно? | *Р. УЕВАНОВЪ*
Здѣсь люди вольны, небо ясно,
И жены славятся красой.
Не плачь, тоска тебя погубить.

Алеко.

Отецъ! она меня не любитъ.

Старикъ.

Утѣшься, другъ, она дитя.
Твое унынье безразсудно :
Ты любишь горестно и трудно,
А сердце женское шутя.
Взгляни : подъ отдаленнымъ сводомъ
Гуляетъ вольная луна,
На всю природу мимоходомъ
Равно сіянье льетъ она;
Заглянетъ въ облако любое,
Его такъ пышно озарить,
И вотъ, ужъ перешла въ другое,
И то не долго посѣтитъ.
Кто мѣсто въ небѣ ей укажетъ,
Примолвя : тамъ остановись!
Кто сердцу юной дѣвы скажетъ :

Люби одно, не измѣнись!
Утѣшься!...

● АЛЕКО.

Какъ она любила!
Какъ нѣжно преклонясь ко мнѣ,
Она въ пустынной тишинѣ
Всѣхъ ночные проводила!
Веселья дѣтскаго полна,
Какъ часто милымъ лепетаньемъ,
Иль упоительнымъ лобзаньемъ
Мою задумчивость она
Въ минуту разогнать умѣла!
И что жъ? Земфира не вѣрна!
Моя Земфира охладѣла.

СТАРИКЪ.

Послушай, расскажу тебѣ
Я повѣсть о самомъ себѣ.
Давно, давно, когда Дунаю
Не угрожалъ еще Москаль
(Вотъ видишь, я припоминаю,
Алеко, старую печаль) —
Тогда боялись мы Султана,
А правилъ буджакомъ Паша
Съ высокихъ башень Акермана.
Я молодъ былъ, моя душа
Въ то время радостно кипѣла,
И ни одна въ кудряхъ моихъ
Еще сѣдинка не белѣла.
Между красавиць молодыхъ
Одна была.... и долго ею

Какъ солнцемъ любовался я,
И наконецъ назвалъ моею.

Ахъ, быстро молодость моя
Звѣздой падучею мелькнула!
Но ты, пора любви, минула
Еще быстрѣе! только годъ
Меня любила Мариула.

Однажды, близъ Кагульскихъ водъ
Мы чуждый таборъ повстрѣчали;
Цыганы тѣ, свои шатры
Разбивъ близъ нашихъ, у горы,
Двѣ ночи вмѣстѣ ночевали.
Они ушли на третью ночь,
И, брося маленькую дочь,
Ушла за ними Мариула.
Я мирно спалъ; заря блеснула;
Проснулся я — подруги нѣтъ!
Ищу, зову — пропалъ и слѣдъ.
Тоскуя, плакала Земфира,
И я заплакалъ!... Съ этихъ поръ
Постыли мнѣ всѣ дѣвы міра;
Межъ ими никогда мой взоръ
Не выбиралъ себѣ подруги,
И одинокіе досуги
Уже ни съ кѣмъ я не дѣлилъ.

Алеко.

Да какъ же ты не поспѣшилъ
Тотчасъ во слѣдъ неблагодарной,

И хищнику, и ей коварной,
Кинжала въ сердце не вонзиль?

СТАРИКЪ.

Къ чему? вольнѣ птицы младость.
Кто въ силахъ удержать любовь?
Чредою всѣмъ дается радость:
Что было, то не будетъ вновь!

АЛЕКО.

Я не таковъ. Нѣтъ, я не споря
Отъ правъ моихъ не откажусь;
Или хотъ мщеньемъ наслажусь.
О, нѣтъ! когда бъ надъ бездной моря
Нашель я спящаго врага,
Клянусь, и тутъ моя нога
Не пощадила бы злодѣя:
Я въ волны моря, не блѣднѣя,
И беззащитнаго бъ толкнулъ;
Внезапный ужасъ пробужденья
Свирѣпымъ смѣхомъ упрекнулъ,
И долго мнѣ его паденья
Смѣшонъ и сладокъ былъ бы гулъ.

—
Молодой Цыганъ.

Еще одно, одно лобзанье!

ЗЕМФИРА.

Пора: мой мужъ ревнивъ и золь.

Цыганъ.

Одно.... но долѣ — на прощанье!

Земфира.

Прощай, покаместъ не пришелъ.

Цыганъ.

Скажи — когда жъ опять свиданье?

Земфира.

Сегодня, какъ зайдетъ луна,
Тамъ, за курганомъ надъ могилой....

Цыганъ.

Обманеть! не прійдетъ она.

Земфира.

Бѣги — вотъ онъ! Прійду, мой милый.

—

Алеко спить. Въ его умѣ
Видѣнье смутное играетъ ;
Онъ, съ крикомъ пробудясь во тмѣ,
Ревниво руку простираетъ :
Но оробѣлая рука
Покровы хладные хватаетъ —
Его подруга далека....
Онъ съ трепетомъ привсталъ и внемлетъ —
Все тихо! Страхъ его объемлетъ,
По немъ текутъ и жаръ, и хладъ ;

Встаетъ онъ, изъ шатра выходитъ,
Вокругъ телѣгъ ужасенъ бродитъ.
Спокойно все, поля молчать,
Темно; луна зашла въ туманы;
Чуть брежжетъ звѣздъ невѣрный свѣтъ,
Что по росѣ примѣтный слѣдъ
Ведетъ за дальніе курганы;
Нетерпѣливо онъ идетъ,
Куда зловѣщій слѣдъ ведетъ.
Могила на краю дороги
Вдали бѣлѣтъ передъ нимъ,
Туда слабѣющія ноги
Влачатъ, предчувствіемъ томимъ;
Дрожатъ уста, дрожатъ колѣни....
Идетъ.... и вдругъ.... иль это сонъ?
Вдругъ видитъ близкія двѣ тѣни,
И близкій шепотъ слышитъ онъ
Надъ обезславленной могилой.

Первый голосъ.

Пора!...

Второй голосъ.

Постой!

Первый голосъ.

Пора, мой милый.

Второй голосъ.

Нѣтъ, нѣтъ! постой, дождемся дня.

Первый голосъ.

Ужъ поздно.

Второй голосъ.

Какъ ты робко любишь.

Минуту!

Первый голосъ.

Ты меня погубишь.

Минуту!

Второй голосъ.

Первый голосъ.

Если безъ меня

Проснется мужъ....

Алеко.

Проснулся я.

Куда вы? Не спѣшите оба —
Вамъ хорошо и здѣсь, у гроба.

Земфира.

Мой другъ, бѣги, бѣги!

Алеко.

Постой!

Куда, красавецъ молодой?
Лежи!

(Вонзаетъ въ него ножъ.)

Земфира.

Алеко!

Цыганъ.

Умираю!

ЦЫГАНЫ.

ЗЕМФИРА.

Алеко, ты убьешь его!
 Взгляни : ты весь обрызганъ кровью!
 О, что ты сдѣлалъ?

А Л Е К О.

Ничего.

Теперь дыши его любовью....

ЗЕМФИРА.

Нѣтъ, полно, не боюсь тебя,
 Твои угрозы презираю,
 Твое убійство проклиная.

А Л Е К О.

Умри жъ и ты! (Поражаетъ ее).

ЗЕМФИРА.

Умру любя!

—

Востокъ денницей озаренный
 Сіялъ. Алеко за холмомъ,
 Съ ножомъ въ рукахъ, окровавленный
 Сидѣлъ на камнѣ гробовомъ.
 Два трупа передъ нимъ лежали;
 Убійца страшень былъ лицомъ;
 Цыганы робко окружали
 Его встревоженной толпой;
 Могилу въ сторонѣ копали,

Шли жены скорбной чередой
И въ очи мертвыхъ цѣловали.
Старикъ отецъ одинъ сидѣлъ,
И на погибшую глядѣлъ
Въ нѣмомъ бездѣйстви печали;
Подняли трупы, понесли,
И въ лоно хладное земли
Чету младую положили.
Алеко издали смотрѣлъ
На все. Когда же ихъ закрыли
Послѣдней горстію земной,
Онъ молча, медленно склонился,
И съ камня на траву свалился.

Тогда старикъ, приближась, рекъ :
«Оставь насъ, гордый человѣкъ !
Мы дики, нѣтъ у насъ законовъ,
Мы не терзаемъ, не казимъ,
Не нужно крови намъ и стоновъ ;
Но жить съ убійцей не хотимъ.
Ты не рожденъ для дикой доли,
Ты для себя лишь хочешь воли ;
Ужасенъ намъ твой будетъ гласъ :
Мы робки и добры душою,
Ты золь и смѣль — оставь же насъ,
Прости, да будетъ миръ съ тобою!»

Сказалъ, и шумною толпою
Поднялся таборъ кочевой
Съ долины страшнаго ночлега,
И скоро все въ дали степной
Сокрылось. Лишь одна телѣга,

Убогимъ крытая ковромъ,
Стояла въ полѣ роковомъ.
Такъ иногда передъ зимою,
Туманной утренней порою,
Когда подьмется съ полей
Станица позднихъ журавлей
И съ крикомъ вдаль на югъ несется,
Пронзенный гибельнымъ свинцомъ,
Одинъ печально остается,
Повиснувъ раненымъ крыломъ.
Настала ночь ; въ тѣлѣ темной
Огня никто не разложилъ,
Никто подъ крышею подъемной
До утра сномъ не опочилъ.

Э П И Л О Г Ъ .

Волшебной силой пѣснопѣнья
Въ туманной памяти моей
Такъ оживляются видѣнья
То свѣтлыхъ, то печальныхъ дней,
Въ странѣ, гдѣ долго, долго брани
Ужасный гулъ не умолкалъ,
Гдѣ повелительныя грани
Стамбулу Русскій указалъ,
Гдѣ старый нашъ орелъ двуглавою
Еще шумитъ минувшей славой,
Встрѣчалъ я посреди степей,
Надъ рубежами древнихъ становъ,
Телѣги мирныя Цыгановъ,
Смиренной вольности дѣтей.

Но счастья нѣтъ и между вами,
Природы бѣдные сыны!
И подъ издранными шатрами
Живутъ мучительные сны!
И ваши сѣни кочевья
Въ пустыняхъ не спаслись отъ бѣдъ,
И всюду страсти роковыя,
И отъ судебъ защиты нѣтъ!

ПРОПУЩЕННОЕ МѢСТО ВЪ ПОЭМѢ ЦЫГАНЪ.

Блѣдна, слаба — Земфира дремлетъ ;
Алеко, съ радостью въ очахъ
Младенца держитъ на рукахъ
И крику жизни жадно внемлетъ :

«Прими привѣтъ сердечный мой,
Дитя любви, дитя природы,
И съ даромъ жизни дорогой
Неоцѣненный даръ свободы.

«Останься посреди степей :
Безмолвны здѣсь предразсужденья —
И нѣтъ ихъ ранняго гоненья
Надъ дикой люлькою твоей.

«Расти на волѣ безъ уроковъ,
Не знай стѣснительныхъ палатъ,
И не мѣняй простыхъ пороковъ
На образованный развратъ.

«Подъ сѣнью мирнаго забвенья
Пускай цыгана бѣдный внукъ

Не знаетъ нѣгъ и пресыщенья
И пышной суеты наукъ....

«Нѣтъ, не преклонишь ты колѣнъ
Предъ идоломъ безумной чести,
Не будешь жертвой злыхъ измѣнъ,
Трепеща тайно жаждой мести.

«О Боже! Если бъ мать моя
Меня родила въ чащѣ лѣса,
Или подъ юртой Остяка
Въ глухой разсѣлинѣ утеса....»

VI.

ГРАФЪ НУЛИНЪ.

(1825.)

Пора, пора! рога трубятъ;
Псари въ охотничьихъ уборахъ
Чѣмъ свѣтъ ужъ на коняхъ сидятъ;
Борзые прыгаютъ на сворахъ. *)
Выходитъ баринъ на крыльцо,
Все, подбочась, обозрѣваетъ;
Его довольное лицо
Пріятной важностью сіяетъ.
Чекмень затянутый на немъ,
Турецкій ножъ за кушакомъ,
За пазухой во фляжкѣ ромъ,
И рогъ на бронзовой цѣпочкѣ.
Въ ночномъ чепцѣ, въ одномъ платочкѣ,
Глазами сонными жена
Сердито смотритъ изъ окна
На сборъ, на псарную тревогу.

*) Въ Москвѣ Вѣстникъ: «И гончія визжатъ на сворахъ.»

Вотъ мужу подвели коня,
Онъ холку хватъ, и въ стремя ногу,
Кричитъ женѣ: Не жди меня!
И выѣзжаетъ на дорогу.

Въ послѣднихъ числахъ Сентября
(Презрѣнной прозой говоря)
Въ деревнѣ скучно, грязь, ненастье,
Осенній вѣтеръ, мелкій снѣгъ,
Да вой волковъ. Но то-то счастье
Охотнику! Не зная нѣгъ,
Въ отъѣзжемъ полѣ онъ гарцуетъ,
Вездѣ находитъ свой ночлегъ,
Бранится, мокнетъ и пируетъ
Опустошительный набѣгъ.

А что же дѣлаетъ супруга,
Одна въ отсутствіе супруга?
Занятій мало ль есть у ней?
Грибы солить, кормить гусей,
Заказывать обѣдъ и ужинъ,
Въ амбаръ и въ погребъ заглянуть.
Хозяйки глазъ повсюду нуженъ:
Онъ вмигъ замѣтитъ что нибудь.

Къ несчастью, героиня наша
(Ахъ, я забылъ ей имя дать!
Мужъ просто звалъ ее Наташа,
Но мы — мы будемъ называть
Наталья Павловна), къ несчастью,
Наталья Павловна совсѣмъ
Своей хозяйственной частью

Не занималася, затѣмъ,
Что не въ отеческомъ законѣ
Она воспитана была,
А въ благородномъ пансіонѣ
У эмигрантки Фальбала.

Она сидитъ передъ окномъ ;
Предъ ней открытъ четвертый томъ
Сентиментальнаго романа :
Любовь Элизы и Армана,
Иль Переписка двухъ семей —
Романъ классическій, старинной,
Отмѣнно длинной, длинной, длинной,
Нравоучительный и чинной,
Безъ романтическихъ затѣй.

Наталя Павловна сначала
Его внимательно читала,
Но скоро какъ-то развлеклась
Передъ окномъ возникшей дракой
Козла съ дворовою собакой,
И ею тихо занялась.
Кругомъ мальчишки хохотали ;
Межъ тѣмъ печально подъ окномъ
Индѣйки съ крикомъ выступали
Во слѣдъ за мокрымъ пѣтухомъ ;
Три утки полоскались въ лужѣ ;
Шла баба черезъ грязный дворъ
Бѣлье повѣсить на заборъ ;
Погода становилась хуже :
Казалось, снѣгъ итти хотѣлъ....
Вдругъ колокольчикъ зазвенѣлъ.

Кто долго жилъ въ глуши печальной,
Друзья, тотъ вѣрно знаетъ самъ,
Какъ сильно колокольчикъ дальной
Порой волнуетъ сердце намъ.
Не другъ ли ѣдетъ запоздалой,
Товарищъ юности удамой?...
Ужъ не она ли?... Боже мой!
Вотъ ближе, ближе. Сердце бьется.
Но мимо, мимо звукъ несется,
Слабѣй.... и смолкнулъ за горой.

Наталья Павловна къ балкону
Бѣжитъ, обрадована звону,
Глядитъ и видитъ : за рѣкой,
У мельницы, коляска скачетъ,
Вотъ на мосту — къ намъ точно.... нѣтъ,
Поворотила въ лѣво. Вслѣдъ
Она глядитъ, и чуть не плачетъ.
Но вдругъ.... о радость! косогоръ —
Коляска на бокъ. «Филька! Васька!
Кто тамъ? скорѣй! Вонъ тамъ коляска:
Сейчасъ везти ее на дворъ,
И барина просить обѣдать;
Да живъ ли онъ?... бѣги провѣдать,
Скорѣй, скорѣй!»

Слуга бѣжитъ.

Наталья Павловна спѣшитъ
Взбить пышный локонъ, шаль накинуть,
Задрнуть завѣсъ, стулъ подвинуть,
И ждать : да скоро ль, мой Творецъ!
Вотъ ѣдутъ, ѣдутъ наконецъ.
Забрызганный въ дорогъ дальной,

Опасно раненый, печальной
Кой-какъ тащится экипажъ ;
Вслѣдъ баринъ молодой хромаеть.
Слуга-Французъ не унываетъ.
И говоритъ : *allons, courage !*
Вотъ у крыльца ; вотъ въ сѣни входятъ.
Покаместъ барину теперь
Покой особенный отводятъ
И настежь отворяютъ дверь,
Пока *Picard* шумитъ, хлопочетъ,
И баринъ одѣваться хочетъ ,
Сказать ли вамъ, кто онъ таковъ ?
Графъ Нулинъ, изъ чужихъ краевъ,
Гдѣ промоталъ онъ въ вихрь моды
Свои грядущіе доходы.
Себя казать, какъ чудный звѣрь,
Въ Петрополь ѣдетъ онъ теперь
Съ запасомъ фраковъ и жилетовъ,
Шляпъ, вѣровъ, плащей, корсетовъ,
Булавокъ, запонокъ, лорнетовъ,
Цвѣтныхъ платковъ, чулковъ *à jour*,
Съ ужасной книжкою Гизота,
Съ тетрадью злыхъ карикатуръ,
Съ романомъ новымъ Вальтеръ-Скотта,
Съ *bons-mots* Парижскаго двора,
Съ послѣдней пѣсней Беранжера,
Съ мотивами Россини, Пера,
Et cetera, et cetera.

Ужъ столъ накрытъ ; давно пора ;
Хозяйка ждетъ нетерпѣливо.
Дверь отворилась, входитъ графъ.

Наталья Павловна, привставъ,
Освѣдомляется учтиво,
Каковъ онъ? что нога его?
Графъ отвѣчаетъ : Ничего !
Идутъ за столъ ; вотъ онъ садится,
Къ ней подвигаетъ свой приборъ,
И начинаетъ разговоръ :
Святую Русь бранить , дивится,
Какъ можно жить въ ея снѣгахъ!
Жалбеть о Парижѣ страхъ.
«А что театръ?» — О, сиротбеть!
C'est bien mauvais, ça fait pitié.
Тальма совсѣмъ оглохъ, слаббеть,
И мамзель Марсъ, увы! старбеть.
За то Потье, *le grand Potier!*
Онъ славу прежнюю въ народѣ
Донинѣ поддержалъ одинъ —
«Какой писатель нынче въ модѣ?»
— Все *d'Argincourt* и Ламартинъ. —
«У насъ имъ такжѣ подражаютъ.»
— Нѣтъ, право? Такъ у насъ умы
Ужъ развиваться начинаютъ.
Дай Богъ, чтобъ просвѣтились мы! —
«Какъ тальи носять?» — Очень низко,
Почти до.... вотъ по этихъ поръ.
Позвольте видѣть вашъ уборъ :
Такъ.... рюши, банты, здѣсь узоръ,
Все это къ модѣ очень близко. —
«Мы получаемъ Телеграфъ.»
— Ага! — Хотите ли послушать
Прелестный водевиль? — И графъ
Поетъ. «Да, графъ, извольте жъ кушать.»

— Я сытъ и такъ. —

Изъ-за стола

Встають. Хозяйка молодая
 Черезвычайно весела ;
 Графъ, о Парижѣ забывая,
 Дивится, какъ она мила !
 Проходитъ вечеръ непримѣтно ;
 Графъ самъ не свой ; хозяйки взоръ
 То выражается привѣтно,
 То вдругъ потупленъ безотвѣтно.
 Глядишь — и полночь вдругъ на дворъ.
 Давно храпитъ слуга въ передней,
 Давно поетъ пѣтухъ сосѣдній,
 Въ чугууну доску сторожъ бьетъ ;
 Въ гостиной свѣчки догорѣли.
 Наталья Павловна встаетъ.
 «Пора, прощайте ! ждуть постели.
 Пріятный сонъ !»... Съ досадою вставъ,
 Полувлюбленный, нѣжный графъ
 Цѣлуетъ руку ей. И что же ?
 Куда кокетство не ведетъ ?
 Проказница — прости ей, Боже,
 Тихонько графу руку жметъ !

Наталья Павловна раздѣта ;
 Стоитъ Параша передъ ней.
 Друзья мои ! Параша эта
 Наперсница ея затѣй :
 Шьетъ, моетъ, вѣсти переноситъ,
 Изношенныхъ капотовъ проситъ,
 Порою барина смѣшитъ,
 Порой на барина кричитъ,

И лжетъ предъ барыней отважно.
Теперь она толкуетъ важно
О графѣ, о дѣлахъ его,
Не пропускаетъ ничего —
Богъ вѣсть, развѣдать какъ успѣла.
Но госпожа ей наконецъ
Сказала : полно, надоѣла !
Спросила кофту и чепецъ,
Легла и выйти вонъ велѣла.

Своимъ Французомъ между тѣмъ
И графъ раздѣтъ уже совсѣмъ ;
Ложится онъ, сигару просить.
Monsieur Picard ему приноситъ
Графинъ, серебряный стаканъ,
Сигару, бронзовый свѣтильникъ,
Щипцы съ пружиною, будильникъ,
И неразрѣзанный романъ.

Въ постелѣ лежа, Вальтеръ-Скотта
Глазами пробѣгаетъ онъ.
Но графъ душевно развлеченъ :
Неугомонная забота
Его тревожитъ ; мыслить онъ :
Неужто вправду я влюбленъ ?
Что, если можно ?... Вотъ забавно ;
Однако жъ это было бѣ славно !
Я, кажется, хозяйкѣ милъ —
И Нулинъ свѣчку погасилъ.

Несносный жаръ его объемлетъ,
Не спится графу — бѣсъ не дремлетъ,

И дразнить грѣшную мечтой
Въ немъ чувства. Пылкій нашъ герой
Воображаетъ очень живо
Хозяйки взоръ краснорѣчивой,
Довольно круглый, полный станъ,
Пріятный голосъ, прямо женскій,
Лица румянецъ деревенскій —
Здоровье краше всѣхъ румянь.
Онъ помнитъ кончикъ ножки нѣжной,
Онъ помнитъ, точно, точно такъ —
Она ему рукой небрежной
Пожала руку. Онъ дуракъ,
Онъ долженъ бы остаться съ нею,
Ловить минутную затѣю.
Но время не ушло. Теперь
Отворена, конечно, дверь —
И тотчасъ на плеча накинувъ
Свой пестрый шелковый халатъ,
И стулъ въ потемкахъ опрокинувъ,
Въ надеждѣ сладостныхъ наградъ,
Къ Лукреціи Тарквиніи новый
Отправился, на все готовый.

Такъ иногда лукавый котъ,
Жеманный баловень служанки,
За мышью крадется съ лежанки,
Украдкой медленно идетъ,
Полузажмурясь подступаетъ,
Свернется въ комъ, хвостомъ играетъ,
Разинетъ когти хитрыхъ лапъ,
И вдругъ бѣдняжку цапъ-царапъ:

Влюбленный графъ въ потемкахъ бродитъ,
Дорогу ощупью находитъ;
Желаньемъ пламеннымъ томимъ,
Едва дыханье переводитъ;
Трепещетъ, если полъ подъ нимъ
Вдругъ заскрипитъ. Вотъ онъ подходитъ
Къ завѣтной двери, и слегка
Жметъ ручку мѣдную замка.
Дверь тихо, тихо уступаетъ,
Онъ смотритъ : лампа чуть горитъ.
И блѣдно спальню освѣщаетъ;
Хозяйка мирно почиваетъ,
Иль притворяется, что спитъ.

Онъ входитъ, ищетъ, отступаетъ —
И вдругъ упалъ къ ея ногамъ.
Она.... Теперь, съ ихъ позволенья,
Прошу я Петербургскихъ дамъ
Представить ужасъ пробужденья
Натальи Павловны моей
И разрѣшить, что дѣлать ей.

Она, открывъ глаза большіе,
Глядитъ на графа. Нашъ герой
Ей сыплетъ чувства выписныя,
И дерзновенною рукой
Уже руки ея коснулся....
Но тутъ опомнилась она :
Гнѣвъ благородный въ ней проснулся,
И честной гордости полна,
А впрочемъ, можетъ быть, и страха,
Она Тарквинію съ размаха

Даетъ пощечину, да, да,
Пощечину, да вѣдь какую!

Сгорѣлъ графъ Нулинъ отъ стыда,
Обиду проглотивъ такую.
Не знаю, чѣмъ бы кончилъ онъ,
Досадой страшною пылая,
Но шпигъ косматый, вдругъ замая,
Прервалъ Парашаи крѣпкій сонъ.
Услышавъ графъ ея походку,
И проклиная свой ночлегъ,
И своенравную красотку,
Въ постыдный обратился бѣгъ.

Какъ онъ, хозяйка и Параша
Проводятъ остальную ночь,
Воображайте, воля ваша,
Я не намѣренъ вамъ помочь.

Возставъ поутру молчаливо,
Графъ одѣвается лѣниво;
Отдѣлкой розовыхъ ногтей
Зѣвая занялся небрежно,
И галстухъ вяжетъ неприлѣжно,
И мокрой щеткою своей
Не гладитъ стриженныхъ кудрей.
О чемъ онъ думаетъ, не знаю.
Но вотъ его позвали къ чаю.
Что дѣлать? Графъ, преодолевъ
Неловкій стыдъ и тайный гнѣвъ,
Идетъ.

Проказница младя,
Насмѣшливый потупя взоръ,
И губки алыя кусая,
Заводить скромно разговоръ
О томъ, о семъ. Сперва смущенный,
Но постепенно ободренный,
Съ улыбкой отвѣчаетъ онъ.
Получаса не проходило,
Ужъ онъ и шутить очень мило,
И чуть ли снова не влюбленъ!
Вдругъ шумъ въ передней. Входятъ. Кто же?
«Наташа, здравствуй!»

— Ахъ, мой Боже!

Графъ, вотъ мой мужъ. Душа моя,
Графъ Нулинъ. —

«Радъ сердечно я.

Какая скверная погода!
У кузницы я видѣлъ вашъ
Совсѣмъ готовый экипажъ.
Наташа! тамъ, у огорода
Мы затравили русака.
Эй, водки! Графъ, прошу отвѣдать:
Прислали намъ издалека.
Вы съ нами будете обѣдать?»
— Не знаю, право, я спѣшу. —
«И, полно, графъ, я васъ прошу.
Жена и я, гостямъ мы рады.
Нѣтъ, графъ, останьтесь!»

Но съ досады

И всѣ надежды потерявъ,
Упрямится печальный графъ.
Ужъ подкрѣпивъ себя стаканомъ,

Пикарь кряхтитъ за чемоданомъ.
Уже къ коляскѣ двое слугъ
Несутъ привинчивать сундукъ.
Къ крыльцу подвезена коляска,
Пикарь все скоро уложилъ,
И графъ уѣхалъ.... Тѣмъ и сказка
Могла бы кончиться, друзья;
Но слова два прибавлю я.

Когда коляска ускакала,
Жена все мужу рассказала,
И подвигъ графа моего
Всею сосѣдству описала.
Но кто же болѣе всего
Съ Натальей Павловной смѣялся?
Не угадать вамъ. — Почему жъ?
Мужъ? — Какъ не такъ! Совсѣмъ не мужъ.
Онъ очень этимъ оскорблялся,
Онъ говорилъ, что графъ дуракъ,
Молокососъ; что если такъ,
То графа онъ визжать заставитъ,
Что псами онъ его затравитъ.
Смѣялся Лидинъ, ихъ сосѣдъ,
Помѣщикъ двадцати трехъ лѣтъ.

Теперь мы можемъ справедливо
Сказать, что въ наши времена
Супругу вѣрная жена,
Друзья мои, совсѣмъ не диво.

VII.

ПОЛТАВА.

(1828.)

ПОСВЯЩЕНІЕ.

*Тебѣ — но голосъ Музы темной
Коснется ль уха твоего?
Поймешь ли ты душою скромной
Стремленье сердца моего?
Иль посвященіе поэта,
Какъ нѣкогда его любовь,
Передъ тобою безъ отвѣта
Пройдетъ, непризнанное вновь?*

*Узнай, по крайней мѣрѣ, звуки,
Бывало, милые тебѣ —
И думай, что во дни разлуки,
Въ моей измѣнчивой судьбѣ,*

*Твоя печальная пустыня,
Последній звук твоихъ рычей —
Одно сокровище, святыня,
Одна любовь души моей.*

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

Богатъ и славенъ Кочубей ¹.
Его луга необозримы,
Тамъ табуны его коней
Пасутся вольны, нехранимы.
Кругомъ Полтавы хутора ²
Окружены его садами,
И много у него добра,
Мѣховъ, атласа, серебра
И на виду и подъ замками.
Но Кочубей богатъ и гордъ
Не долгогривыми конями,
Не златомъ, данью Крымскихъ ордъ,
Не родовыми хуторами —
Прекрасной дочерью своей
Гордится старый Кочубей ³.

¹ Василий Леонтьевичъ Кочубей, Генеральный Судія, одинъ изъ предковъ Графовъ Кочубеевъ, нынѣшнихъ Князей.

² *Хуторъ* — загородный домъ.

³ У Кочубея было нѣсколько дочерей: одна изъ нихъ была замужемъ за Обидовскимъ, племянникомъ Мазепы. Та, о которой здѣсь упоминается, называлась Матреной.

И то сказать : въ Полтавѣ нѣтъ
 Красавицы, Маріи равной.
 Она свѣжа, какъ вешній цвѣтъ,
 Взлелѣанный въ тѣни дубравной.
 Какъ тополь Кіевскихъ высотъ
 Она стройна. Ея движенья
 То лебеда пустынныхъ водъ
 Напоминаютъ плавный ходъ,
 То лани быстрыя стремленья.
 Какъ пѣна, грудь ея бѣла ;
 Вокругъ высокаго чела,
 Какъ тучи, локоны чернѣютъ ;
 Звѣздой блестятъ ея глаза ;
 Ея уста, какъ роза, рдѣютъ.
 Но не единая краса
 (Мгновенный цвѣтъ!) молвою шумной
 Въ молодой Маріи почтена :
 Вездѣ прославилась она
 Дѣвицей скромной и разумной.
 За то завидныхъ жениховъ
 Ей шлетъ Украина и Россія ;
 Но отъ вѣнца, какъ отъ оковъ,
 Бѣжитъ пугливая Марія.
 Всѣмъ женихамъ отказъ — и вотъ
 За ней самъ Гетманъ сватовъ шлетъ ⁴....

Онъ старъ. Онъ удрученъ годами,
 Войной, заботами, трудами ;
 Но чувства въ немъ кипятъ, и вновь
 Мазепа вѣдаетъ любовь.

⁴ Мазепа, въ самомъ дѣлѣ, сваталъ свою крестницу, но ему отказали.

Мгновенно сердце молодое
 Горитъ и гаснетъ. Въ немъ любовь
 Проходитъ и приходитъ вновь.
 Въ немъ чувство каждый день иное :
 Не столь послушно, не слегка,
 Не столь мгновенными страстями
 Пылаетъ сердце старика,
 Окаменѣлое годами —
 Упорно, медленно оно
 Въ огнѣ страстей раскалено ;
 Но позднѣй жаръ ужъ не остынетъ
 И съ жизнью лишь его покинетъ.

Не серна подъ утесъ уходитъ,
 Орла слыща тяжкѣй летъ ;
 Одна въ сѣняхъ невѣста бродитъ,
 Трепещетъ и рѣшенья ждетъ.

И вся полна негодованьемъ
 Къ ней мать идетъ, и съ содроганьемъ
 Схвативъ ей руку, говоритъ :
 «Безстыдный! старецъ нечестивый!
 Возможно ль?... Нѣтъ, пока мы живы,
 Нѣтъ! онъ грѣха не совершитъ.
 Онъ, должный быть отцемъ и другомъ
 Невинной крестницы своей....
 Безумецъ, на закатѣ дней,
 Онъ вздумалъ быть ея супругомъ!»
 Марія вздрогнула. Лицо
 Покрыла блѣдность гробовая,
 И охладѣвъ, какъ неживая,
 Упала дѣва на крыльцо.

Она опомнилась, но снова
 Закрыла очи — и ни слова
 Не говоритъ. Отецъ и мать
 Ей сердце ищутъ успокоить,
 Боязнь и горе разогнать,
 Тревогу смутныхъ думъ устроить....
 Напрасно. Цѣлые два дня,
 То молча плача, то стеля,
 Марія ни пила, ни ѣла,
 Шатаясь, блѣдная какъ тѣнь,
 Не зная сна. На третій день
 Ея свѣтлица опустѣла!

Никто не зналъ, когда и какъ
 Она сокрылась. Лишь рыбакъ
 Той ночью слышалъ конскій топотъ,
 Казачью рѣчь и женскій шопотъ,
 И утромъ слѣдъ осьми подковъ
 Былъ видѣнъ на росѣ луговъ.

— Не только первый пухъ ланить,
 Да русы кудри молодые,
 Порой и старца строгій видъ,
 Рубцы чела, власы сѣдые,
 Въ воображенъе красоты
 Влагають страстныя мечты.

И вскорѣ слуха Кочубея
 Коснулась роковая вѣсть :
 Она забыла стыдъ и честь,
 Она въ объятіяхъ злодѣя!
 Какой позоръ ! Отецъ и мать

Молву не смѣютъ понимать.
 Тогда лишь истина явилась
 Съ своею ужасной наготой,
 Тогда лишь только объяснилась
 Душа преступницы молодой;
 Тогда лишь только стало явно,
 Зачѣмъ бѣжала своенравно
 Она семейственныхъ оковъ,
 Томила тайно, воздыхала,
 И на привѣты жениховъ
 Молчаньемъ гордымъ отвѣчала;
 Зачѣмъ такъ тихо за столомъ
 Она лишь Гетману внимала,
 Когда бесѣда ликовала,
 И чаша пѣнилась виномъ;⁵
 Зачѣмъ она всегда пѣвала
 Тѣ пѣсни, кои онъ слагалъ⁵,
 Когда онъ бѣденъ былъ и малъ,
 Когда молва его не знала;
 Зачѣмъ съ неженскою душой
 Она любила конный строй,
 И бранный звонъ литавръ и клики
 Предъ бунчукомъ и булавою
 Малороссійскаго владыки⁶....

⁵ Преданіе приписываетъ Мазепѣ нѣсколько пѣсень, донинѣ сохранившихся въ памяти народной. Кочубей въ своемъ доносѣ также упоминаетъ о патріотической думѣ, будто бы сочиненной Мазепою. Она замѣчательна не въ одномъ историческомъ отношеніи.

⁶ Бунчукъ и булава — знаки Гетманскаго достоинства.

Богатъ и знатенъ Кочубей.
 Довольно у него друзей :
 Свою омыть онъ можетъ славу.
 Онъ можетъ возмутить Полтаву ;
 Внезапно средь его дворца
 Онъ можетъ мщеніемъ отца
 Постигнуть гордаго злодѣя ;
 Онъ можетъ вѣрною рукой
 Вонзить.... Но замысль иной
 Волнуеть сердце Кочубей.

// Была та смутная пора,
 Когда Россія молодая,
 Въ бореньяхъ силы напрягая,
 Мужала съ геніемъ Петра.
 Суровый былъ въ наукѣ славы
 Ей данъ учитель : не одинъ
 Урокъ неожиданный и кровавый
 / Задалъ ей Шведскій паладинъ.
 Но въ искушеньяхъ долгой кары,
 Перетерпѣвъ судебъ удары,
 Окрѣпла Русь. Такъ тяжкій млатъ,
 Дробя стекло, куеть булатъ.

Вѣнчанный славой бесполезной,
 / Отважный Карлъ скользилъ надъ бездной.
 Онъ шель на древнюю Москву,
 Взметая Русскія дружины,
 Какъ вихорь гонитъ прахъ долины
 / И клонитъ пыльную траву.
 Онъ шель путемъ, гдѣ слѣдъ оставилъ
 Въ дни наши новый, сильный врагъ,

Когда паденіемъ ославилъ
Мужъ рока свой попятный шагъ ⁷.

Украина глухо волновалась.
Давно въ ней искра разгоралась.
Друзья кровавой старины
Народной чаяли войны,
Роптали, требуя кичливо,
Чтобъ Гетманъ узы ихъ расторгъ,
И Карла ждалъ нетерпѣливо
Ихъ легкомысленный восторгъ.
Вокругъ Мазепы раздавался
Мятежный крикъ : пора, пора !
Но старый Гетманъ оставался
Послушнымъ подданнымъ Петра..
Храня суровость обычайну,
Спокойно вѣдалъ онъ Украину,
Молвъ, казалось, не внималъ,
И равнодушно пировалъ.

«Что жъ, Гетманъ ? юноши твердили :
Онъ изнемогъ, онъ слишкомъ старъ ;
Труды и годы угасили
Въ немъ прежній, дѣятельный жаръ.
Зачѣмъ дрожащею рукою
Еще онъ носитъ булаву ?
Теперь бы грянуть намъ войною
На ненавистную Москву !
Когда бы старый Дорошенко ⁸,

⁷ Смотр. *Мазепу* Байрона.

⁸ Дорошенко, одинъ изъ героевъ древней Малороссіи, непримиримый врагъ Русскаго владычества.

Иль Самойловичъ молодой ⁹,
 Иль нашъ Палѣй ¹⁰, иль Гордѣнко ¹¹
 Владѣли силой войсковою,
 Тогда бѣ въ снѣгахъ чужбины дальной
 Не погибали казаки,
 И Малороссіи печальной
 Освобождались ужъ полки ¹².»

Такъ, своеволиемъ пылая, ✕
 Роптала юность удамая,
 Опасныхъ алча перемѣнъ,
 Забывъ отчизны давній плѣнъ,
 Богдана счастливые споры,
 Святыя брани, договоры,
 И славу дѣдовскихъ временъ.
 Но старость ходитъ осторожно
 И подозрительно глядитъ :
 Чего нельзя и что возможно,
 Еще не вдругъ она рѣшитъ.
 Кто снидетъ въ глубину морскую,
 Покрытую недвижно льдомъ ?
 Кто испытующимъ умомъ

⁹ Григорій Самойловичъ, сынъ Гетмана, сосланнаго въ Сибирь въ началѣ царствованія Петра I.

¹⁰ Симеонъ Палѣй, Хвостовскій полковникъ, славный наѣздникъ. За своевольные набѣги сосланъ былъ въ Енисейскъ, по жалобамъ Мазепы. Когда сей послѣдній оказался измѣнникомъ, то и Палѣй, какъ закоренѣлый врагъ его, былъ возвращенъ изъ ссылки и находился въ Полтавскомъ сраженіи.

¹¹ Костя Гордѣнко, Кошевой Атаманъ Запорожскихъ Казаковъ. Въ послѣдствіи передался Карлу XII. Взятъ въ плѣнъ и казненъ въ 1708 г.

¹² 20,000 казаковъ было послано въ Лифляндію.

Проникнетъ бездну роковую
 Души коварной? Думы въ ней —
 Плоды подавленныхъ страстей,
 Лежатъ погружены глубоко,
 И замысль давнишнихъ дней,
 Быть можетъ, зрѣтъ одиноко.
 Какъ знать? Но чѣмъ Мазепа злѣй,
 Чѣмъ сердце въ немъ хитрѣй и ложнѣй,
 Тѣмъ съ виду онъ неосторожнѣй
 И въ обхожденіи простѣй.
 Какъ онъ умѣетъ самовластно
 Сердца привлечь и разгадать.
 Умами править безопасно,
 Чужія тайны разрѣшать!
 Съ какой довѣрчивостью живой
 Какъ добродушно на пирахъ,
 Со старцами старикъ болтливой,
 Жалѣетъ онъ о прошлыхъ дняхъ,
 Свободу славить съ своевольнымъ,
 Поносить власти съ недовольнымъ,
 Съ ожесточеннымъ слезы льетъ,
 Съ глупцомъ разумну рѣчь ведетъ!
 Немногимъ, можетъ быть, извѣстно,
 Что духъ его неукротимъ,
 Что радъ и честно и безчестно
 Вредить онъ недругамъ своимъ;
 Что ни единой онъ обиды
 Съ тѣхъ поръ какъ живъ, не забываль,
 Что далеко преступны виды
 Старикъ надменный простираль;
 Что онъ не вѣдаетъ святыни,
 Что онъ не помнитъ благостыни,

Что онъ не любитъ ничего,
 Что кровь готовъ онъ лить какъ воду,
 Что презираетъ онъ свободу,
 Что нѣтъ отчизны для него!

Издавна умыселъ ужасный
 Взмелѣялъ тайно злой старикъ
 Въ душѣ своей. Но взоръ опасный,
 Враждебный взоръ его проникъ.

«Нѣтъ, дерзкій хищникъ, нѣтъ, губитель!
 Скрежеща мыслить Кочубей:
 Я пощажу твою обитель,
 Темницу дочери моей;
 Ты не истлѣешь средь пожара,
 Ты не издохнешь отъ удара
 Казачей сабли. Нѣтъ, злодѣй,
 Въ рукахъ Московскихъ палачей,
 Въ крови, при тщетныхъ отрицаньяхъ,
 На дыбѣ, корчась въ истязаньяхъ,
 Ты проклянешь и день, и часъ,
 Когда ты дочь крестилъ у насъ,
 И пиръ, на коемъ чести чашу
 Тебѣ я полну наливалъ,
 И ночь, когда голубку нашу
 Ты, старый коршунъ, заклевалъ!...»

Такъ! было время, съ Кочубеемъ
 Былъ другъ Мазепа; въ оны дни,
 Какъ солью, хлѣбомъ и елеемъ,
 Дѣлились чувствами они.
 Ихъ кони по полямъ побѣды

Скакали рядомъ сквозь огни ;
Нерѣдко долгія бесѣды
Наединѣ вели они.
Предъ Кочубеемъ Гетманъ скрытной
Души мятежной, ненасытной
Отчасти бездну открывалъ,
И о грядущихъ измѣненьяхъ,
Переговорахъ, возмущеньяхъ
Въ рѣчахъ неясныхъ намекалъ.
Такъ, бьмо сердце Кочубея
Въ то время предано ему.
Но въ горькой злобѣ свирѣпѣя,
Теперь позыву одному
Оно послушно, онъ голубить
Едину мысль и день и ночь :
Иль самъ погибнетъ, иль погубитъ —
Отмститъ поруганную дочь.

Но предприимчивую злобу
Онъ крѣпко въ сердце затаилъ.
Въ безсиьной горести, ко гробу
Теперь онъ мысли устремилъ.
Онъ зла Мазепѣ не желаетъ ;
Всеу виновна дочь одна.
Но онъ и дочери прощаетъ :
Пусть Богу дастъ отвѣтъ она,
Покрывъ семью свою позоромъ,
Забывъ и небо, и законъ....

А между тѣмъ орлинымъ взоромъ
Въ кругу домашнемъ ищетъ онъ
Себѣ товарищей отважныхъ,

Неколебимыхъ, непродажныхъ.
 Во всемъ открылся онъ женѣ ¹³ :
 Давно въ глубокой тишинѣ
 Уже доносъ онъ грозный копить.
 И гнѣва женскаго полна,
 Нетерпѣливая жена
 Супруга злобнаго торопитъ.
 Въ тиши ночной, на ложѣ сна,
 Какъ нѣкій духъ, ему она
 О мщеньи шепчетъ, укоряетъ,
 И слезы льетъ, и ободряетъ,
 И клятвы требуетъ — и ей
 Клянется мрачный Кочубей.

Ударъ обдуманъ. Съ Кочубеемъ
 Безстрашный Искра ¹⁴ за-одно.
 И оба мыслятъ : «одолѣемъ —
 Врага паденье рѣшено.
 Но кто жъ, усердьемъ пламенѣя,
 Ревнуя къ общему добру,
 Доносъ на мощнаго злодѣя,
 Предубѣжденному Петру
 Къ ногамъ положить не робѣя?»

Между Полтавскихъ казаковъ,
 Презрѣнныхъ дѣвою несчастной,
 Одинъ съ младенческихъ годовъ
 Ее любилъ любовью страстной.

¹³ Мазепа въ одномъ письмѣ упрекаетъ Кочубея въ томъ, что имъ управляетъ жена его, *гордая и високоумная*.

¹⁴ Искра, Полтавскій Полковникъ, товарищъ Кочубея, раздѣлившій съ нимъ его умыселъ и участь.

Вечерней, утренней порой,
На берегу рѣки родной,
Въ тѣни Украинскихъ черешень,
Бывало, онъ Марию ждалъ,
И ожиданіемъ страдалъ,
И краткой встрѣчей былъ утѣшенъ.
Онъ безъ надеждъ ее любилъ,
Не докучалъ онъ ей мольбою,
Отказа бъ онъ не пережилъ.
Когда наѣхали толпою
Къ ней женихи, изъ ихъ рядовъ
Унылъ и сирь онъ удалился.
Когда же вдругъ межъ казаковъ
Позоръ Марининъ огласился,
И безпощадная молва
Ее со смѣхомъ поразила —
И тутъ Марія сохранила
Надъ нимъ привычныя права.
Но если кто хотя случайно
Предъ нимъ Мазепу называлъ,
То онъ блѣднѣлъ, терзаясь тайно,
И взоры въ землю опускалъ.

Кто при звѣздахъ и при лунѣ
Такъ поздно ѣдетъ на конѣ?
Чей это конь неутомимой
Бѣжитъ въ степи необозримой?

Казакъ на сѣверъ держитъ путь,
Казакъ не хочетъ отдохнуть
Ни въ чистомъ полѣ, ни въ дубравѣ,
Ни при опасной переправѣ.

Какъ стекло булатъ его блестить,
 Мѣшокъ за пазухой звенить ;
 Не спотыкаясь конь ретивой
 Бѣжить, размахивая гривой.

Червонцы нужны для гонца,
 Булатъ — потѣха молодца,
 Ретивый конь — потѣха тоже ;
 Но шапка для него дороже.

За шапку онъ оставить радъ
 Коня, червонцы и булатъ ;
 Но выдастъ шапку только съ бою
 И то лишь съ буйной головою.

Зачѣмъ онъ шапкой дорожить ?
 Затѣмъ, что въ ней доносъ зашить,
 Доносъ на Гетмана злодѣя
 Царю Петру отъ Кочубея.

Грозы не чуя между тѣмъ,
 Неужасаемый ничѣмъ,
 Мазепа козни продолжаетъ,
 Съ нимъ полномощный Езуитъ ¹⁵
 Мятежъ народный учреждаетъ
 И шаткій тронъ ему сулитъ.
 Во тмѣ ночной они какъ воры
 Ведутъ свои пореговоры ;

¹⁵ Езуитъ Зеленскій, Княгиня Дульская и какой-то Болгарскій Архіепископъ, изгнанный изъ своего отечества, были главными агентами Мазепиной измѣны. Послѣдній въ видѣ нищаго ходилъ изъ Польши въ Украину и обратно.

Измѣну цѣнять межъ собой,
Слагаютъ цифръ Универсаловъ ¹⁶,
Торгуютъ Царской головой,
Торгуютъ клятвами вассаловъ.
Какой-то нищій во дворець
Невѣдомо отколѣ ходитъ,
И Орликъ ¹⁷, Гетмановъ дѣмецъ
Его приводитъ и выводитъ.
Повсюду тайно сѣютъ ядъ
Его подосланные слуги :
Тамъ, на Дону, казачьи круги
Они съ Булавинымъ ¹⁸ мутятъ,
Тамъ будятъ дикихъ ордь отвагу ;
Тамъ, за порогами Днѣпра,
Стращаютъ буйную ватагу
Самодержавіемъ Петра.
Мазепа всюду взоръ кидаетъ,
И письма шлетъ изъ края въ край,
Угрозой хитрой подымаетъ
Онъ на Москву Бахчисарай.
Король ему въ Варшавѣ внемлетъ,
Въ стѣнахъ Очакова Паша,
Во станѣ Карлъ и Царь. Не дремлетъ
Его коварная душа ;

¹⁶ Такъ назывались маничесты Гетмановъ.

¹⁷ Филиппъ Орликъ, Генеральный Писарь, наперсникъ Мазепы, послѣ смерти (въ 1710) сего послѣдняго, получилъ отъ Карла XII пустой титулъ Малороссійскаго Гетмана. Въ послѣдствіи принялъ Магометанскую Вѣру, и умеръ въ Бендерахъ около 1726 года.

¹⁸ Булавинъ, Донской казакъ, бунтовавшій около того времени.

Онъ, думой думу развивая,
 Вѣрнѣй готовить свой ударъ ;
 Въ немъ не слабѣетъ воля злая,
 Неутомимъ преступный жаръ.

Но какъ онъ вздрогнулъ, какъ воспрянулъ,
 Когда предъ нимъ незапно грянулъ
 Упадшій громъ ! когда ему,
 Врагу Россіи, самому
 Вельможи Русскіе ¹⁹ послали
 Въ Полтавѣ писанный доносъ,
 И вмѣсто праведныхъ угрозъ,
 Какъ жертвѣ, ласки расточали !
 И озабоченный войной,
 Гнушаясь мнимой клеветой,
 Доносъ оставя безъ вниманья,
 Самъ Царь Іуду утѣшалъ,
 И злобу шумомъ наказанья
 Смирить на долго обѣщалъ !

Мазепа, въ горести притворной,
 Къ Царю возноситъ гласъ покорной :
 «И знаетъ Богъ, и видитъ свѣтъ :
 Онъ, бѣдный Гетманъ, двадцать лѣтъ
 Царю служилъ душою вѣрной ;
 Его щедротою безмѣрной
 Осыпанъ, дивно вознесенъ....
 О, какъ слѣпа, безумна злоба !
 Ему ль теперь у двери гроба

¹⁹ Тайный Секретарь Шафировъ и Гр. Головкинъ, друзья и покровители Мазепы: на нихъ по справедливости долженъ лежать ужасъ суда и казни доносителей.

Начать ученіе измѣнъ
И потемнять благою славу?
Не онъ ли помощь Станиславу ²⁰
Съ негодованьемъ отказалъ,
Стыдясь, отвергъ вѣнецъ Украйны,
И договоръ, и письма тайны
Къ Царю, по долгу, отослалъ?
Не онъ ли наущеньямъ Хана ²¹
И Цареградскаго Султана
Былъ глухъ? Усердіемъ горя,
Съ врагами бѣлаго Царя
Умомъ и саблей радъ былъ спорить,
Трудовъ и жизни не жалѣлъ, —
И нынѣ злобный недругъ смѣлъ
Его сѣдины опозорить!
И кто же? Искра, Кочубей!
Такъ долго бывъ его друзьями!...»
И съ кровожадными слезами,
Въ холодной дерзости своей,
Ихъ казни требуетъ злодѣй ²²....

Чьей казни?... Старецъ непреклонный!
Чья дочь въ объятіяхъ его?
Но хладно сердца своего

²⁰ Въ 1705 году. Смотр. примѣчанія къ Исторіи Малороссіи, Б.-Каменскаго.

²¹ Во время неудачнаго похода въ Крымъ, Казы-Гирей предлагалъ ему соединиться съ нимъ и вмѣстѣ напасть на Русское войско.

²² Въ своихъ письмахъ онъ жаловался, что доносителей пытали слишкомъ легко, неотступно требовалъ ихъ казни, сравнивая себя съ Сусанною, неповинно оклеветанною незаконными старцами, а Графа Головкина съ Пророкомъ Даніиломъ.

Онъ заглушаетъ ропотъ сонный.
Онъ говоритъ : «Въ неравный споръ
Зачѣмъ вступаетъ сей безумецъ?
Онъ самъ, надменный водьнодумецъ,
Самъ точить на себя топоръ.
Куда бѣжитъ, зажавши вѣжды?
На чемъ онъ основалъ надежды?
Или... но дочери любовь
Главы отцовской не искупить,
Любовникъ Гетману уступить,
Не то — моя прольется кровь.»

Марія, бѣдная Марія,
Краса Черкаскихъ дочерей,
Не знаешь ты, какого змія
Ласкаешь на груди своей!
Какой же властью непонятной
Къ душѣ свирѣпой и развратной
Такъ сильно ты привлечена?
Кому ты въ жертву отдана?
Его кудрявья сѣдины,
Его глубокія морщины,
Его блестящій, впалый взоръ,
Его лукавый разговоръ
Тебѣ всего, всего дороже —
Ты мать забыть для нихъ могла,
Соблазномъ посланное ложе
Ты отчей сѣни предпочла!
Своими чудными очами
Тебя старикъ заморозилъ,
Своими тихими рѣчами
Въ тебѣ онъ совѣсть усыпилъ;

Ты на него съ благоговѣньемъ
Возводишь ослѣпленный взоръ,
Его лелѣешь съ умиленьемъ —
Тебѣ пріятенъ твой позоръ,
Ты имъ, въ безумномъ упоеньи,
Какъ цѣломудріемъ горда —
Ты прелесть нѣжную стыда
Въ своемъ утратила паденьи....

Что стыдъ Маріи? что молва?
Что для нея мірскія пѣни,
Когда склоняется въ колѣни
Къ ней старца гордая глава,
Когда съ ней Гетманъ забываетъ
Судьбы своей и трудъ, и шумъ,
Иль тайны смѣлыхъ, грозныхъ думъ
Ей, дѣвѣ робкой, открываетъ?
И дней невинныхъ ей не жаль,
И душу ей одна печаль
Порой, какъ туча, затмѣваетъ :
Она унымыхъ предъ собой
Отца и мать воображаетъ ;
Она, сквозь слезы, видитъ ихъ
Въ бездѣтной старости однихъ,
И мнится, пѣнямъ ихъ внимаетъ....
О, если бѣ вѣдала она,
Что ужъ узнала вся Украина!
Но отъ нея сохранена
Еще убійственная тайна.

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

Мазепа ^{глову} мраченъ. Умъ его

confound Смущенъ жестокими мечтами.

Марія нѣжными очами *stared eyes*
Глядитъ на старца своего.

embraces Она, обнявъ его колѣни,

Слова любви ему твердить — *repeats*

Напрасно, черныхъ помышлений *thoughts*

Ея любовь не удалить. *remove*

Предъ бѣдной дѣвой съ невниманьемъ *inattention*

Онъ хладно потушаетъ взоръ, *calmly glances*

И ей на ласковый укоръ *benign reproach*

Однимъ отвѣтствуетъ молчаньемъ.

Удивлена, оскорблена, *astonished & humbled*

breathless Едва дыша, встаетъ она

И говорить съ негодованьемъ :

«Послушай, Гетманъ, для тебя

Я позабыла все на свѣтѣ.

На вѣкъ однажды полюбя,

Одно имѣла я въ предметъ —

Твою любовь. Я для нее

Сгубила счастье мое.

Но ни о чемъ я не жалѣю —

Ты помнишь : въ страшной тишинѣ,

Въ ту ночь, какъ стала я твоею,

Меня любить ты клялся мнѣ,

Зачѣмъ же ты меня не любишь?

МАЗЕПА.

Мой другъ, несправедлива ты!
 Оставь безумныя мечты,
 Ты подозрѣньемъ сердце губишь.
 Нѣтъ, душу пылкую твою
 Волнуютъ, ослѣпляютъ страсти.
 Марія, вѣрь, тебя люблю
 Я больше славы, больше власти.

МАРІЯ.

Неправда, ты со мной хитришь.
 Давно ль мы были неразлучны!
 Теперь ты ласкъ моихъ бѣжишь,
 Теперь онѣ тебѣ докучны;
 Ты цѣлый день въ кругу старшинъ,
 Въ пирахъ, разъѣздахъ — я забыта;
 Ты долгой ночью иль одинъ,
 Иль съ нищимъ, иль у Езуита.
 Любовь смиренная моя
 Встрѣчаетъ хладную суровость.
 Ты пилъ недавно, знаю я,
 Здоровье Дульской. Это новость:
 Кто эта Дульская?

МАЗЕПА.

И ты

Ревнива? Мнѣ ль, въ мои ли лѣта
 Искать надменнаго привѣта
 Самолюбивой красоты?
 И стану ль я, старикъ суровый,
 Какъ праздный юноша, вздыхать,

Влacity позорныя оковы
И женъ притворствомъ искушать?

МАРІА.

Нѣтъ, объяснись, безъ отговорокъ,
И просто, прямо отвѣчай.

МАЗЕПА.

Покой души твоей мнѣ дорогъ,
Марія; такъ и быть, узнай.

Давно замыслили мы дѣло ;
Теперь оно кипить у насъ.
Благое время намъ приспѣло —
Борьбы великой близокъ часъ.
Безъ милой вольности и славы
Склоняли долго мы главы *на западъ*
Подъ покровительствомъ Варшавы,
Подъ самовластіемъ Москвы.
Но независимой державой
Украинѣ быть уже пора,
И знамя вольности кровавой
Я поднимаю на Петра.
Готово все : въ переговорахъ
Со мною оба короля;
И скоро въ смутахъ, въ бранныхъ спорахъ,
Быть можетъ, тронъ воздвигну я.
Друзей надежныхъ я имѣю :
Княгиня Дульская и съ ней
Мой Езуитъ, да ницій сей
Къ концу мой замыселъ приводятъ;
Черезъ руки ихъ ко мнѣ доходятъ

Наказы, письма королей.
Вотъ важныя тебѣ признанья.
Довольна ль ты? Твои мечтанья
Разсѣяны ль?

МАРІЯ.

О милый мой,
Ты будешь царь земли родной!
Твоимъ сѣдинамъ какъ пристанетъ
Корона царская!

МАЗЕПА.

Постой,
Не все свершилось. Буря грянетъ;
Кто можетъ знать, что ждетъ меня?

МАРІЯ.

Я близъ тебя не знаю страха —
Ты такъ могущъ! О, знаю я —
Тронъ ждетъ тебя.

МАЗЕПА.

А если плаха?...

МАРІЯ.

Съ тобой на плаху, если такъ.
Ахъ, пережить тебя могу ли?
Но нѣтъ, ты носишь власти знакъ.

МАЗЕПА.

Меня ты любишь?

МАРІЯ.

Я, люблю ли?

ПОЛТАВА.

МАЗЕПА.

Скажи: отецъ или супругъ
Тебѣ дороже?

МАРІЯ.

Милый другъ,
Къ чему вопросъ такой? тревожить
Меня напрасно онъ. Семейю
Стараюсь я забыть мою.
Я стала ей въ позоръ; быть можетъ,
(Какая страшная мечта!)
Моимъ отцемъ я проклята,
А за кого?

МАЗЕПА.

Такъ я дороже
Тебѣ отца? Молчишь....

МАРІЯ.

О Боже!

МАЗЕПА.

Что жъ, отвѣчай!

МАРІЯ.

Рѣши ты самъ.

МАЗЕПА.

Послушай: если было бъ намъ,
Ему иль мнѣ, погибнуть надо,
А ты бы намъ судьей была:
Кого бъ ты въ жертву принесла,
Кому бы ты была ограда?

МАРІЯ.

Ахъ, полно! Сердце не смущай!
Ты искуситель.

МАЗЕПА.

Отвѣчай!

МАРІЯ.

Ты блѣденъ; рѣчь твоя сурова....
О, не сердись! Всѣмъ, всѣмъ готова
Тебѣ я жертвовать, повѣрь;
Но страшны мнѣ слова такія.
Довольно.

МАЗЕПА.

Помни же, Марія,
Что ты сказала мнѣ теперь....

Тиха Украинская ночь.
Прозрачно небо. Звѣзды блещутъ.
Своей дремоты превозмочь
Не хочетъ воздухъ. Чуть трепещутъ
Сребристыхъ тополей листы.
Луна спокойно съ высоты
Надъ Бѣлой-Церковью сіяетъ,
И пышныхъ Гетмановъ сады
И старый замокъ озаряетъ.
И тихо, тихо все кругомъ;
Но въ замкѣ шепотъ и смятенье.
Въ одной изъ башень, подъ окномъ,
Въ глубокомъ, тяжкомъ размышленьѣ,
Окованъ, Кочубей сидитъ
И мрачно на небо глядитъ.

Заутра казнь. Но безъ боязни
Онъ мыслить объ ужасной казни;
О жизни не жалѣеть онъ.
Что смерть ему? желанный сонъ.
Готовъ онъ лечь во гробъ кровавый.
Дрема долить. Но, Боже правый!
Къ ногамъ злодѣя, молча, пасть
Какъ безсловесное созданье,
Царемъ быть отдану во власть
Врагу Царя на поруганье,
Утратить жизнь — и съ нею честь,
Друзей съ собой на плаху вестъ,
Надъ гробомъ слышать ихъ проклятья,
Ложась безвиннымъ подъ топоръ,
Врага веселый встрѣтить взоръ,
И смерти кинуться въ объятя,
Не завѣщая никому
Вражды къ злодѣю своему!...

И вспомнилъ онъ свою Полтаву,
Обычный кругъ семьи, друзей,
Минувшихъ дней богатство, славу,
И пѣсни дочери своей,
И старый домъ, гдѣ онъ родился,
Гдѣ зналъ и трудъ, и мирный сонъ,
И все, чѣмъ въ жизни наслаждался,
Что добровольно бросилъ онъ,
И для чего? —

Но ключъ въ заржавомъ
Замкѣ гремитъ — и пробужденъ
Несчастный, думаетъ : вотъ онъ!
Вотъ на пути моемъ кровавомъ

Мой вождь подъ знаменемъ Креста,
Грѣховъ могучій разрѣшитель,
Духовной скорби врачъ, служитель,
За насъ распятаго Христа,
Его святую кровь и тѣло
Принесшій мнѣ, да укрѣплюсь,
Да приступлю ко смерти смѣло
И жизни вѣчной приобщусь!

И съ сокрушеніемъ сердечнымъ
Готовъ несчастный Кочубей
Передъ Всесильнымъ, Безконечнымъ
Излить тоску мольбы своей.
Но не отшельника святаго,
Онъ гостя узнаетъ инаго —
Свирѣпый Орликъ передъ нимъ.
И отвращеніемъ томимъ,
Страдалецъ горько вопрошаетъ:
Ты здѣсь, жестокій человѣкъ?
Зачѣмъ послѣдній мой ночлеги
Еще Мазепа возмущаетъ?

Орликъ.

Допросъ не конченъ, отвѣчай.

Кочубей.

Я отвѣчалъ уже, ступай,
Оставь меня.

Орликъ.

Еще признанья
Панъ Гетманъ требуетъ.

КОЧУБЕЙ.

Но въ чемъ?

Давно сознался я во всемъ,
 Что вы хотѣли. Показанья
 Мои всѣ ложны. Я лукавъ,
 Я строю козни, Гетманъ правъ.
 Чего вамъ болѣе?

ОРЛИКЪ.

Мы знаемъ,
 Что ты несчетно былъ богатъ,
 Мы знаемъ, не единый кладъ
 Тобой въ Диканькѣ ²³ укрываемъ.
 Свершиться казнь твоя должна;
 Твое имѣнiе сполна
 Въ казну поступитъ войсковую —
 Таковъ законъ. Я указую
 Тебѣ послѣднiй долгъ: открой,
 Гдѣ клады, скрытые тобой?

КОЧУБЕЙ.

Такъ, не ошиблись вы, три клада
 Въ сей жизни были мнѣ отрада,
 И первый кладъ мой честь была —
 Кладъ этотъ пытка отняла;
 Другой былъ кладъ невозвратимый,
 Честь дочери моей любимой:
 Я день и ночь надъ нимъ дрожалъ....
 Мазепа этотъ кладъ укралъ!...

²³ Деревня Кочубей.

Но сохранилъ я кладъ послѣдній,
 Мой третій кладъ — святую мечь,
 Ее готовлюсь Богу снести.

Орликъ.

Старикъ, оставь пустыя бредни;
 Сегодня покидая свѣтъ,
 Питайся мыслию суровой.
 Шутить не время. Дай отвѣтъ,
 Когда не хочешь пытки новой:
 Гдѣ спряталъ деньги?

Кочубей.

Злой холопъ!

Окончишь ли допросъ нелѣпой,
 Повремени, дай лечь мнѣ въ гробъ,
 Тогда ступай себѣ съ Мазепой
 Мое наслѣдіе считать,
 Окровавленными перстами *дѣлаешь (преступленіе)*
 Мои подвалы разрывать,
 Рубить и жечь сады съ домами;
 Съ собой возьмите дочь мою,
 Она сама вамъ все расскажетъ,
 Сама всѣ клады вамъ укажетъ;
 Но ради Господа молю,
 Теперь оставь меня въ покоѣ.

Орликъ.

Гдѣ спряталъ деньги? укажи.
 Не хочешь? — Деньги гдѣ, скажи,
 Иль выйдетъ слѣдствіе плохое.
 Подумай, мѣсто намъ назначь.

Молчишь? — Ну, въ пытку. Гей, палачъ! ²⁴
 Палачъ вошелъ....

О, ночь мученій!

Но гдѣ же Гетманъ? гдѣ злодѣй?

Куда бѣжалъ отъ угрызеній

Змѣиной совѣсти своей?

Въ свѣтлицѣ дѣвы усыпленной,

Еще незнаніемъ блаженной,

Близъ ложа крестницы младой

Сидитъ, съ поникшею главой,

Мазепа тихій и угрюмый.

Въ его душѣ проходятъ думы,

Одна другой мрачнѣй, мрачнѣй.

« Умретъ безумный Кочубей,

Спасти нельзя его. Чѣмъ ближе

Цѣль Гетмана, тѣмъ тверже онъ

Быть долженъ властью облеченъ,

Тѣмъ передъ нимъ склоняться ниже

Должна вражда. Спасенья нѣтъ :

Донощикъ и его клеветъ

Умрутъ. » Но, брося взоръ на ложе,

Мазепа думаетъ : « о Боже !

Что будетъ съ ней, когда она

Услышитъ слово роковое ?

Досель она еще въ покоѣ —

Но тайна быть сохранена

Не можетъ долѣе. Сѣкира,

Упавъ поутру, загремитъ

По всей Украинѣ. Голосъ міра

²⁴ Уже осужденный на смерть, Кочубей былъ пытанъ въ войскѣ Гетмана. По отвѣтамъ несчастнаго видно, что его допрашивали о сокровищахъ, имъ утаенныхъ.

Вокругъ нея заговорить !...
 Ахъ, вижу я : кому судьбою
 Волненья жизни суждены,
 Тотъ стой одинъ передъ грозою,
 Не призывай къ себѣ жены.
 Въ одну телѣгу впрячь невозможно
 Коня и трепетную лань.
 Забылся я неосторожно —
 Теперь плачу безумства дань....
 Все, что цѣны себѣ не знаетъ, и.д. *invaluable*
 Все, все, чѣмъ жизнь мила бываетъ,
 Бѣдняжка принесла мнѣ въ даръ,
 Мнѣ, старцу мрачному — и что же?
 Какой готовлю ей ударъ !...»
 И онъ глядитъ : на тихомъ ложѣ
 Какъ сладокъ юности покой !
 Какъ сонъ ее лелѣетъ нѣжно !
 Уста раскрылись ; безмятежно
 Дыханье груди молодой ;
 А завтра, завтра.... Содрогаюсь
 Мазепа отвращаетъ взглядъ,
 Встаетъ и тихо пробираясь
 Въ уединенный сходить садъ.

Тиха Украинская ночь.
 Прозрачно небо. Звѣзды блещутъ.
 Своей дремоты превозмочь
 Не хочетъ воздухъ. Чуть трепещутъ
 Сребристыхъ тополей листы.
 Но мрачны странныя мечты
 Въ душѣ Мазепы : звѣзды ночи
 Какъ обвинительные очи,

*Remains to
 be done
 wife*

*Remains
 Not so
 mysterious
 etc. in
 the*

*Human Beauty
 Stage*

За нимъ насмѣшливо глядять.
 И тополи, стѣснившись въ рядъ,
 Качая тихо головою,
 Какъ судьи шепчуть межъ собою.
 И лѣтней, теплой ночи тма
 Душна, какъ черная тюрьма.

Вдругъ.... слабый крикъ.... невнятный стонъ
 Какъ бы изъ замка слышитъ онъ.
 То былъ ли сонъ воображенья, *сонъ*
 Иль плачь совы, иль звѣря вой, *звѣря*
 Иль пытки стонъ, иль звукъ иной —
 Но только своего волненья *волненья*
 Преодолѣть не могъ старикъ,
 И на протяжный, слабый крикъ
 Другимъ отвѣтствовалъ — тѣмъ крикомъ,
 Которымъ онъ въ весельи дикомъ
 Поля сраженья оглашалъ,
 Когда съ Забѣлой, съ Гаматѣемъ,
 И — съ нимъ.... и съ этимъ Кочубеемъ
 Онъ въ бранномъ пламени скакалъ.

Зари багряной полоса
 Объемлетъ ярко небеса.
 Блеснули доли, холмы, нивы,
 Вершины роцъ и волны рѣкъ,
 Раздался утра шумъ игривый,
 И пробудился человекъ.

Еще Марія сладко дышитъ
 Дремой объятая, и слышитъ
 Сквозь легкій сонъ, что кто-то къ ней

Вошелъ и ногъ ея коснулся.
 Она проснулась — но скорѣй
 Съ улыбкой взоръ ея сомкнулся
 Отъ блеска утреннихъ лучей.
 Марія руки протянула
 И съ нѣгой томною шепнула :
 Мазепа, ты?... Но голосъ ей
 Иной отвѣтствуетъ.... О, Боже!
 Вздвогнувъ, она глядитъ.... и что же?
 Предъ нею мать....

МАТЬ.

Молчи, молчи,
 Не погуби насъ : я въ ночи
 Сюда прокралась осторожно
 Съ единой, слезною мольбой.
 Сегодня казнь. Тебѣ одной
 Свирѣпство ихъ смягчить возможно.
 Спаси отца !

Дочь, въ ужасѣ.

Какой отецъ?

Какая казнь ?

МАТЬ.

Иль ты донынѣ *у till now (time)*
 Не знаешь?... нѣтъ ! ты не въ пустынѣ,
 Ты во дворцѣ ; ты знать должна,
 Какъ сила Гетмана грозна,
 Какъ онъ враговъ своихъ караетъ,
 Какъ Государь ему внимаетъ —
 Но вижу, скорбную семью
 Ты отвергаешь для Мазепы ;

Тебя я сонну застаю,
 Когда свершаютъ судъ свирѣпый,
 Когда читаютъ приговоръ,
 Когда готовъ отцу топоръ!...
 Другъ другу, вижу, мы чужія...
 Опомнись, дочь моя, Марія!
 Бѣги, пади къ его ногамъ,
 Спаси отца, будь ангелъ намъ:
 Твой взглядъ злодѣямъ руки свяжетъ,
 Ты можешь ихъ топоръ отвести.
 Рвись, требуй — Гетманъ не откажетъ:
 Ты для него забыла честь,
 Родныхъ и Бога....

Дочь.

Что со мною?

Отецъ.... Мазепа.... казнь — съ мольбою
 Здѣсь, въ этомъ замкѣ мать моя —
 Нѣтъ, иль ума лишилась я,
 Иль это грезы....

Мать.

Богъ съ тобою,
 Нѣтъ, нѣтъ — не грезы, не мечты.
 Уже ль еще не знаешь ты,
 Что твой отецъ ожесточенный
 Безчестья дочери не снесъ,
 И, жадой мести увлеченный,
 Царю на Гетмана донесъ —
 Что въ истязаніяхъ кровавыхъ
 Сознался въ умыслахъ лукавыхъ,
 Въ стыдѣ безумной клеветы,
 Что, жертва смѣлой правоты,

Врагу онъ выданъ головою,
 Что предъ громадой войсковою,
 Когда его не осѣнитъ
 Десница вышняя Господня,
 Онъ долженъ быть казненъ сегодня;
 Что здѣсь покаместъ онъ сидитъ
 Въ тюремной башнѣ.

Дочь.

Боже, Боже!
 Сегодня! Бѣдный мой отецъ!

И дѣва падаетъ на ложе,
 Какъ хладный падаетъ мертвецъ.

Пестрѣютъ шапки. Копья блещутъ.
 Бьютъ въ бубны. Скачутъ сердюки ²⁵,
 Въ строяхъ ровняются полки.
 Толпы кипятъ; сердца трепещутъ.
 Дорога, какъ змѣиный хвостъ,
 Полна народу, шевелится.
 Средь поля роковой помостъ,
 На немъ гуляетъ, веселится
 Палачъ и алчно жертвы ждетъ:
 То въ руки бѣлыя беретъ,
 Играючи, топоръ тяжелой,
 То шутить съ чернью веселой.
 Въ гремячій говоръ все слилось:
 Крикъ женскій, брань, и смѣхъ, и ропотъ,

²⁵ Войско, состоявшее на собственномъ иждивеніи Гетмановъ.

Вдругъ восклицанье раздалось —
И смолкло все. Лишь конскій топотъ
Былъ слышенъ въ грозной тишинѣ.
Тамъ, окруженный сердюками,
Вельможный Гетманъ съ старшинами
Скакалъ на ворономъ конѣ.
А тамъ, по Кіевской дорогѣ,
Телѣга ѣхала. Въ тревогѣ
Всѣ взоры обратили къ ней.
Въ ней, съ міромъ, съ небомъ примиренный,
Могущей вѣрой укрѣпленный,
Сидѣлъ безвинный Кочубей,
Съ нимъ Искра тихій, равнодушный,
Какъ агнецъ, жребію послушный.
Телѣга стала. Раздалось
Моленье ликовъ громогласныхъ;
Съ кадилъ куренье поднялось.
За упокой души несчастныхъ
Безмолвно молится народъ,
Страдальцы за враговъ. И вотъ
Идутъ они, взошли. На плаху,
Крестясь, ложится Кочубей.
Какъ будто въ гробѣ — тмы людей *всѣхъ*
Молчатъ. Топоръ блеснулъ съ размаху,
И отскочила голова.
Все поле охнуло. Другая
Катится вслѣдъ за ней, мигая.
Зардѣлась кровію трава —
И, сердцемъ радуясь, во злобѣ
Палачъ за чубъ поймалъ ихъ обѣ,
И напряженною рукой
Потрясъ ихъ обѣ надъ толпой.

Свершилась казнь. Народъ безпечный
Идетъ, рассыпавшись, домой,
И про свои работы вѣчны
Уже толкуетъ межъ собой.
Пустѣетъ поле понемногу.
Тогда чрезъ пеструю дорогу
Перебѣжали двѣ жены.
Утомлены, запылены,
Онѣ, казалось, къ мѣсту казни
Спѣшили, полныя боязни.
Ужъ поздно, кто-то имъ сказалъ
И въ поле перстомъ указалъ.
Тамъ роковой намость ломали,
Молился въ черныхъ ризахъ попъ,
И на телѣгу поднимали
Два казака дубовый гробъ.

Одинъ предъ конною толпой
Мазепа, грозенъ, удалялся
Отъ мѣста казни. Онъ терзался
Какой-то страшной пустотой.
Никто къ нему не приближался;
Не говорилъ онъ ничего;
Весь въ пѣнѣ мчался конь его.
Домой пріѣхавъ, «что, Марія?»
Спросилъ Мазепа. Слышитъ онъ
Отвѣты робкіе, глухіе....
Невольнымъ страхомъ пораженъ,
Идетъ онъ къ ней, въ свѣтлицу входитъ —
Свѣтлица тихая пуста.
Онъ въ садъ, и тамъ смятенный бродитъ;
Но вокругъ широкаго пруда,

Въ кустахъ, вдоль сѣней безмятежныхъ
 Все пусто, нѣтъ нигдѣ слѣдовъ —
 Ушла! — Зоветъ онъ слугъ надежныхъ,
 Своихъ проворныхъ сердюковъ.
 Они бѣгутъ. Храпятъ ихъ кони —
 Раздался дикій кликъ погони
 Верховъ — и скачутъ молодцы
 Во весь опоръ, во всѣ концы.

Бѣгутъ мгновенья дорогія,
 Не возвращается Марія.
 Никто не вѣдалъ, не слыхалъ,
 Зачѣмъ и какъ она бѣжала.
 Мазепа молча скрежеталъ.
 Затихнувъ, челядь трепетала.
 Въ груди кипучій ядъ нося, *and from ...*
 Въ свѣтлицѣ Гетманъ заперся.
 Близъ ложа, тамъ, во мракѣ ночи
 Сидѣлъ онъ не смыкая очи,
 Нездѣшной мукою томимъ.
 Поутру посланные слуги
 Одинъ явились за другимъ —
 Чуть кони двигались. Подруги,
 Подковы, узды, чепраки,
 Все было пѣною покрыто,
 Въ крови, растеряно, избито ;
 Но ни одинъ ему принести
 Не могъ о бѣдной дѣвѣ вѣсть.
 И слѣдъ ея существованья
 Пропалъ, какъ будто звукъ пустой,
 И мать одна во мракѣ изгнанья
 Умчала горе съ ницетой.

ПѢСНЬ ТРЕТІЯ.

Души глубокая печаль
 Стремиться дерзновенно въ даль
 Вождю Украйны не мѣшаетъ.
 Твердѣя въ умыслѣ своемъ,
 Онъ съ гордымъ Шведскимъ Королемъ
 Свои сношенья продолжаетъ.
 Межъ тѣмъ, чтобъ обмануть вѣрнѣй
 Глаза враждебнаго сомнѣнья,
 Онъ, окружась толпой врачей,
 На ложѣ мнимаго мученья
 Стоная молитъ исцѣленья.
 Плоды страстей, войны, трудовъ,
 Болѣзни, дряхлость и печали,
 Предтечи смерти, приковали
 Его къ одру. Уже готовъ
 Онъ скоро бранный міръ оставить,
 Святой обрядъ онъ хочетъ править,
 Онъ архипастыря зоветъ
 Къ одру сомнительной кончины;
 И на коварныя сѣдины
 Елей таинственный течетъ.

Но время шло. Москва напрасно
 Къ себѣ гостей ждала всечасно,
 Средь старыхъ вражескихъ могилъ
 Готова Шведамъ тризну тайну.
 Незапно Карлъ поворотилъ
 И перенесъ войну въ Украйну.

*Character of the
 still houses in
 with the same idea*

И день насталь. Встаетъ съ одра
 Мазепа, сей страдалецъ хилой,
 Сей трупъ живой, еще вчера
 Стонавшій слабо надъ могилой.
 Теперь онъ мощный врагъ Петра.
 Теперь онъ, бодрый, предъ полками
 Сверкаетъ гордыми очами,
 И саблей машетъ — и къ Деснѣ
 Проворно мчитъ на конѣ,
 Согбенный тяжко жизнью старой,
 Такъ оный хитрый Кардиналь,
 Вѣнчавшись Римскою тиарой,
 И прямъ, и здоровъ, и молодъ сталъ.
 И вѣсть на крыльяхъ полетѣла.
 Украина смутно зашумѣла;
 «Онъ перешель, онъ измѣнилъ,
 Къ ногамъ онъ Карлу положилъ
 Бунчукъ покорный!» Пламя пышетъ,
 Встаетъ кровавая заря
 Войны народной.

Кто опишетъ

Негодованье, гнѣвъ Царя? ²⁶

²⁶ Сильныя мѣры, принятыя Петромъ съ обыкновенной Его-
 быстротой и энергіей, удержали Украину въ повиновеніи.

«1708 г. Ноября 7-го числа, по Указу Государеву, казаки,
 по обычаю своему, вольными голосами выбрали въ Гетманы
 Полковника Стародубскаго Ив. Скоропадскаго.

«8-го числа пріѣхали въ Глуховъ Кіевскій, Черниговскій и
 Переяславскій Архіепископы.

«А 9-го дня предали клятвѣ Мазепу оные Архіереи публич-
 но; того же дня и персону (куклу) онаго измѣнника Мазепы
 вынесли, и снявъ кавалерію (которая на ту персону была на-
 дѣта съ бантомъ), оную персону бросили въ палачевски руки».

Гремитъ анаѳема въ соборахъ ;
 Мазепы ликъ терзаетъ кать ²⁷
 На шумной Радѣ, въ вольныхъ спорахъ,
 Другаго Гетмана творятъ.
 Съ береговъ пустынныхъ Енисея
 Семейства Искры, Кочубея
 Поспѣшно призваны Петромъ.
 Онъ съ ними слезы проливаетъ ;
 Онъ ихъ лаская осыпаетъ
 И новой честью, и добромъ.
 Мазепы врагъ, наѣздникъ пылкій,
 Старикъ Палѣй, изъ мрака ссылки
 Въ Украину ѣдетъ въ Царскій станъ.
 Трепещетъ бунтъ осиротѣлой.
 На плахѣ гибнетъ Чечель ²⁸ смѣлой
 И запорожскій Атаманъ ;
 И ты, любовникъ бранной славы,
 Для шлема кинувшій вѣнецъ,
 Твой близокъ день, ты валъ Полтавы
 Вдали завидѣлъ наконецъ.

И Царь туда жъ помчалъ дружины,
 Онѣ какъ буря притекли —
 И оба стана средь равнины
 Другъ друга хитро облегли :

которую палачъ, взявъ и прицѣпя за веревку, тащилъ по улицѣ
 и по площади даже до висѣлицы, и потомъ повѣсилъ.

«Въ Глуховѣ же, 10-го дня, казнили Чечеля и прочихъ из-
 мѣнниковъ....» (*Журналъ Петра Великаго*).

²⁷ Малороссійское слово. По-Русски палачъ.

²⁸ Чечель отчаянно защищалъ Батуринъ противъ войскъ Кн.
 Меньшикова.

Не разъ избитый въ схваткѣ смѣлой,
 Заранѣ кровью опьянѣмой,
 Съ бойцомъ желаннымъ наконецъ
 Такъ грозный сходится боецъ.
 И злбясь видитъ Карлъ могучій
 Ужъ не разстроенныя тучи
 Несчастныхъ Нарвскихъ бѣглецовъ,
 А нить полковъ блестящихъ, стройныхъ,
 Послушныхъ, быстрыхъ и спокойныхъ,
 И рядъ неизблемый штыковъ.

Но онъ рѣшилъ: завтра бой.
 Глубокій сонъ во станѣ Шведа.
 Лишь подъ палаткою одной
 Ведется шепотомъ бесѣда.

«Нѣтъ, вижу я, нѣтъ, Орликъ мой,
 Поторопились мы не кстати:
 Разсчетъ и дерзкій, и плохой,
 И въ немъ не будетъ благодати.
 Пропала, видно, цѣль моя.
 Что дѣлать, даль я промахъ важной:
 Ошибся въ этомъ Карлъ я.
 Онъ мальчикъ бойкій и отважной;
 Два, три сраженья разыграть,
 Конечно, можетъ онъ съ успѣхомъ,
 Къ врагу на ужинъ прискакать ²⁹,
 Отвѣтствовать на бомбу смѣхомъ ³⁰;

²⁹ Въ Дрезденъ къ Королю Августу. Смотри. VOLTAIRE *Hist. de Charles XII.*

³⁰ Ахъ, В. В! бомба!.... — «Что есть общаго между бом-

Не хуже Русскаго стрѣлка
 Прокрасться въ ночь ко вражью стану ;
 Свалить какъ нынче казака ;
 И обмѣнять на рану рану ³¹ ;
 Но не ему вести борьбу
 Съ самодержавнымъ великаномъ.
 Какъ полкъ, вертѣтся онъ судьбу ;
 Принудить хочетъ барабаномъ ;
 Онъ слѣпъ, упрямъ, нетерпѣливъ,
 И легкомысленъ, и кичливъ,
 Богъ вѣсть какому счастью вѣритъ !
 Онъ силы новыя врага
 Успѣхомъ прошлымъ только мѣритъ —
 Сломить ему свои рога.
 Стыжусь, воинственнымъ бродягой
 Увлекся я на старость лѣтъ :
 Былъ ослѣпленъ его отвагой
 И бѣглымъ счастьемъ побѣдъ,
 Какъ дѣва робкая. »

Showed ...
 ...
 ...

Орликъ.

Сраженья *battle*

Дождемся. Время не ушло
 Съ Петромъ опять войти въ сношенья.
 Еще поправить можно зло.

бою и письмомъ, которое тебѣ диктую? пиши.» Это случилось гораздо послѣ.

³¹ Ночью, Карлъ, самъ осматривая нашъ лагерь, наѣхалъ на казаковъ, сидѣвшихъ у огня. Онъ поскакалъ прямо къ нимъ и одного изъ нихъ застрѣлилъ изъ собственныхъ рукъ. Казаки дали по немъ три выстрѣла и жестоко ранили его въ ногу.

Разбитый нами, нѣтъ сомнѣнья,
Царь не отвергнетъ примиренья.

МАЗЕПА.

Нѣтъ, поздно. Русскому Царю
Со мной мириться невозможно.
Давно рѣшилась непреложно
Моя судьба! Давно горю
Стѣсненной злобой. Подъ Азовымъ
Однажды я съ Царемъ суровымъ
Во ставкѣ ночью пировалъ:
Полны виномъ кипѣли чаши,
Кипѣли съ ними рѣчи наши.
Я слово смѣлое сказалъ,
Смутились гости молодые —
Царь, вспыхнувъ, чашу уронилъ,
И за усы мои сѣдые
Меня съ угрозой ухватилъ.
Тогда, смирясь въ безсильномъ гнѣвѣ,
Отмстить себѣ я клятву далъ,
Носилъ ее — какъ мать во чревѣ
Младенца носить. Срокъ насталъ.
Такъ, обо мнѣ воспоминанье
Хранить онъ будетъ до конца.
Петру я посланъ въ наказанье:
Я тернъ въ листахъ его вѣнца.
Онъ далъ бы грады родовые
И жизни лучшіе часы,
Чтобъ снова, какъ во дни былые,
Держать Мазепу за усы.
Но есть еще для насъ надежды....
Кому бѣжать, рѣшить заря.

*Decision for
the treaty
trifling wrong
suggested as-
saults*

Умолкъ, и закрываетъ вѣжды
Измѣнникъ Русскаго Царя.

Горитъ востокъ зарею новой.
Ужъ на равнинѣ, по холмамъ,
Грохочутъ пушки. Дымъ багровой
Кругами всходитъ къ небесамъ
Навстрѣчу утреннимъ лучамъ.
Полки ряды свои сомкнули.
Въ кустахъ рассыпались стрѣлки.
Катятся ядра, свищутъ пули ;
Нависли хладные штыки.
Сыны любимые побѣды,
Сквозь огонь окоповъ рвутся Шведы ;
Волнуясь, конница летитъ ;
Пѣхота движется за нею,
И тяжелой твердостью своею
Ея стремленія крѣпитъ.
И битвы поле роковое
Гремитъ, пылаетъ здѣсь и тамъ ;
Но явно счастье боевое
Служить ужъ начинаетъ намъ.
Пальбой отбитыя дружины,
Мѣшаясь, падаютъ во прахъ ,
Уходитъ Розенъ сквозь тѣснины ;
Сдается пылкій Шлипенбахъ.
Тѣснимъ мы Шведовъ рать за ратью ;
Темнѣетъ слава ихъ знаменъ,
И Бога браней благодатью
Нашъ каждый шагъ запечатленъ.

Тогда-то свыше вдохновенный
Раздался звучный гласъ ПЕТРА :

«За дѣло, съ Богомъ!» Изъ шатра,
 Толпой любимцевъ окруженный,
 Выходитъ Петръ. [Его глаза
 Сіяютъ. Ликъ его ужасенъ;
 Движенья быстры. Онъ прекрасенъ,
 Онъ весь какъ Божія гроза
 Идетъ.] Ему коня подводятъ.
 Ретивъ и смиренъ вѣрный конь.
 Почуя роковой огонь,
 Дрожитъ, глазами косо водить,
 И мчится въ прахъ боевомъ,
 Гордясъ могущимъ сѣдокомъ.
 Ужъ близокъ полдень. Жаръ пылаетъ.
 Какъ пахарь, битва отдыхаетъ.
 Кой-гдѣ гарцуютъ казаки,
 Равняясъ строятся полки,
 Молчить музыка боевая.
 На холмахъ пушки, присмирѣвъ
 Прервали свой голодный ревъ.
 И се — равнину оглашая,
 Далече грянуло ура :
 Полки увидѣли Петра.

И онъ промчался предъ полками,
 Могущъ и радостенъ какъ бой.
 Онъ поле пожиралъ очами.
 За нимъ вослѣдъ неслись толпой
 Сии птенцы гнѣзда Петрова —
 Въ премѣнахъ жребія земнова,
 Въ трудахъ державства и войны
 Его товарищи, сыны :
 И Шереметевъ благородный,

Міръ Керн
 1860

И Брюсъ, и Боуръ, и Рѣшнинъ,
И, счастья баловень безродный,
Полудержавный властелинъ.

И передъ синими рядами
Своихъ воинственныхъ дружинъ,
Несомый вѣрными слугами,
Въ качалкѣ, блѣдень, недвижимъ,
Страдая раной, Карлъ явился ;
Вожди героя шли за нимъ.
Онъ въ думу тихо погрузился,
Смущенный взоръ изобразилъ
Необычайное волненье.
Казалось, Карла приводилъ
Желанный бой въ недоумѣнье....
Вдругъ слабымъ маниемъ руки
На Русскихъ двинулъ онъ полки.

И съ ними Царскія дружины
Сошлись въ дыму среди равнины —
И грянулъ бой, Полтавскій бой!
Въ огнѣ, подъ градомъ раскаленнымъ,
Стѣной живою отраженнымъ,
Надъ падшимъ строемъ свѣжій строй
Штыки смыкаетъ. Тяжкой тучей
Отряды конницы летучей,
Браздами, саблями звуча,
Сшибаясь, рубятся съ плеча.
Бросая груды тѣлъ на груды,
Шары чугунные повсюду
Межъ ними прыгаютъ, разятъ,
Прахъ роютъ и въ крови шипятъ.

Шведъ, Русскій — колетъ, рубить, рѣжетъ.
Бой барабанный, клики, скрежетъ.
Громъ пушекъ, топотъ, ржанье, стонъ,
И смерть и адъ со всѣхъ сторонъ !

Среди тревоги и волненья,
На битву взоромъ вдохновенья
Вожди спокойные глядятъ,
Движенья ратныя слѣдятъ,
Предвидятъ гибель и побѣду,
И въ тишинѣ ведутъ бесѣду.
Но близъ Московскаго Царя
Кто воинъ сей подъ сѣдинами,
Двумя поддержанъ казаками,
Сердечной ревностью горя,
Онъ окомъ опытнымъ героя
Взираетъ на волненье боя?
Ужъ на коня не вскочитъ онъ,
Одряхъ, въ изгнанъ сиротѣя,
И казаки на кличъ Палѣя
Не налетятъ со всѣхъ сторонъ !
Но что жъ его сверкнули очи,
И гнѣвомъ, будто мглою ночи,
Покрылось старое чело?
Что возмутить его могло?
Иль онъ сквозь бранный дымъ увидѣлъ
Врага Мазепу, и въ сей мигъ
Свои мѣта возненавидѣлъ
Обезоруженный старикъ?
Мазепа, въ думу погруженный,
Взиралъ на битву, окруженный
Толпой мятежныхъ казаковъ,

Родныхъ, старшинъ и сердюковъ.
 Вдругъ выстрѣлъ. Старецъ обратился :
 У Войнаровскаго въ рукахъ
 Мушкетный стволъ еще дымился.
 Сраженный въ нѣсколькихъ шагахъ,
 Младой казакъ въ крови валялся,
 А конь, весь въ пѣнѣ и пыли,
 Почуя волю, дико мчался,
 Скрываясь въ огненной дали.
 Казакъ на Гетмана стремился
 Сквозь битву съ саблею въ рукахъ,
 Съ безумной яростью въ очахъ.
 Старикъ, подѣхавъ, обратился
 Къ нему съ вопросомъ. Но казакъ
 Ужъ умиралъ. Потухшій зракъ
 Еще грозилъ врагу Россіи,
 Былъ мраченъ помертвѣлый ликъ ;
 И имя нѣжное Маріи
 Чуть лепеталъ еще языкъ.
 Но близокъ, близокъ мигъ побѣды....
 Ура ! мы ломимъ ; гнутся Шведы.
 О славный часъ ! о славный видъ !
 Еще напоръ — и врагъ бѣжитъ ³² ;
 И слѣдомъ конница пустилась,

³² Благодаря прекраснымъ распоряженіямъ и дѣйствіямъ Кн. Меншикова, участь главнаго сраженія была рѣшена заранѣе. Дѣло не продолжалось и двухъ часовъ. *Ибо* (сказано въ Жур. Петра Вел.) *непобѣдимые господа Шведы скоро хребетъ свой показали, и отъ нашихъ войскъ вся непріятельская армія весьма опрокинута.* Петръ въ послѣдствіи времени многое прощалъ Данилычу за услуги, оказанныя въ сей день Генераломъ Кн. Меншиковымъ.

Убійствомъ тупятся мечи,
И падшими вся степь покрылась
Какъ роемъ черной саранчи.

*Nobis
— nobis
— nobis
— nobis
— nobis*

Пируетъ Пётръ. И гордь, и ясень,
И славы полонъ взоръ его.
И Царскій пиръ его прекрасень.
При кликахъ войска своего,
Въ шатрѣ своемъ онъ угощаетъ
Своихъ вождей, вождей чужихъ,
И славныхъ плѣнниковъ ласкаетъ,
И за учителей своихъ
Заздравный кубокъ поднимаетъ.

Но гдѣ же первый, званый гость?
Гдѣ первый, грозный нашъ учитель,
Чью долговременную злость
Смирилъ Полтавскій побѣдитель?
И гдѣ жъ Мазепа? гдѣ злодѣи? *✓ Mazi
Tomas*
Куда бѣжалъ Юда въ страхъ?
Зачѣмъ Король не межъ гостей?
Зачѣмъ измѣнникъ не на плахъ? ³³

Верхомъ, въ глуши степей нагихъ,

³³ L'Empereur Moscovite, pénétré d'une joie qu'il ne se mettait pas en peine de dissimuler (было о чемъ и радоваться), recevait sur le champ de bataille les prisonniers qu'on lui amenait en foule et demandait à tout moment: où est donc mon frère Charles?

.... Alors prenant un verre de vin: à la santé, dit-il, de mes maîtres dans l'art de la guerre! — Renschild lui demanda: qui étaient ceux qu'il honorait d'un si beau titre Vous, Messieurs, les généraux suédois, reprit le Czar. Votre Majesté est donc bien ingrate, reprit le Comte, d'avoir tant maltraité ses maîtres.

Король и Гетманъ мчатся оба —
Бѣгутъ. Судьба связала ихъ !
Опасность близкая и злоба
Даруютъ силу Королю.
Онъ рану тяжкую свою
Забылъ. Поникнувъ головою,
Онъ скачетъ, Русскими гонимъ,
И слуги вѣрные толпою
Чуть могутъ слѣдовать за нимъ.

Обозрѣвая зоркимъ взглядомъ
Степей широкій полукругъ,
Съ нимъ старый Гетманъ скачетъ рядомъ ;
Предъ ними хуторъ.... Что же вдругъ
Мазепа будто испугался?
Что мимо хутора помчался
Онъ стороной во весь опоръ?
Иль этотъ заустѣлый дворъ,
И домъ, и садъ уединенный,
И въ поле отпертая дверь
Какойнибудь разсказъ забвенный
Ему напомнили теперь?...
Святой невинности губитель !
Узналъ ли ты сію обитель,
Сей домъ, веселый прежде домъ,
Гдѣ ты, виномъ разгоряченный,
Семьей счастливой окруженный,
Шутилъ, бывало, за столомъ ?
Узналъ ли ты пріютъ укромный,
Гдѣ мирный ангелъ обиталъ,
И садъ, откуда ночью темной
Ты вывелъ въ степь.... Узналъ, узналъ !

Ночныя тѣни степь объемлютъ.
 На брегѣ синяго Днѣпра,
 Между скалами чутко дремлютъ
 Враги Россіи и Петра.
 Щадятъ мечты покой героя :
 Уронъ Полтавы онъ забылъ.
 Но сонъ Мазепы смутенъ былъ :
 Въ немъ мрачный духъ не зналъ покоя.
 И вдругъ въ безмолвіи ночномъ
 Его зовутъ. Онъ пробудился,
 Глядитъ : надъ нимъ, грозя перстомъ,
 Тихонько кто-то склонился.
 Онъ вздрогнулъ, какъ подъ топоромъ....
 Предъ нимъ съ развитыми власами,
 Сверкая впальми глазами,
 Вся въ рубищѣ, худа, блѣдна,
 Стоитъ, луной освѣщена....
 «Иль это сонъ? Марія... ты ли?»

МАРІЯ.

Ахъ, тише, тише, другъ !... Сейчасъ
 Отецъ и мать глаза закрыли....
 Постой.... услышать могутъ насъ.

МАЗЕПА.

Марія, бѣдная Марія !
 Опомнись ! Боже !... Что съ тобой !

МАРІЯ.

Послушай, хитрости какія !
 Что за рассказъ у нихъ смѣшной ?
 Она за тайну мнѣ сказала,

Что умеръ бѣдный мой отецъ,
 И мнѣ тихонько показала
 Сѣдую голову — Творецъ!
 Куда бѣжать намъ отъ злорѣчья?
 Подумай: эта голова
 Была совсѣмъ не человѣчья
 А волчья — видишь, какова!
 Чѣмъ обмануть меня хотѣла!
 Не стыдно ль ей меня терзать,
 И для чего? чтобъ я не смѣла
 Съ тобой сегодня убѣжать!
 Возможно ль?

Съ горестью глубокой

Любовникъ ей внималъ жестокой.

Но вихрю мыслей предана,

«Однако жъ, говоритъ она:

Я помню поле.... праздникъ шумной....

И чернь.... и мертвыя тѣла....

На праздникъ мать меня вела....

Но гдѣ жъ ты былъ?... Съ тобою розно

Зачѣмъ въ ночи скитаюсь я?

Пойдемъ домой. Скорѣй.... ужъ поздно.

Ахъ, вижу, голова моя

Полна волненія пустаго —

Я принимала за другаго

Тебя, старикъ. Оставь меня,

Твой взоръ насмѣшливъ и ужасенъ.

Ты безобразенъ. Онъ прекрасенъ!

Въ его глазахъ блеститъ любовь,

Въ его рѣчахъ такая нѣга....

Его усы бѣлѣе снѣга,

А на твоихъ засохла кровь.»

И съ дикимъ смѣхомъ завизжала,
И легче серны молодой
Она вспрыгнула, побѣжала,
И скрылась въ темнотѣ ночной.

Рѣдѣла тѣнь. Востокъ алѣлъ.
Огонь казачій пламенѣлъ —
Пшеницу казаки варили;
Драбанты у берега Днѣпра
Коней разсѣданныхъ поили.
Проснулся Карлъ. «Ого! пора!
Вставай, Мазепа. Разсвѣтаетъ.»
Но Гетманъ ужъ не спитъ давно.
Тоска, тоска его снѣдаетъ;
Въ груди дыханье стѣснено.
И молча онъ коня сѣдаетъ,
И скачетъ съ бѣглымъ Королемъ,
И страшно взоръ его сверкаетъ,
Съ роднымъ прощаясь рубежемъ.

—
Прошло сто лѣтъ — и что жъ осталось
Отъ сильныхъ, гордыхъ сихъ мужей,
Столь полныхъ волею страстей?
Ихъ поколѣнье миновалось —
И съ нимъ исчезъ кровавый слѣдъ
Усилій, бѣдствій и побѣдъ.
Въ гражданствѣ сѣверной державы,
Въ ея воинственной судьбѣ,
Лишь ты воздвигъ, Герой Полтавы,
Огромный памятникъ себѣ.

Въ странѣ, гдѣ мельницъ рядъ крыматый
 Оградой мирной обступилъ
 Бендеръ пустынные раскаты,
 Гдѣ бродятъ буйволы рогаты
 Вокругъ воинственныхъ могилъ —
 Остатки разоренной сѣни,
 Три углубленныя въ землѣ
 И мхомъ поросшія ступени
 Гласятъ о Шведскомъ Королѣ.
 Съ нихъ отражалъ герой безумный,
 Одинъ, въ толпѣ домашнихъ слугъ,
 Турецкой рати приступъ шумной,
 И бросилъ шпагу подъ бунчукъ ;
 И тщетно тамъ прищлецъ унылый
 Искалъ бы Гетманской могилы :
 Забытъ Мазепа съ давнихъ поръ ;
 Лишь въ торжествующей святынѣ
 Разъ въ годъ анаѳемой донинѣ,
 Грозя, гремитъ о немъ Соборъ.
 Но сохранилася могила,
 Гдѣ двухъ страдальцевъ прахъ почилъ :
 Межъ древнихъ праведныхъ могилъ
 Ихъ мирно Церковь приютима ³⁴.

³⁴ Обезглавленныя тѣла Искры и Кочубея были отданы родственникамъ и похоронены въ Кіевской Лаврѣ; надъ ихъ гробомъ высѣчена слѣдующая надпись :

«Кто еси мимо грядый о насъ невѣдущій,
 Елицы здѣ естесмо положены суци,
 Понеже намъ страсть и смерть повелѣ молчати,
 Сей камень возопіетъ о насъ ти вѣщати,
 И за правду и вѣрность къ Монарсѣ нашу,
 Страданія и смерти испиймо чашу,

Цвѣтетъ въ Диканькѣ древній рядъ
Дубовъ, друзьями насажденныхъ ;
Они о праотцахъ казненныхъ
Донынѣ внукамъ говорятъ.
Но дочь—преступница.... преданья
Объ ней молчатъ. Ея страданья,
Ея судьба, ея конецъ
Непроницаемою тмою
Отъ насъ закрыты. Лишь порою
Слѣпой Украинскій пѣвецъ,
Когда въ селѣ передъ народомъ
Онъ пѣсни Гетмана бренчитъ,
О грѣшной дѣвѣ мимоходомъ
Казачкамъ юнымъ говоритъ.

Злуданьемъ Мазепы, всевѣчно правы,
Посѣченны заставше топоромъ во главы ;
Почиваемъ въ семъ мѣстѣ Матери Владычнѣ,
Подающія всѣмъ своимъ рабомъ животъ вѣчный.

Року 1708 , мѣсяца Юля 15 дня , посѣчены средь обозу войскаго, за Бѣлою Церковію на Борщаговцѣ и Ковшевомъ, благородный Василій Кочубей , Судія Генеральный ; Іоанъ Искра, Полковникъ Полтавскій. Привезены же тѣла ихъ Юля 17 въ Кіевъ и того жъ дня въ обители святой Печерской на семъ мѣстѣ погребены.»

VIII.

ДОМИКЪ ВЪ КОЛОМНѢ.

(1829—1830.)

—

I.

Четырестопный ямбъ мнѣ надоѣлъ :
Имъ пишетъ всякій. Мальчикамъ въ забаву ,
Пора бѣ его оставить. Я хотѣлъ
Давнымъ давно приняться за октаву.
А въ самомъ дѣлѣ : я бы совладѣлъ
Съ тройнымъ созвучіемъ. Пущусь на славу !
Вѣдь рифмы запросто со мной живутъ ;
Двѣ прійдутъ сами, третью приведутъ.

II.

А чтобъ имъ путь открыть широкій, вольной,
Глаголы тотчасъ имъ я разрѣшу....
Вы знаете, что рифмой наглагольной,
Гнушаемся мы. Почему? спрошу.

Такъ писывалъ *** богомольной,
По бóльшей части такъ и я пишу.
Къ чему, скажите? ужъ и такъ мы го́лы.
Отнынѣ въ рифмы буду брать глаголы.

III.

Не стану ихъ надменно браковать,
Какъ рекрутовъ, добившихся увѣчья,
Иль какъ коней, за ихъ плохую статью,
А подбирать союзы да нарѣчья;
Изъ мелкой сволочи вербую рать.
Мнѣ рифмы нужны, всѣ готовъ сберечь я,
Хоть весь Словарь; что слогъ, то и солдатъ —
Всѣ годны въ строй; у насъ вѣдь не парадъ.

IV.

Ну, женскіе и мужескіе слоги!
Благословясь, попробуемъ: слушай!
Равняйтесь, вытягивайте ноги,
И по три рядъ въ октаву заѣзжай!
Не бойтесь, мы не будемъ слишкомъ строги!
Держись вольнѣй и только не плошай,
А тамъ уже привыкнемъ, слава Богу,
И выѣдемъ на ровную дорогу.

V.

Какъ весело стихи свои вести
Подъ цифрами, въ порядкѣ, строй за строемъ,
Не позволять имъ въ сторону брести,
Какъ войску, въ пухъ разсыпанному боемъ!
Тутъ каждый слогъ замѣченъ и въ чести,
Тутъ каждый стихъ глядитъ себѣ героемъ,

А стихотворецъ... съ кѣмъ же равенъ онъ?
Онъ Тамерланъ, иль самъ Наполеонъ!

VI.

Немного отдохнемъ на этой точкѣ.
Что, перестать или *пустить на пе?*...
Признаться вамъ, я въ пятистопной строчкѣ
Люблю цезуру на второй стопѣ.
Иначе стихъ то въ ямѣ, то на кочкѣ,
И хоть лежу теперь на канапе,
Все кажется мнѣ, будто въ тряскомъ бѣгѣ
По мерзлой пашнѣ мчусь я на телѣгѣ.

VII.

Что за бѣда! Не все жъ гулять пѣшкомъ
По Невскому граниту иль на балѣ
Лощить паркетъ, или скакать верхомъ
Въ степи Киргизской. Поплетусь-на дамѣ,
Со станціи на станцію шажкомъ,
Какъ говорятъ о томъ оригиналѣ,
Который, не кормя, на рысакѣ
Пріѣхалъ изъ Москвы къ Невѣ-рѣкѣ.

VIII.

Скажу, рысакъ! Парнасскій иноходецъ
Его не обогналъ бы. Но Пегасъ
Старъ, зубъ ужъ нѣтъ. Имъ вырытый колодезь
Изохъ. Поросъ крапивою Парнасъ;
Въ отставкѣ Фебъ живетъ, а хороводецъ
Старушекъ-Музъ ужъ не прельщаетъ насъ.
И таборъ свой съ классическихъ вершинокъ
Перенесли мы на толкучій рынокъ.

IX.

Усядьяся, Муза; ручки въ рукава,
Подъ лавку ножки! Не вертись, рѣзвухка!
Теперь начнемъ. — Жила-была вдова,
Тому лѣтъ восемь, бѣдная старушка,
Съ одною дочерью. У Покрова
Стояла ихъ смиренная лачужка
За самой будкой. Вижу, какъ теперь,
Свѣтелку, три окна, крыльцо и дверь.

X.

Дня три тому, туда ходилъ я вмѣстѣ
Съ однимъ знакомымъ передъ вечеркомъ:
Лачужки этой нѣтъ ужъ тамъ. На мѣстѣ
Ея построены трехъ-этажный домъ.
Я вспомнилъ о старушкѣ, о невѣстѣ,
Бывало, тутъ сидѣвшихъ подъ окномъ,
О той порѣ, когда я былъ моложе,
Я думалъ: живы ли онѣ? — И что же?

XI.

Мнѣ стало грустно: на высокій домъ
Глядѣлъ я косо. Если въ эту пору
Пожаръ его бы обхватилъ кругомъ,
То моему бѣ озлобленному взору
Пріятно было пламя. Станнымъ сномъ
Бываетъ сердце полно; много вздору
Приходитъ намъ на умъ, когда бредемъ
Одни или съ товарищемъ вдвоемъ.

XII.

Тогда блаженъ, кто крѣпко словомъ править
И держитъ мысль на привязи свою,

Кто въ сердцѣ усыпляетъ или давить
 Мгновенно прошипѣвшую змѣю ;
 Но кто болтливъ , того молва прославить
 Вмигъ извергомъ.... Я воды Леты пью,
 Мнѣ докторомъ запрещена унылость :
 Оставимъ это — сдѣлайте мнѣ милость !

XIII.

Старушка (я стократъ видалъ точь въ точь
 Въ картинахъ Рембранта такія лица)
 Носила чепчикъ и очки. Но дочь
 Была, ей-ей, прекрасная дѣвица :
 Глаза и брови — темныя какъ ночь,
 Сама бѣла , нѣжна — какъ голубица ;
 Въ ней вкусъ былъ образованный. Она
 Читала сочиненья Эмина.

XIV.

Играть умѣла также на гитарѣ,
 И пѣла : *Стонетъ сизый голубокъ,*
 И *Выду ль я....* и то — что ужъ постарѣ,
 Все, что у печки въ зимній вечерокъ
 Иль скучной осенью при самоварѣ,
 Или весною, обходя лѣсокъ,
 Поетъ уныло Русская дѣвица,
 Какъ Музы наши грустная пѣвица.

XV.

Фигурно иль буквально : всей семьей,
 Отъ ямщика до перваго поэта,
 Мы всѣ поемъ уныло. Грустный вой
 Пѣснь Русская. Извѣстная примѣта !

Начавъ за здравіе, за упокой
 Сведемъ какъ разъ. Печалию согрѣта
 Гармонія и нашихъ Музъ и дѣвъ,
 Но нравится ихъ жалобный напѣвъ.

XVI

Параша (такъ звалась красотка наша)
 Умѣла мыть и гладить, шить и плестъ;
 Всѣмъ домоу правила одна Параша;
 Поручено ей было счеты вестъ,
 При ней варилась грѣчная каша
 (Сей важный трудъ ей помогала несть
 Стряпуха Фекла, добрая старуха,
 Давно лишенная чутья и слуха).

XVII.

Старушка-мать, бывало, подъ окномъ
 Сидѣла; днемъ она чулокъ вязала,
 А вечеромъ, за маленькимъ столомъ,
 Раскладывала карты и гадала.
 Дочь, между тѣмъ, весь обѣгала домъ,
 То у окна, то на дворѣ мелькала,
 И кто бы ни проѣхалъ иль ни шелъ,
 Всѣхъ успѣвала видѣть (зоркій полъ!).

XVIII.

Зимою ставни закрывались рано,
 Но лѣтомъ до ночи растворено
 Все было въ домѣ. Блѣдная Діана
 Глядѣла долго дѣвушкѣ въ окно
 (Безъ этого ни одного романа
 Не обойдется — такъ заведено!).

Бывало, мать давнымъ давно храпѣла,
А дочка на луну еще смотрѣла.

XIX.

И слушала мяуканье котовъ
По чердакамъ, свиданій знакъ нескромной,
Да стражи дальній крикъ, да бой часовъ —
И только. Ночь надъ мирною Коломной
Тиха отмѣнно. Рѣдко изъ домовъ
Мелькнутъ двѣ тѣни. Сердце дѣвы томной
Ей слышать было можно, какъ оно
Въ упругое толкалось полотно.

XX.

По воскресеньямъ, лѣтомъ и зимою,
Вдова ходила съ нею къ Покрову,
И становилася передъ толпою
У клироса на лѣво. Я живу
Теперь не тамъ, но вѣрною мечтою
Люблю летать, заснувши на яву,
Въ Коломну, къ Покрову — и въ Воскресенье
Тамъ слушать Русское богослуженье.

XXI.

Туда, я помню, ѣздила всегда
Графиня... (звали какъ, не помню право).
Она была богата, молода;
Входила въ церковь съ шумомъ, величаво;
Молилась гордо (гдѣ была горда!)
Бывало, грѣшенъ! все гляжу на право,
Все на нее. Параша передъ ней
Казалась, бѣдная, еще бѣднѣй!

XXII.

Порой Графиня на нее небрежно
Бросала важный взоръ свой. Но она
Молилась Богу тихо и прилежно,
И не казалась имъ развлечена.
Смиренье въ ней изображалось нѣжно,
Графиня же была погружена
Въ самой себѣ, въ волшебствѣ моды новой,
Въ своей красѣ надменной и суровой.

XXIII.

Она казалась хладный идеаль
Тщеславія, его бѣ вы въ ней узнали;
Но сквозь надменность эту я читалъ
Иную повѣсть: долгиа печали,
Смиренье жалобъ.... Въ нихъ-то я вникалъ,
Невольный взоръ они-то привлекали....
Но это знать Графиня не могла,
И, вѣрно, въ списокъ жертвъ меня внесла.

XXIV.

Она страдала, хотъ была прекрасна
И молода, хотъ жизнь ея текла
Въ роскошной нѣгѣ; хотъ была подвластна
Фортуна ей; хотъ мода ей несла
Свой еиміамъ — она была несчастна.
Блаженнѣе стократъ ея была,
Читатель, новая знакомка ваша,
Простая, добрая моя Параша.

XXV.

Коса зміей на гребнѣ роговомъ,
Изъ-за ушей зміею кудри русы,

Косыночка крестъ-на-крестъ иль узломъ ;
На тонкой шеѣ восковыя бусы —
Нарядъ простой; но предъ ея окномъ
Все жъ ѣздили гвардейцы черноусы,
И дѣвушка прельщать умѣла ихъ
Безъ помощи нарядовъ дорогихъ.

XXVI.

Межъ ними кто ея былъ сердцу ближе,
Или равно для всѣхъ она была
Душею холодна? увидимъ ниже.
Покамѣстъ мирно жизнь она вела,
Не думая о балахъ, о Парижѣ,
Ни о Дворѣ (хоть при Дворѣ жила
Ея сестра двоюродная, Вѣра
Ивановна, супруга гофъ-фурьера).

XXVII.

Но горе вдругъ ихъ посѣтило домъ :
Стряпуха, возвратясь изъ бани жаркой,
Слегла. Напрасно чаемъ и виномъ,
И уксусомъ, и мятною припаркой
Ее лечили. Въ ночь предъ Рождествомъ
Она скончалась. Съ бѣдною кухаркой
Онѣ простились. Въ тотъ же день пришли
За ней, и гробъ на Охту отвезли.

XXVIII.

Объ ней жалѣли въ домѣ, всѣхъ же болѣ
Котъ Васька. Послѣ вдовушка моя
Подумала, что два, три дня, не долѣ —
Жить можно безъ кухарки; что нельзя

Предать свою трапезу Божьей волѣ.
 Старушка кличетъ дочь: «Параша!» — Я! —
 — «Гдѣ взять кухарку? свѣдай у сосѣдки,
 Не знаетъ ли. Дешевыя такъ рѣдки.»

XXIX.

Узнаю, маменька. И вышла вонъ,
 Закутавшись (зима стояла грозно,
 И снѣгъ скрипѣлъ, и синій небосклонъ
 Безоблаченъ, въ звѣздахъ, сіялъ морозно).
 Вдова ждала Парашу долго; сонъ
 Ее клонилъ тихонько; было поздно,
 Когда Параша тихо къ ней вошла,
 Сказавъ: «Вотъ я кухарку привела.»

XXX.

За нею слѣдомъ, робко выступая,
 Короткой юбочкой принарядясь,
 Высокая, собою недурная,
 Шла дѣвушка, и, низко поклонясь,
 Прижалась въ уголъ, фартухъ разбирая.
 — «А что возьмешь?» спросила, обратясь,
 Старуха. — Все, что будетъ вамъ угодно,
 Сказала та смиренно и свободно.

XXXI.

Вдовѣ понравился ея отвѣтъ.
 — «А какъ зовутъ?» — А Маврой. — «Ну, Мавруша,
 Живи у насъ; ты молода, мой свѣтъ;
 Гоняй мужчинъ. Покойница Оеклуша
 Служила мнѣ въ кухаркахъ десять лѣтъ,
 Ни разу долга чести не наруша.»

Ходи за мной, за дочерью моей,
Усердна будь; присчитывать не смѣй.»

XXXII.

Проходитъ день, другой. Въ кухаркѣ толку
Довольно мало: то переварить,
То пережарить, то съ посудой полку
Уронить; вѣчно все пересолить,
Шить сядетъ — не умѣетъ взять иголку;
Ее бранять — она себѣ молчитъ;
Вездѣ во всемъ ужъ какъ нибудь подгадитъ.
Параша бьется, а никакъ не сладитъ.

XXXIII.

Поутру, въ Воскресеенье, мать и дочь
Пошли къ обѣднѣ. Дома лишь осталась
Мавруша; видите ль: у ней всю ночь
Болѣли зубы; чуть жива таскалась;
Корицы нужно было натолочь —
Пирожное испечь она сбиралась.
Ее оставили; но въ церкви вдругъ
На старую вдову нашель испугъ.

XXXIV.

Она подумала: «въ Маврушѣ ловкой
Зачѣмъ къ пирожному припала страсть?
Пирожница, ей-ей, глядитъ плутовкой!
Не вздумала ль она насъ обокрасть,
Да улизнуть? Вотъ будемъ мы съ обновкой
Для праздника! Ахти, какая страсть!»
Такъ думая, старуха обмирала,
И наконецъ, не вытерпѣвъ, сказала:

XXXV.

«Стой тутъ, Параша. Я схожу домой;
 Мнѣ что-то страшно.» Дочь не разумѣла,
 Чего ей страшно. Съ паперти долой
 Чуть-чуть моя старушка не слетѣла;
 Въ ней сердце билось какъ передъ бѣдой,
 Пришла въ лачужку, въ кухню посмотрѣла —
 Мавруши нѣтъ. Вдова къ себѣ въ покой
 Вошла — и что жъ? о Боже! страхъ какой!

XXXVI.

Предъ зеркальцемъ Параша, чинно сидя,
 Кухарка брилась. Что съ моей вдовой?
 «Ахъ, ахъ!» и шлепнулась. Ее увидя,
 Та въ торопяхъ, съ намыленной щекой
 Черезъ старуху (вдовью честь обидя),
 Прыгнула въ сѣни, прямо на крыльцо,
 Да ну бѣжать, закрывъ себѣ лицо.

XXXVII.

Обѣдня кончилась; пришла Параша.
 — «Что, маменька?» — Ахъ, Пашенька моя!
 Маврушка... — «Что, что съ ней?» — «Кухарка наша...
 Опомнись досель не въ силахъ я...
 За зеркальцемъ... вся въ мылѣ...» — Воля ваша,
 Мнѣ право ничего понять нельзя:
 Да гдѣ жъ Мавруша? — «Ахъ, она разбойникъ!
 Она здѣсь брилась!... точно мой покойникъ!» —

XXXVIII.

Параша покраснѣлась или нѣтъ,
 Сказать вамъ не умѣю; но Маврушки
 Съ тѣхъ поръ какъ не было — простылъ и слѣдъ,

Ушла, не взявъ въ уплату ни полушки
И не успѣвъ надѣлать важныхъ бѣдъ.
У красной дѣвушки и у старушки
Кто заступилъ Маврушу? признаюсь,
Не вѣдаю, и кончить тороплюсь.

XXXIX.

— Какъ, развѣ все тутъ? Шутите! — «Ей Богу.»
— Такъ вотъ куда октавы насъ вели!
Къ чему жъ такую подняли тревогу,
Скликали рать и съ похвалбою шли?
Завидную жъ вы избрали дорогу!
Уже ль иныхъ предметовъ не нашли?
Да нѣтъ ли хоть у васъ нравоченья?
«Нѣтъ... или есть — минуточку терпѣнья...»

XL.

Вотъ вамъ мораль : по мнѣнью моему,
Кухарку даромъ нанимать опасно ;
Кто жъ родился мужчиною, тому
Рядиться въ юпку странно и напрасно :
Когданибудь прійдется же ему
Брить бороду себѣ, что несогласно
Съ природой дамской... Больше ничего
Не выжмешь изъ разсказа моего. »

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЯ ОКТАВЫ КЪ ПОВѢСТИ:

ДОМИГЪ ВЪ КОЛОМБЪ.

(КЪ III ОКТАВЪ.)

Modo vir, modo foemina.

У насъ война! Красавцы молодые,
Вы хрипуны.
Сломали ль вы походы боевые?
Видали ль въ Персіи Ширванскій Полкъ?
Ужъ люди! Мелочь, старички кривые,
А въ дѣлѣ всякъ изъ нихъ, что въ стадѣ волкъ!
Всѣ съ ревомъ такъ и лѣзутъ въ бой кровавой:
Ширванскій Полкъ могу сравнить съ октавой.

Поэты Юга, вымысловъ отцы,
Какихъ чудесъ съ октавой не творили?
Но мы лѣнивцы, робкіе пѣвцы,
На мелочахъ мы рифму заморили.
Могучіе намъ чужды образцы.
Мы новыхъ странъ себѣ не покорили,

И нашихъ дней изнѣженный поэтъ,
Чуть смыслить свой уравнивать куплетъ!

Но возвратиться все жъ я не хочу
Къ четырехъстопнымъ ямбама, мѣръ низкой....
Съ гекзаметромъ.... О, съ нимъ я не шучу:
Онъ мнѣ не въ мочь. А стихъ Александрійскій?...
Ужъ не его ль себѣ я залучу?
Извилистый, проворный, длинный, склизкій,
И съ жаломъ даже — точная змія;
Мнѣ кажется, что съ нимъ управлюсь я.

Онъ вынянченъ былъ мамкою не душой:
За нимъ смотрѣлъ степенный Буало,
Шагаль онъ чинно, стянута была цезурой;
Но пудреной питикѣ на зло
Растрепанъ онъ свободно цензурой.
Ученіе не въ прокъ ему пошло:
Hugo съ товарищи, друзья природы,
Его гулять пустили безъ цезуры.

О, чтобъ сказалъ поэтъ законодатель,
Гроза несчастныхъ мелкихъ рифмачей!
И ты Расинъ, безсмертный подражатель,
Пѣвецъ влюбленныхъ женщинъ и царей!
И ты Вольтеръ, философъ и ругатель,
И ты Деминъ — Парнасскій муравей,
Чтобъ вы сказали, сей соблазнъ увидя!
Нашъ вѣкъ обидѣлъ васъ — вашъ стихъ обидя!

У насъ его недавно стали знать.
Кто первый? можете у Телеграфа .

Спросить и хорошенько все узнать.
Онъ годенъ, говорятъ, для эпитафы,
Да можно имъ порою украшать
Гробницы или мраморъ кенотафа;
До нашихъ модъ, благодаря судьбѣ,
Мнѣ дѣла нѣтъ : беру его себѣ!

(Къ Октавъ VIII.)

И тамъ себѣ мы возимся въ грязи,
Торгуемся, бранимся такъ, что любо,
Кто въ одиночку, кто съ другимъ въ связи,
Кто просто вретъ, кто вретъ сугубо....
Но Муза никому здѣсь не грози —
Не то, тебя прижмутъ довольно грубо,
И вмѣсто лестной общей похвалы
Поставятъ въ уголь Сѣверной Пчелы!

Иль наглою, безнравственной, мишурной,
Тебя въ Москвѣ журналы прозовутъ,
Или Газетою Литературной
Ты будешь призвана на барскій судъ.
Вѣдь нынче время споровъ, брани бурной;
Другъ на друга словесники идутъ,
Другъ друга рѣжутъ, другъ друга губятъ,
И хоромъ про свои побѣды трубятъ!

Блаженъ, кто издали глядитъ на всѣхъ,
И ротъ зажавъ, смѣется то надъ тѣми,
То надъ другими. Верхъ земныхъ утѣхъ
Изь-за угла смѣяться надо всѣми!
Но самъ въ толпу не суйся.... или смѣхъ

Плохой ужъ выйдетъ : шутками однѣми,
Тебя, какъ шапками, и врагъ, и другъ,
Соединясь, всѣ закидаютъ вдругъ.

Тогда давай Богъ ноги. Потому-то
Здѣсь имя подписать я не хочу.
Порой я стихъ повертываю круто,
Все жъ видно — не впервой я имъ верчу!
А какъ давно? Того и не скажу-то.
На критиковъ я ѣду, не свищу,
Какъ древній богатырь — а какъ наѣду....
Чтожъ? Поклонюсь и приглашу къ обѣду.

Покамѣстъ можете принять меня
За стараго, обстрѣннаго волка,
Или за молодаго воробья,
За новичка, въ которомъ мало толка.
У васъ въ шкапу, быть можетъ, мнѣ, друзья,
Отведена особенная полка,
А можетъ быть, впервой хочу послать
Свою тетрадку въ мокрую печать.

Ахъ, если бы меня подъ легкой маской,
Никто въ толпѣ забавной не узналъ!
Когда бы за меня своей указкой,
Другаго строгій критикъ пощелкалъ!
Ужъ того-бъ неожиданной развязкой
Я всѣ журналы послѣ взволновалъ!
Но полно, будетъ ли такой мнѣ праздникъ?
Насъ мало. Не укроется, проказникъ!

А вѣроятно не замѣтятъ насъ,
Меня съ октавами моими купно.

Однако жъ намъ пора. Вѣдь я разсказъ
Готовилъ, — а шучу довольно крупно,
И ждать напрасно заставляю васъ.
Языкъ мой, врагъ мой: все ему доступно,
Онъ обо всемъ болтать себѣ привыкъ.
Фригійскій рабъ, на рынкѣ взявъ языкъ,

Сварилъ его (у г-на Копа
Коптятъ его). Езопъ его потомъ
Принесъ на столъ.... Опять, зачѣмъ Езопа
Я впелъ, съ его варенымъ языкомъ,
Въ мои стихи? Что вся прочла Европа,
Нѣтъ нужды вновь бесѣдовать о томъ!
Насиму-то, рифмачъ я безразсудной,
Отдѣламся отъ сей октавы трудной! —

Усядъся, Муза....

IX.

Г А Л У Б Ъ .

(1829.)

Не для бесѣдъ и ликованій,
Не для кровавыхъ совѣщаній,
Не для разспросовъ кунака,
Не для разбойничьей потѣхи
Такъ рано съѣхались Адехи
На дворъ Галуба старика.
Въ нежданной встрѣчѣ сынъ Галуба
Рукой завистника убить
Вблизи развалинъ Ташартуба.
Въ родимой саклѣ онъ лежитъ ;
Обрядъ творится погребальной ;
Звучить уныло пѣснь муллы ;
Въ арбу впряженные волю
Стоять предъ саклею печальной ;
Дворъ полонъ тѣсною толпой ;
Подъемлютъ гости скорбный вой,
И съ плачемъ бьютъ въ нагрудны брони ;

И, внемля шумъ небоевой,
Мянутся спутанные кони,
Всѣ ждуть. Изъ сакли наконецъ
Выходить между жень отецъ,
Два узденя за нимъ выносятъ
На буркѣ хладный трупъ. Толпу
По сторонамъ раздаться просячь,
Слагаютъ тѣло на арбу,
И съ нимъ кладутъ снарядъ воинской:
Неразряженную пицаль,
Колчанъ и лукъ, кинжалъ Грузинской,
И шашки крестовую сталь,
Чтобы крѣпка была могила,
Гдѣ храбрый ляжетъ почивать,
Чтобъ могъ на зовъ онъ Азраила
Исправнымъ воиномъ возстать.

Въ дорогу шествіе готово,
И тронулась арба. За ней
Адехи слѣдуютъ сурово,
Смирная молча пыль коней.
Ужъ потухалъ закатъ огнистой,
Златя нагорныя скалы,
Когда долины каменистой
Достигли тихіе воли.
Въ долину той враждою жадной
Сраженъ наѣздникъ молодой —
Тамъ нынѣ въ тѣни могилы хладной
Онъ ляжетъ, блѣдный и нѣмой....

Ужъ трупъ землею взять. Могила
Завалена. Толпа вокругъ

Мольбы послѣднія творила.
Изъ-за горы явились вдругъ
Старикъ сѣдой, съ нимъ отрокъ стройный.
Даютъ дорогу пришлецу,
И скорбному старикъ отцу
Такъ молвилъ, важный и спокойный :
«Тому прошло тринадцать лѣтъ,
Какъ ты, въ аулъ чужой пришедъ,
Вручилъ мнѣ слабаго младенца,
Чтобъ воспитаньемъ изъ него
Я сдѣлалъ храбраго Чеченца.
Сегодня сына одного
Ты преждевременно хоронишь.
Галубъ, покорень будь судьбѣ!
Другаго я привелъ тебѣ —
Вотъ онъ. Ты голову преклонишь
Къ его могучему плечу,
Свою потерю имъ замѣнишь ;
Труды мои ты самъ оцѣнишь —
Хвалиться ими не хочу.»

Умолкнулъ. Смотритъ торопливо
Галубъ на отрока. Тазитъ,
Главу потупя, молчаливо
Ему недвижимъ предстоить.
И въ горѣ имъ Галубъ любуясь,
Влеченью сердца повинуюсь,
Объемлетъ ласково его.
Потомъ наставника ласкаетъ,
Благодарить и приглашаетъ
Подъ кровлю дома своего.
Три дня, три ночи съ кунаками

т. п.

Его онъ хочетъ угощать,
И послѣ съ честью провожать,
Съ благословеньемъ и дарами.
Ему, отецъ печальный мнить,
Обязанъ благомъ я безцѣннымъ :
Слугой и другомъ неизмѣннымъ,
Могучимъ мстителемъ обидъ.

Проходятъ дни. Печаль заснула
Въ душѣ Галуба. Но Тазитъ
Все дикость прежнюю хранить.
Среди родимаго аула
Онъ все чужой ; онъ цѣлый день
Въ горахъ одинъ молчитъ и бродитъ.
Такъ въ саклѣ пойманный олень
Все въ лѣсъ глядитъ, все въ глушь уходитъ.
Онъ любитъ по крутымъ скаламъ
Скользить, ползти тропой кремнистой,
Внимая бурѣ голосистой
И въ безднѣ воющимъ волнамъ.
Онъ иногда до поздней ночи
Сидитъ, печаленъ, надъ горой,
Недвижно въ даль уставя очи,
Опершись на руку главой.
Какія мысли въ немъ проходятъ?
Чего желаетъ онъ тогда?
Изъ міра дальняго куда
Младые сны его уводятъ?...
Какъ знать? Незрима глубь сердець!
Въ мечтаньяхъ отрокъ своеволенъ,
Какъ вѣтеръ въ небѣ....

Но отецъ

Уже Тазитомъ не доволенъ.
«Гдѣ жъ, мыслить онъ, въ немъ плодъ наукъ,
Отважность, хитрость и проворство,
Лукавый умъ, и сила рукъ?
Въ немъ только лѣнь и непокорство.
Иль сына взоръ мой не проникъ,
Иль обманулъ меня старикъ?»

Тазитъ изъ табуна выводитъ
Коня, любимца своего.
Два дня въ аулѣ нѣтъ его,
На третій онъ домой приходитъ.

Отецъ.

Гдѣ былъ ты, сынъ?

Сынъ.

Въ ущельи скалъ,
Гдѣ прорванъ каменистый берегъ,
И путь открытъ на Даріаль.

Отецъ.

Что дѣлалъ тамъ?

Сынъ.

Я слушалъ Терекъ.

Отецъ.

А не видалъ ли ты Грузинъ,
Иль Русскихъ?

СЫНЪ.

Видѣлъ я, съ товаромъ
Тифлисскаго халъ Армянинъ.

ОТЕЦЪ.

Онъ былъ со стражей?

СЫНЪ.

Нѣтъ, одинъ.

ОТЕЦЪ.

Зачѣмъ нечаяннымъ ударомъ
Не вздумалъ ты свалить его,
И не прыгнулъ къ нему съ утеса?

Потушилъ очи сынъ Черкеса,
Не отвѣчая ничего.

Тазитъ опять коня сѣдмаетъ,
Два дня, двѣ ночи пропадаетъ,
Потомъ является домой.

ОТЕЦЪ.

Гдѣ былъ?

СЫНЪ.

За Бѣлою-горой.

ОТЕЦЪ.

Кого ты встрѣтилъ?

Сынъ.

На курганѣ
Отъ насъ бѣжавшаго раба.

Отецъ.

О, милосердая судьба!
Гдѣ жъ онъ? уже ли на арканѣ
Ты бѣглеца не притащилъ?

Тазитъ опять главу склонилъ.
Галубъ нахмурился въ молчаньѣ,
Но скрылъ свое негодованье.
«Нѣтъ, мыслить онъ, не замѣнить
Онъ никогда другаго брата!
Не научился мой Тазитъ,
Какъ шашкой добываютъ злата;
Ни стадъ моихъ, ни табуновъ
Не надѣлятъ его разъѣзды,
Онъ только знаетъ безъ трудовъ
Внимать волнамъ, глядѣть на звѣзды,
А не въ набѣгахъ отбивать
Коней съ Нагайскими быками,
И съ боя взятыми рабами
Суда въ Анапѣ нагружать.»

Тазитъ опять коня сѣдмаетъ,
Два дня, двѣ noci пропадаетъ,
На третій, блѣденъ какъ мертвецъ,
Приходитъ онъ домой. Отецъ,
Его увидя, вопрошаетъ:
Гдѣ былъ ты?

ГАЛУБЪ.

Сынъ.

Около станицъ
Кубани, близъ лѣсныхъ границъ.

.....

Отецъ.

Кого ты видѣлъ?

Сынъ.

Супостата.

Отецъ.

Кого, кого?

Сынъ.

Убійцу брата.

Отецъ.

Убійцу сына моего?...
Тазить! гдѣ голова его?
Дай, нагляжусь!

Сынъ.

Убійца былъ
Одинъ, израненъ, безоруженъ....

Отецъ.

Ты долга крови не забылъ....
Врага ты навзничь опрокинулъ....
Не правда ли? ты шашку вынулъ,
Ты въ горло сталь ему воткнулъ,
И трижды тихо повернулъ?
Упился ты его стenanьемъ,

Его змѣинымъ издыханьемъ?...
Гдѣ жъ голова? подай!... Нѣтъ силъ....

Но сынъ молчитъ, потупя очи.
И сталъ Галубъ чернѣе ночи,
И сыну грозно возопилъ :

«Поди ты прочь — ты мнѣ не сынъ,
Ты не Чеченецъ, ты старуха,
Ты трусь, ты рабъ, ты Армянинъ :
Будь проклятъ мной! — Поди, чтобъ слуха
Никто о робкомъ не имѣлъ,
Чтобъ вѣчно ждалъ ты грозной встрѣчи,
Чтобъ мертвый братъ тебѣ на плечи
Окровавленной кошкой сѣлъ,
И къ безднѣ гналъ тебя нещадно ;
Чтобъ ты, какъ раненый олень,
Бѣжалъ, тоскуя безотрадно ;
Чтобъ дѣти Русскихъ деревень
Тебя веревкою поймали,
И какъ волченка затерзали —
Чтобъ ты.... Бѣги, бѣги скорѣй!
Не оскверняй моихъ очей!»
Сказалъ и на земь легъ — и очи
Закрывъ, и такъ лежалъ до ночи.
Когда же приподнялся онъ,
Былъ темень синій небосклонъ.

Ущелій горныхъ поселенцы
Въ долину шумно собрались ;
Привычны игры начались :
Верхами юные Чеченцы,

Въ пыли несясь во весь опоръ,
Стрѣлою шапку пробиваютъ,
Иль трижды сложенный коверъ
Булатомъ съ разу разсѣкаютъ,
То скользкой тѣшатся борьбой,
То пляской быстрой. Жены, дѣвы
Межъ тѣмъ поютъ — и гуль лѣсной
Далече вторитъ ихъ напѣвы.
Но между юношей — одинъ
Забавъ наѣздничьихъ не дѣлитъ,
Верхомъ не мчится вдоль стремнинъ,
Изъ лука звонкаго не цѣлитъ.
Но между дѣвами — одна
Молчитъ, уныла и блѣдна.
Они въ толпѣ четою странной
Стоять, не видя ничего.
И горе имъ : онъ — сынъ изгнанный,
Она — любовница его....
О, было время!... Съ ней украдкой
Видался юноша въ горахъ ;
Онъ пилъ огонь отравы сладкой
Въ ея смятеньи, въ рѣчи краткой,
Въ ея потупленныхъ очахъ,
Когда съ домашняго порогу
Она смотрѣла на дорогу
Съ подружкой рѣзвой говоря,
И вдругъ садилась и блѣднѣла,
И отвѣчая не глядѣла,
И разгаралась какъ заря ;
Или у водъ когда стояла,
Текущихъ съ каменныхъ вершинъ,
И долго кованый кувшинъ

Волною звонкой наполняла....
И онъ, невластный превозмочь
Волнений сердца, разъ приходитъ
Къ ея отцу, его отводитъ
И говоритъ : «Твоя мнѣ дочь
Давно мила; по ней тоскуя,
Одинъ и сиръ давно живу я;
Благослови любовь мою,
Я бѣденъ — но могучъ и молодъ,
Я агнецъ дома, звѣрь въ бою;
Къ намъ въ саклю не впущу я голодъ *);
Тебѣ я буду сынъ и другъ
Послушный, преданный и нѣжный,
Твоимъ сынамъ кунакъ надежный,
А ей приверженный супругъ....»

*) Въ рукописи: «Мнѣ трудъ легокъ. Я удаю
Отъ нашей сакли тощій голодъ.»

Х.

РОДОСЛОВНАЯ МОЕГО ГЕРОЯ.

(ОТРЫВОКЪ ИЗЪ САТИРИЧЕСКОЙ ПОЭМЫ.)

(1833.)

Начнемъ ab ovo :

Мой Езерскій
Происходилъ отъ тѣхъ вождей,
Чей въ древни вѣки парусъ дерзкій
Поработилъ брега морей.
Одильфъ, его начальникъ рода,
Вельми бѣ грозенъ воевода
(Гласить Софійскій хронографъ).
При Ольгѣ, сынъ его Варлафъ
Пріялъ крещенье въ Цареградѣ
Съ приданымъ Греческой княжны.
Отъ нихъ два сына рождены,
Якубъ и Дорофей. Въ засадѣ
Убить Якубъ, а Дорофей
Родилъ двѣнадцать сыновей.

Ондрей, по прозвищу Езерскій,
 Родилъ Ивана да Илью,
 И въ Лаврѣ схимился Печерской.
 Отсель фамилію свою
 Ведутъ Езерскіе. При Калкѣ
 Одинъ изъ нихъ былъ схваченъ въ свалкѣ,
 И тамъ раздавленъ какъ комаръ
 Задами тяжкими Татаръ.
 За то на Куликовомъ полѣ
 Другой Езерскій, Елизаръ,
 Упился кровію Татаръ,
 Между Непрядвою и Дономъ,
 Ударя съ тыла въ таборъ ихъ
 Съ дружиной Суздальцевъ своихъ.

Въ вѣка старинной нашей славы,
 Какъ и въ худыя времена,
 Крамоль и смуть во дни кровавы
 Блестятъ Езерскихъ имена.
 Они и въ войскѣ, и въ совѣтѣ,
 На воеводствѣ и въ отвѣтѣ *)
 Служили доблестно Царямъ.
 Изъ нихъ Езерскій Варлаамъ
 Гордыней славился боярской;
 За споръ то съ тѣмъ онъ, то съ другимъ,
 Съ большимъ безчестьемъ выводимъ
 Бывалъ изъ-за трапезы Царской,
 Но снова шелъ подъ тяжкій гнѣвъ
 И умеръ, Сицкихъ *перестъв* **).

*) Въ посольствѣ.

**) *Перестъв* кого, старинное выраженіе, значитъ занять мѣсто выше.

Когда отъ Думы величавой
Пріяль Романовъ свой вѣнецъ,
Какъ подъ отеческой державой
Русь отдохнула наконецъ,
А наши вороги смирились, —
Тогда Езерскіе явились
Въ великой силѣ при Дворѣ,
При Императорѣ Петрѣ....
Но извините, статья можетъ,
Читатель, вамъ я досадилъ ;
Вашъ умъ духъ вѣка просвѣтилъ,
Васъ епѣсь дворянская не гложетъ,
И нужды нѣтъ вамъ никакой
До вашей книги родовой.

Кто бъ ни былъ вашъ родоначальникъ
Мстиславъ, князь Курбскій, иль Ермакъ,
Или Митюшка цаловальникъ,
Вамъ все равно. Конечно, такъ :
Вы презираете отцами,
Ихъ славой, честію, правами —
Великодушно и умно ;
Вы отреклись отъ нихъ давно,
Прямаго просвѣщенья ради,
Гордясь (какъ общей пользы другъ)
Красою *собственныхъ заслугъ*,
Звѣздой двоюроднаго дяди,
Иль приглашеніемъ на балъ
Туда, гдѣ дѣдъ вашъ не бывалъ.

Я самъ, хотъ въ книжкахъ и словесно
Собратья надо мной трунять,

Я мѣщанинъ, какъ вамъ извѣстно,
И въ этомъ смыслѣ демократъ ;
Но каюсь : новый Ходаковской * ,
Люблю отъ бабушки Московской
Я толки слушать о роднѣ,
О толстобрюхой старинѣ.
Мнѣ жаль, что нашей славы звуки
Уже намъ чужды ; что спроста
Изъ баръ мы лѣземъ въ tiers-état ;
Что намъ не въ прокъ пошли науки ,
И что спасибо намъ за то
Не скажетъ, кажется, никто.

Мнѣ жаль, что тѣхъ родовъ боярскихъ
Блѣднѣетъ блескъ и никнетъ духъ ;
Мнѣ жаль, что нѣтъ князей Пожарскихъ,
Что о другихъ пропалъ и слухъ ;
Что ихъ поносить и Фигляринъ ;
Что Русскій вѣтренный бояринъ
Считаетъ грамоты Царей
За пыльный сборъ календарей ;
Что въ нашемъ теремѣ забытомъ
Растетъ пустынная трава ;
Что геральдическаго льва
Демократическимъ копытомъ
Теперь лягаетъ и осель :
Духъ вѣка вотъ куда зашелъ !

Вотъ почему, архивы роя,
Я разбиралъ въ досужій часъ

*) Извѣстный любитель древности, умершій нѣсколько лѣтъ
тому назадъ.

Всю родословную героя,
О комъ затѣялъ свой рассказъ,
И здѣсь потомству заповѣдалъ.
Езерскій самъ же твердо вѣдалъ,
Что дѣдъ его, великій мужъ,
Имѣлъ двѣнадцать тысячъ душъ;
Изъ нихъ отцу его досталась
Осьмая часть, и та сполна
Была давно заложена,
И ежегодно продавалась;
А самъ онъ жалованьемъ жилъ,
И регистраторомъ служилъ.

XI.

ШЪДНЫЙ ВСАДНИКЪ.

(ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПОВѢСТЬ.)

(1833.)

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Происшествіе, описанное въ сей повѣсти, основано на истинѣ. Подробности наводненія заимствованы изъ тогдашнихъ журналовъ. Любопытные могутъ справиться съ извѣстіемъ, составленнымъ В. И. Берхомъ.

ВСТУПЛЕНІЕ.

На берегу пустынныхъ волнъ
Стоялъ Онъ, думъ великихъ полнъ,
И вдалъ глядѣль. Предъ Нимъ широко
Рѣка неслася ; бѣдный чолнъ

По ней стремился одиноко.
 По мшистымъ, топкимъ берегамъ,
 Чернѣли избы здѣсь и тамъ,
 Приютъ убогаго Чухонца;
 И лѣсъ, невѣдомый лучамъ
 Въ туманѣ спрятаннаго солнца,
 Кругомъ шумѣлъ :

И думалъ Онъ :

«Отсель грозить мы будемъ Шведамъ;
 Здѣсь будетъ городъ заложенъ,
 На зло надменному сосѣду;
 Природой здѣсь намъ суждено
 Въ Европу прорубить окно ¹⁾,
 Ногою твердой стать при морѣ;
 Сюда, по новымъ имъ волнамъ,
 Всѣ флаги въ гости будутъ къ намъ —
 И запируемъ на просторѣ.»

Прошло сто лѣтъ — и юный градъ,
 Полнощныхъ странъ краса и диво,
 Изъ тмы лѣсовъ, изъ топи блать
 Вознесся пышно, горделиво :
 Гдѣ прежде Финскій рыболовъ,
 Печальный пасынокъ природы,
 Одинъ у низкихъ береговъ
 Бросалъ въ невѣдомыя воды
 Свой ветхій неводъ, нынѣ тамъ,
 По оживленнымъ берегамъ,
 Громады стройныя тѣсняются

¹⁾ Альгаротти гдѣ-то сказалъ : Pétersbourg est la fenêtre, par laquelle la Russie regarde en Europe.

Дворцовъ и башень; корабли
Толпой со всѣхъ концовъ земли
Къ богатымъ пристанямъ стремятся;
Въ гранитъ одѣлася Нева;
Мосты повисли надъ водами;
Темнозелеными садами
Ея покрылись острова —
И передъ младшею столицей
Главой склонилася Москва,
Какъ передъ новою царицей
Порфиросная вдова.

Люблю тебя, Петра творенье ²⁾;
Люблю твой строгій, стройный видъ,
Невы державное теченье,
Береговой ея гранитъ,
Твоихъ оградъ узоръ чугунный,
Твоихъ задумчивыхъ ночей
Прозрачный сумракъ, блескъ безлунный,
Когда я въ комнатѣ моей
Пишу, читаю безъ лампы,
И ясны спящія громады
Пустынныхъ улицъ, и свѣта
Адмиралтейская игла,
И, не пуская тму ночную
На золотыя небеса,
Одна заря смѣнить другую
Спѣшитъ, давъ ночи полчаса;
Люблю зимы твоей жестокой
Недвижный воздухъ и морозъ,

²⁾ См. стихи К. Вяземскаго къ Графинѣ Э***.

Бѣгъ санокъ вдоль Невы широкой,
Дѣвичьи лица ярче розъ,
И блескъ, и шумъ, и говоръ баловъ,
А въ часъ пирушки холостой,
Шипѣнье пѣнистыхъ бокаловъ
И пунша пламень голубой;
Люблю воинственную живость
Потѣшныхъ Марсовыхъ полей,
Пѣхотныхъ ратей и коней
Однообразную красоту,
Въ ихъ стройно-зыблемомъ строю
Лоскутья сихъ знаменъ побѣдныхъ,
Сіянье шапокъ этихъ мѣдныхъ,
Насквозь прострѣленныхъ въ бою;
Люблю, военная столица,
Твоей твердыни дымъ и громъ,
Когда Полнощная Царица
Даруетъ сына въ Царскій домъ,
Или побѣду надъ врагомъ
Россія снова торжествуетъ,
Или, взломавъ свой синій ледъ,
Нева къ морямъ его несетъ
И, чуя вешни дни, ликуетъ.

Красуйся, градъ Петровъ, и стой
Неколебимо, какъ Россія!
Да умирится же съ тобой
И побѣжденная стихія:
Вражду и плѣнь старинный свой
Пусть волны Финскія забудутъ,
И тщетной злобою не будутъ
Тревожить вѣчный сонъ Петра!

Была ужасная пора :
Объ ней свѣжо воспоминае...
Объ ней, друзья мои, для васъ
Начну свое повѣствованье.
Печалень будетъ мой рассказъ....

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Надъ омраченнымъ Петроградомъ
Дышалъ Ноябрь осеннимъ хладомъ ;
Плеская шумною волной
Въ края своей ограды стройной,
Нева металась, какъ больной
Въ своей постелѣ безпокойной ;
Ужь было поздно и темно ;
Сердито бился дождь въ окно,
И вѣтеръ дулъ, печально воя.
Въ то время изъ гостей домой
Пришелъ Евгенийъ молодой....
Мы будемъ нашего героя
Звать этимъ именемъ, оно
Звучить пріятно ; съ нимъ давно
Мое перо ужъ какъ-то дружно ;
Прозванья намъ его не нужно —
Хотя въ минувши времена
Оно, быть можетъ, и блистало,
И подъ перомъ Карамзина
Въ родныхъ преданьяхъ прозвучало ;

Но нынѣ свѣтомъ и молвой
Оно забыто. Нашъ герой
Живеть въ Коломнѣ, гдѣ-то служить,
Дичится знатныхъ, и не тужить
Ни о покойницѣ роднѣ,
Ни о забытой старинѣ.

И такъ домой пришедъ, Евгений
Стряхнулъ шинель, раздѣлся, легъ —
Но долго онъ заснуть не могъ
Въ волненьи разныхъ размышлений.
О чемъ же думалъ онъ? О томъ,
Что былъ онъ бѣденъ, что трудомъ
Онъ долженъ былъ себѣ доставить
И независимость, и честь;
Что могъ бы Богъ ему прибавить
Ума и денегъ; что вѣдь есть
Такіе праздные счастливы,
Ума недальняго, лѣнивцы,
Которымъ жизнь куда легка!
Что служить онъ всего два года;
Онъ также думалъ, что погода
Не унималась, что рѣка
Все прибывала; что едва ли
Съ Невы мостовъ уже не сняли,
И что съ Парашей будетъ онъ
Дня на два, на три разлученъ.

Такъ онъ мечталъ. И грустно было
Ему въ ту ночь, и онъ желалъ,
Чтобъ вѣтеръ вылъ не такъ уныло,
И чтобы дождь въ окно стучалъ

Не такъ сердито....

Сонны очи

Онъ наконецъ закрылъ. И вотъ
Рѣдѣетъ мгла ненастной ночи,
И блѣдный день ужъ настаетъ....
Ужасный день!

Нева всю ночь ³⁾

Рвалася къ морю противъ бури,
Не одолѣвъ ихъ буйной дури....
И спорить стало ей не въ мочь....
Поутру надъ ея берегами
Тѣснился кучами народъ,
Любуясь брызгами, горами
И пѣной разъяренныхъ водъ.
Но силой вѣтра отъ залива
Перегражденная Нева
Обратно шла гнѣвна, бурлива,
И затопляла острова;
Погода пуще свирѣпѣла;
Нева вздувалась и ревѣла,
Котломъ клопоча и клубясь —
И вдругъ, какъ звѣрь остервенясь,
На городъ кинулась. Предъ нею
Все побѣжало, все вокругъ
Вдругъ опустѣло.... Воды вдругъ
Втекли въ подземные подвалы;

³⁾ Мицкевичъ прекрасными стихами описалъ день, предшествовавшій Петербургскому наводненію (въ одномъ изъ лучшихъ своихъ стихотвореній Oleszkiewicz). Жаль только, что описаніе его не точно: снѣгу не было, Нева не была покрыта льдомъ. Наше описаніе вѣрнѣе, хотя въ немъ и нѣтъ яркихъ красокъ Польскаго поэта.

Къ рѣшеткамъ хлынули каналы —
И всплылъ Петрополь, какъ Тритонъ
По поясъ въ воду погруженъ

Осада! приступъ! Злая волны
Какъ воры, лѣзутъ въ окна; чомны
Съ разбѣга стекла бьютъ кормой;
Садки подъ мокрой пеленой,
Обломки хижинъ, бревна, кровли,
Товаръ запасливой торговли,
Пожитки блѣдной нищеты,
Грозой снесенные мосты,
Гробы съ размытаго кладбища
Плывутъ по улицамъ!

Народъ

Зритъ Божій гнѣвъ и казни ждетъ.
Увы! все гибнетъ: кровь и пища.
Гдѣ будетъ взять?

Въ тотъ грозный годъ

Покойный Царь еще Россіей
Со славой правилъ. На балконъ
Печалень, смутенъ вышелъ Онъ
И молвилъ: «Съ Божіей стихіей
Царямъ не совладѣть». Онъ сѣлъ,
И въ думѣ скорбными очами
На злое бѣдствіе глядѣлъ.
Стояли стогны озерами,
И въ нихъ широкими рѣками
Вливались улицы. Дворецъ
Казался островомъ печальнымъ.
Царь молвилъ — изъ конца въ конецъ,
По ближнимъ улицамъ и дальнымъ,

Въ опасный путь средь бурныхъ водъ
Его пустились генералы ⁴⁾
Спасать и страхомъ обуялый
И дома тонуцій народъ.

Тогда на площади Петровой —
Гдѣ домъ въ углу вознесся новый,
Гдѣ надъ возвышеннымъ крыльцомъ
Съ подъятой лапой, какъ живые,
Стоять два льва*сторожевые —
На звѣрѣ мраморномъ верхомъ,
Безъ шляпы, руки сжавъ крестомъ,
Сидѣлъ недвижный, страшно блѣдный
Евгеній. Онъ страшился, блѣдный,
Не за себя. Онъ не слыхалъ,
Какъ поднимался жадный валъ,
Ему подошвы подмывая,
Какъ дождь ему въ лице хлесталъ;
Какъ вѣтеръ, буйно завывая,
Съ него и шляпу вдругъ сорвалъ.
Его отчаянные взоры
На край одинъ наведены
Недвижно были. Словно горы,
Изъ возмущенной глубины
Вставали волны тамъ и злились,
Тамъ буря выла, тамъ носились
Обломки... Боже, Боже! тамъ —
Увы! близехонько къ волнамъ,
Почти у самага залива —
Заборъ некрашенный, да ива

⁴⁾ Графъ Милорадовичъ и Генералъ-Адъютантъ Бенкендорфъ.

И ветхій домикъ : тамъ онѣ,
Вдова и дочь, его Параша,
Его мечта.... Или во снѣ
Онѣ это видитъ? иль вся наша
И жизнь ничто, какъ сонъ пустой,
Насмѣшка рока надъ землей?
И онѣ, какъ будто околдованъ,
Какъ будто къ мрамору прикованъ,
Сойти не можетъ! Вкругъ него
Вода — и больше ничего.
И обращенъ къ нему спиною
Въ неколебимой вышинѣ,
Надъ возмущенною Невою,
Сидитъ съ простертою рукою
Гигантъ на бронзовомъ конѣ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Но вотъ насытятся разрушеньемъ
И наглымъ буйствомъ утомясь,
Нева обратно повлеклась,
Своимъ любуясь возмущеньемъ
И покидая съ небреженьемъ
Свою добычу. Такъ злодѣй,
Съ свирѣпой шайкою своей
Въ село ворвавшись, ловить, рѣжетъ,
Крушитъ и грабитъ; вопли, скрежетъ,
Насилье, брань, тревога, вой!...

И грабежемъ отягощенны,
Боясь погони, утомленны,
Спѣшать разбойники домой,
Добычу на пути роняя.

Вода сбыла, и мостовая
Открылась. И Евгений мой
Спѣшитъ, душею замирая,
Въ надеждѣ, страхѣ и тоскѣ
Къ едва смирившейся рѣкѣ.
Но торжествомъ побѣды полны,
Еще кипѣли злобно волны,
Какъ бы подъ ними тлѣлъ огонь;
Еще ихъ пѣна покрывала,
И тяжело Нева дышала,
Какъ съ битвы прибѣжавшій конь.
Евгений смотритъ — видитъ лодку;
Онъ къ ней бѣжитъ какъ на находку;
Онъ перевозчика зоветъ —
И перевозчикъ беззаботной
Его, за гривенникъ, охотно
Черезъ волны страшныя везетъ.

И долго съ бурными волнами
Боролся опытный гребецъ,
И скрыться въ глубь межъ ихъ рядами
Всечасно съ дерзкими пловцами
Готовъ былъ чолнъ — и наконецъ
Достигъ онъ берега.

Несчастный

Знакомой улицей бѣжитъ
Въ мѣста знакомыя. Глядитъ....

Узнать не можетъ : видъ ужасный!
Все передъ нимъ завалено,
Что сброшено, что снесено;
Скривились домики, другіе
Совсѣмъ обрушились; иные
Волнами сдвинуты; кругомъ,
Какъ будто въ полѣ боевомъ,
Тѣла валяются. Евгений
Стремглавъ, не помня ничего,
Изнемогая отъ мученій,
Бѣжить туда, гдѣ ждетъ его
Судьба съ невѣдомымъ извѣстьемъ,
Какъ съ запечатаннымъ письмомъ.
И вотъ бѣжить ужъ онъ предмѣстьемъ,
И вотъ заливъ, и близокъ домъ....
Что жъ это?

Онъ остановился,
Пошелъ назадъ — и воротился.
Глядитъ.... идетъ.... еще глядитъ :
Вотъ мѣсто, гдѣ ихъ домъ стоитъ ;
Вотъ ива. Были здѣсь ворота,
Снесло ихъ, видно. Гдѣ же домъ?
И полонъ сумрачной заботы,
Все ходитъ, ходитъ онъ кругомъ,
Толкуетъ громко самъ съ собою —
И вдругъ удара въ лобъ рукою,
Захоталъ.

Ночная мгла
На городъ трепетный сошла;
Но долго жители не спали
И межъ собою толковали
О днѣ минувшемъ.

Утра лучь

Изъ-за усталыхъ блѣдныхъ тучь
Блеснулъ надъ тихою столицей —
И не нашель уже слѣдовъ
Бѣды вчерашней. Багряницей
Уже прикрыто было зло.
Въ порядокъ прежній все вошло.
Уже по улицамъ свободнымъ,
Съ своимъ безчувствіемъ холоднымъ,
Ходилъ народъ. Чиновный людъ,
Покинувъ свой ночной приютъ,
На службу шелъ. Торгашъ отважный,
Не унывая, открывалъ
Невой ограбленный подвалъ,
Сбираясь свой убытокъ важный
На ближнемъ вымѣстить. Съ дворовъ
Свозили лодки.

Графъ Хвостовъ,
Поэтъ, любимый небесами,
Ужъ пѣлъ безсмертными стихами
Несчастье Невскихъ береговъ.

Но бѣдный, бѣдный мой Евгений....
Увы! его смятенный умъ
Противъ ужасныхъ потрясеній
Не устоялъ. Мятежный шумъ
Невы и вѣтровъ раздавался
Въ его ушахъ. Ужасныхъ думъ
Безмолвно полонъ, онъ скитался;
Его терзалъ какой-то сонъ.
Прошла недѣля, мѣсяцъ — онъ
Къ себѣ домой не возвращался.

Его пустынный уголокъ
Отдалъ въ наймы, какъ вышелъ срокъ,
Хозяинъ бѣдному поэту.
Евгеній за своимъ добромъ
Не приходилъ. Онъ скоро свѣту
Сталъ чуждъ. Весь день бродилъ пѣшкомъ,
А спалъ на пристани ; питался
Въ окошко поданнымъ кускомъ ;
Одежда ветхая на немъ
Рвалась и тлѣла. Злыя дѣти
Бросали камни вслѣдъ ему ;
Нерѣдко кучерскія плети
Его стегали, потому
Что онъ не разбиралъ дороги
Ужъ никогда ; казалось, онъ
Не примѣчалъ. Онъ оглушенъ
Былъ шумомъ внутренней тревоги.
И такъ онъ свой несчастный вѣкъ
Влачилъ — ни звѣрь, ни человѣкъ,
Ни то, ни сѣ — ни житель свѣта,
Ни призракъ мертвый...

Разъ онъ спалъ

У Невской пристани. Дни лѣта
Клонились къ осени. Дышалъ
Ненастный вѣтеръ. Мрачный валъ
Плескалъ на пристань, ропща пѣни
И бясь о гладкія ступени,
Какъ челобитчикъ у дверей
Ему невнемлющихъ судей.
Бѣднякъ проснулся. Мрачно было ;
Дождь капалъ ; вѣтеръ вылъ уныло —
И съ нимъ вдали, во тмѣ ночной,

Перекликался часовой....
Вскочилъ Евгеній , вспомнилъ живо
Онъ прошлый ужасъ ; торопливо
Онъ всталъ ; пошелъ бродить, и вдругъ
Остановился, и вокругъ
Тихонько сталъ водить очами
Съ боязнию дикой на лицѣ.
Онъ очутился подъ столбами
Большаго дома. На крыльцѣ
Съ поднятой лапой, какъ живые,
Стояли львы сторожевые,
И прямо въ темной вышинѣ,
Надъ огражденною скалою,
Гигантъ съ простертою рукою
Сидѣлъ на бронзовомъ конѣ ⁵.

Евгеній вздрогнулъ. Прояснились
Въ немъ страшно мысли. Онъ узналъ
И мѣсто, гдѣ потоцъ игралъ,
Гдѣ волны хищныя толпились,
Бунтуя злобно вокругъ него,
И львовъ, и площадь, и Того,
Кто неподвижно возвышался
Во мракѣ мѣдною главой,
Того, чьей волей роковой
Подъ моремъ городъ основался....
Ужасенъ онъ въ окрестной мглѣ!
Какая дума на челѣ!
Какая сила въ немъ сокрыта!

⁵) См. описаніе памятника въ Мицкевичѣ. Оно заимствовано изъ Рубана — какъ замѣчаетъ самъ Мицкевичъ.

А въ семь конѣ какой огонь!
 Куда ты скачешь, гордый конь,
 И гдѣ опустишь ты копыта?
 О, мощный властелинъ судьбы!
 Не такъ ли ты надъ самой бездной,
 На высотѣ, уздой желѣзной....

Кругомъ подножія кумира
 Безумецъ бѣдный обошелъ,
 И взоры дикіе навелъ
 На ликъ Державца полуміра.
 Стѣснялась грудь его. Чело
 Къ рѣшеткѣ хладной прилегло,
 Глаза подернулись туманомъ,
 По сердцу пламень пробѣжалъ,
 Вскипѣла кровь : онъ мрачно сталъ
 Предъ горделивымъ истуканомъ —
 И зубы стиснувъ, пальцы сжавъ,
 Какъ обуянный силой черной :
 « Добро, строитель чудотворный ! »
 Шепнулъ онъ, злобно задрожавъ....
 И вдругъ стремглавъ
 Бѣжать пустился. Показалось
 Ему, что грознаго Царя,
 Мгновенно гнѣвомъ возгоря,
 Лице тихонько обрацалось....
 И онъ по площади пустой
 Бѣжитъ, и слышитъ за собой,
 Какъ будто грома грохотанье,
 Тяжело-звонкое скаканье
 По потрясенной мостовой —

И, озаренъ луною блѣдной,
Простерши руку въ вышинѣ,
За нимъ несется Всадникъ Мѣдный
На звонко-скачущемъ конѣ —
И во всю ночь, безумецъ бѣдный
Куда стопы ни обращалъ,
За нимъ повсюду Всадникъ Мѣдный
Съ тяжелымъ топотомъ скакалъ.

И съ той поры, когда случалось
Итти той площадью ему,
Въ его лицѣ изображалось
Смятенье ; къ сердцу своему
Онъ прижималъ поспѣшно руку
Какъ бы его смиряя муку ;
Картузъ изношенный снималъ,
Смущенныхъ глазъ не поднималъ,
И шелъ сторонкой.

Островъ малый

На взморьѣ видѣнъ. Иногда
Причалитъ съ неводомъ туда
Рыбакъ, на ловлѣ запоздалый,
И бѣдный ужинъ свой варитъ ;
Или чиновникъ посѣтитъ,
Гуляя въ лодкѣ, въ воскресенье,
Пустынный островъ. Не взросло
Тамъ ни былинки. Наводнейше
Туда, играя, занесло
Домишко ветхій. Надъ водою
Остался онъ какъ черный кустъ —
Его прошедшею весною
Свели на баркѣ. Былъ онъ пусть

И весь разрушень. У порога
Нашли безумца моего....
И тутъ же хладный трупъ его
Похоронили, ради Бога.

31 Ноября 1833. Болдино.

Историческая повесть

ХІІ.

А Н Д Ж Е Л О.

(1833.)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

І.

Въ одномъ изъ городовъ Италиі счастливой
Когда-то властвовалъ предобрый, старый Дукъ,
Народа своего отецъ чадолюбивый,
Другъ мира, истины, художествъ и наукъ.
Но власть верховная не терпитъ слабыхъ рукъ,
А добротѣ своей онъ слишкомъ предавался.
Народъ любилъ его, и вовсе не боялся.
Въ судѣ его дремалъ карающій Законъ,
Какъ дряхлый звѣрь, уже къ ловитвѣ неспособный.
Дукъ это чувствовалъ въ душѣ своей незлобной,
И часто сѣтовалъ. Самъ ясно видѣлъ онъ,
Что хуже дѣдушекъ съ дня на день были внуки,

**

Что грудь кормилицы ребенокъ ужъ кусалъ,
Что правосудіе сидѣло сложа руки
И по носу его лѣнивый не щелкалъ.

II.

Нерѣдко добрый Дукъ, раскаяньемъ смущенный,
Хотѣлъ возстановить порядокъ упущенный;
Но какъ? Зло явное, терпимое давно,
Молчаніемъ суда уже дозволено,
И вдругъ его казнить совсѣмъ несправедливо
И странно было бы, тому-же особливо,
Кто первый самъ его потворствомъ ободрялъ.
Что дѣлать? Долго Дукъ терпѣлъ и размышлялъ.
Размысливъ наконецъ, рѣшился онъ на время
Предать инымъ рукамъ верховной власти бремя,
Чтобъ новый властелинъ расправой новой могъ
Порядокъ вдругъ завести, и былъ бы крутъ и строгъ.

III.

Былъ нѣкто Анджело, мужъ опытный, не новый
Въ искусствѣ властвовать, обычаемъ суровый,
Блѣднѣющій въ трудахъ, ученьи и постѣ,
За нравы строгіе прославленный вездѣ,
Стѣснившій весь себя оградой законной,
Съ нахмуреннымъ лицомъ и съ волей непреклонной.
Его-то старый Дукъ намѣстникомъ нарекъ,
И въ ужасъ ополчилъ и милостью облекъ,
Неограниченны права ему вручая.
А самъ, докучнаго вниманья избѣгая,
Съ народомъ не простясь, *incognito*, одинъ
Пустился странствовать, какъ древній Паладинъ.

IV.

Лишь только Анджело вступилъ во управленье,
И все тотчасъ другимъ порядкомъ потекло,
Пружины ржавыя опять пришли въ движенье,
Законы поднялись, хватая въ когти зло;
На полныхъ площадяхъ, безмолвныхъ отъ боязни,
По Пятницамъ пошли разыгрываться казни,
И ухо сталъ себѣ почесывать народъ
И говорить : хе, хе, да этотъ ужъ не тотъ !

V.

Между законами, забытыми въ ту пору,
Жестокій былъ одинъ : законъ сей изрекалъ
Прелюбодѣю смерть. Такого приговору
Въ томъ городѣ никто не помнилъ, не слышалъ.
Угрюмый Анджело въ громадѣ уложенья
Отрылъ его, и въ страхъ повѣсамъ городскимъ
Опять его на свѣтъ пустилъ для исполненья,
Сурово говоря помощникамъ своимъ :
«Пора намъ зло пугнуть. Въ балованномъ народѣ
Преобратилися привычки ужъ въ права,
И шмыгаютъ кругомъ закона на свободѣ,
Какъ мыши около зѣвающаго льва.
Законъ не долженъ быть пужало изъ тряпицы,
На коемъ наконецъ уже садятся птицы.»

VI.

Такъ Анджело на всѣхъ навелъ невольно дрожь.
Роптали вообще, смѣялась молодежь,
И въ шуткахъ строгаго вельможи не щадила,
Мѣжъ тѣмъ какъ вѣтренно надъ бездною скользила.

И первый подъ топоръ безпечной головой
 Попался Клавдіо, патрицій молодой.
 Въ надеждѣ всю бѣду со временемъ исправить,
 И не любовницу, супругу въ свѣтъ представить,
 Джульету нѣжную успѣлъ онъ обольстить,
 И къ тайнствамъ любви безбрачной преклонить.
 Но ихъ послѣдствія, къ несчастью, явны стали;
 Младыхъ любовниковъ свидѣтели застали,
 Ославили въ судѣ взаимный ихъ позоръ,
 И юношѣ прочли законный приговоръ.

VII.

Несчастный, выслушавъ жестокое рѣшенье,
 Съ поникшей головой обратно шель въ тюрьму,
 Невольно каждому внушая сожалѣнье
 И горько сѣтуя. Навстрѣчу вдругъ ему
 Попался Луціо, гуляка беззаботный,
 Повѣса, вздорный враль, но малый доброхотный.
 «Другъ, молвилъ Клавдіо, молю! не откажи:
 Сходи ты въ монастырь къ сестрѣ моей. Скажи,
 Что долженъ я на смерть итти; чтобъ поспѣшила
 Она спасти меня, друзей бы упросила,
 Иль даже бы пошла къ намѣстнику сама.
 Въ ней много, Луціо, искусства и ума;
 Богъ далъ ея рѣчамъ увѣрчивость и сладость;
 Къ тому жъ и безъ рѣчей рыдающая младость
 Мягчитъ сердца людей.» — Изволь, поговорю,
 Гуляка отвѣчалъ, и самъ къ монастырю
 Тотчасъ отправился.

VIII.

Младая Изабелла

Въ то время съ важною монахиней сидѣла,

Постричься черезъ день она должна была,
И разговоръ о томъ со старицей вела.
Вдругъ Луціо звонить и входитъ. У рѣшетки
Его привѣтствуетъ, перебирая четки,
Полузатворница : «Кого угодно вамъ?»
— Дѣвица (и судя по розовымъ щекамъ
Увѣренъ я, что вы дѣвица въ самомъ дѣлѣ),
Нельзя ли доложить прекрасной Изабеллѣ,
Что къ ней меня прислалъ ея несчастный братъ. —
«Несчастный!... почему, что съ нимъ? скажите смѣло :
Я Клавдіо сестра.» — Нѣтъ, право? Очень радъ.
Онъ кланяется вамъ сердечно. Вотъ въ чемъ дѣло :
Вашъ братъ въ тюрьмѣ. — «За что?» — За то, за что бы я
Благодарилъ его, красавица моя,
И не было бъ ему инаго наказанья —
(Тутъ онъ въ подробныя пустился описанья,
Немного жесткія своею наготой
Для дѣвственныхъ ушей отшельницы молодой ;
Но со вниманіемъ все выслушала дѣва,
Безъ приторныхъ причудъ стыдливости и гнѣва.
Она чиста была душою какъ эфиръ :
Ее смутить не могъ невѣдомый ей міръ
Своею суетой и праздными рѣчами.)
— Теперь, примолвилъ онъ, осталось лишь мольбами
Вамъ тронуть Анджело, и вотъ о чемъ просилъ
Васъ братецъ. — «Боже мой, дѣвица отвѣчала,
Когда бъ отъ словъ моихъ я пользы ожидала!....
Но сомнѣваюся ; во мнѣ не станетъ силъ....»
— Сомнѣнья намъ враги, тотъ съ жаромъ возразилъ,
Насъ неудачею предатели страшатъ,
И благо вѣрное достать не допускаютъ.
Ступайте къ Анджело, и знайте отъ меня,

Что если дѣвица, колѣна преклоня
 Передъ мужчиною, и просить, и рыдаетъ,
 Какъ Богъ, онъ все даетъ, чего ни пожелаетъ. —

IX.

Дѣвица, отпросясь у матери честной,
 Съ усерднымъ Луціо къ вельможѣ поспѣшила,
 И на колѣна ставъ, смиренною мольбой
 За брата своего намѣстника молила.
 — Дѣвица, отвѣчалъ суровый человекъ,
 Спасти его нельзя; твой братъ свой отжилъ вѣкъ,
 Онъ долженъ умереть. — Заплакавъ Изабелла
 Склонилась передъ нимъ и прочь итти хотѣла,
 Но добрый Луціо дѣвицу удержалъ.
 «Не отступайте такъ», онъ тихо ей сказалъ:
 Просите вновь его; бросайтесь на колѣни,
 Хватайтесь за плащъ, рыдайте; слезы, пѣни,
 Всѣ средства женскаго искусства вы должны
 Теперь употребить. Вы слишкомъ холодны,
 Какъ будто рѣчь идетъ межъ вами про иголку:
 Конечно, если такъ, не будетъ вѣрно толку.
 Не отставайте же, еще!»

X.

Она опять

Усердною мольбой стыдливо умолять
 Жестокосердаго блюстителя закона.
 «Повѣрь мнѣ, говоритъ, ни царская корона,
 Ни мечъ намѣстника, ни бархатъ суди,
 Ни полководца жезлъ — всѣ почести сіи —
 Земныхъ властителей ничто не украшаетъ
 Какъ милосердіе. Оно ихъ возвышаетъ.

Когда бь во власть твою мой братъ былъ облечень,
А ты былъ Клавдію, ты могъ бы пасть, какъ онъ,
Но братъ бы не былъ строгъ какъ ты.»

XI.

Ея укоромъ

Смущенъ былъ Анджело. Сверкая мрачнымъ взоромъ,
«Оставь меня, прошу,» сказалъ онъ тихо ей.
Но дѣва скромная и жарче и смѣлѣй
Была часъ отъ часу. «Помилуй! говорила,
Подумай, если тотъ, чья праведная сила
Прощаетъ и цѣлитъ, судилъ бы грѣшныхъ насъ
Безъ милосердія, скажи, что было бь съ нами?
Подумай — и любви услышишь въ сердцѣ гласъ,
И милость нѣжная твоими дхнетъ устами,
И новый челоуѣкъ ты будешь.»

XII.

Онъ въ отвѣтъ :

«Поди, твои мольбы пустая словъ утрата.
Не я, законъ казнить. Спасти нельзя мнѣ брата,
И завтра онъ умретъ.»

ИЗABELЛА.

Какъ завтра! что? Нѣтъ, нѣтъ.

Онъ не готовъ еще.... подумай, въ самомъ дѣлѣ :
Ты знаешь, Государь, несчастный осужденъ
За преступленіе, которое доселѣ
Процалось каждому ; постраждетъ первый онъ.

АНДЖЕЛО.

Законъ не умираетъ, но былъ лишь въ усыпленѣ ;
Теперь проснулся онъ.

АНДЖЕЛО.

ИЗАБЕЛЛА.

Будь милостивъ!

АНДЖЕЛО.

Нельзя.

Потворствовать грѣху есть тоже преступленье :
 Карая одного, спасаю многихъ я.

ИЗАБЕЛЛА.

Ты ль первый изречешь сей приговоръ ужасный?
 И первой жертвою мой будетъ братъ несчастный!
 Нѣтъ, нѣтъ! будь милостивъ. Уже ль душа твоя
 Совсѣмъ безвинная? спросись у ней : уже ли
 И мысли грѣшныя въ ней отроду не тлѣли?

XIII.

Невольно онъ вздрогнулъ, поникнулъ головой,
 И прочь итти хотѣлъ. Она : «Постой, постой!
 Послушай, воротись ! Великими дарами
 Я задарю тебя... прими мои дары,
 Они не суетны, но честны и добры,
 И будешь ими ты дѣлиться съ небесами :
 Я одарю тебя молитвами души
 Предъ утренней зарей, въ полуночной тиши,
 Молитвами любви, смиренія и мира,
 Молитвами святыхъ, угодныхъ небу дѣвъ,
 Въ уединеніи умершихъ ужъ для міра,
 Живыхъ для Господа.»

Смущенъ и присмирѣвъ,

Онъ ей свиданіе на завтра назначаетъ,
 И въ отдаленные покои поспѣшаетъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

День цѣмый Анджело, безмолвный и угрюмой,
Сидѣль уединясь, объять одною думой,
Однимъ желаніемъ ; всю ночь не тронуль сонъ
Усталыхъ вѣждъ его. «Что жъ это, мыслить онъ,
Уже ль ее люблю , когда хочу такъ сильно
Услышать вновь ее, и взоръ мой усладить
Дѣвичьей прелестью? По ней груститъ умильно
Душа.... Или когда святаго уловить
Захочетъ бѣсъ, тогда приманкою святою
И манить онъ на крюкъ? Нескромной красотою
Я не былъ отъ роду къ соблазнамъ увлеченъ,
И чистой дѣвою теперь я побѣжденъ.
Влюбленный челоуѣкъ доселѣ мнѣ казался
Смѣшнымъ , и я его безумству удивлялся.
А нынѣ!...»

II.

Размышлять, молиться хочетъ онъ ;
Но мыслить, молится разсѣянно. Словами
Онъ небу говорить, а волей и мечтами
Стремится къ ней одной. Въ унынье погруженъ,
Устами праздными вращалъ онъ имя Бога,
А въ сердцѣ грѣхъ кипѣлъ. Душевная тревога
Его осилила. Правненье для него,
Какъ дѣльная, давно затверженная книга,
Несноснымъ сдѣлалось. Скучалъ онъ ; какъ отъ ига
Отречься былъ готовъ отъ сана своего ;

А важность мудрую, которой столь гордился,
 Которой весь народъ безсмысленно дивился,
 Цѣнилъ онъ ни во что и сравнивалъ съ перомъ,
 Носимымъ въ воздухѣ летучимъ вѣтеркомъ....

.....

Поутру къ Анджело явилась Изабелла
 И странный разговоръ съ намѣстникомъ имѣла.

III.

АНДЖЕЛО.

Что скажешь?

ИЗАБЕЛЛА.

Волю я твою пришла узнать.

АНДЖЕЛО.

Ахъ, если бы ее могла ты угадать!...
 Твой братъ не долженъ жить.... а могъ бы.

ИЗАБЕЛЛА.

Почему же

Простить нельзя его?

АНДЖЕЛО.

Простить? Что въ мірѣ хуже
 Столь гнуснаго грѣха? Убийство легче.

ИЗАБЕЛЛА.

Да,

Такъ судятъ въ небесахъ, но на землѣ, когда?

АНДЖЕЛО.

Ты думаешь? такъ вотъ тебѣ предположенье:

Что, если бѣ отдали тебѣ на разрѣшенье
Оставить брата влечь ко плахѣ на убой,
Иль искупить его, пожертвовавъ собой
И плоть предавъ грѣху?

ИЗАБЕЛЛА.

Скорѣе, чѣмъ душою,
Я плотью жертвовать готова.

АНДЖЕЛО.

Я съ тобою
Теперь не о душѣ толкую.... дѣло въ томъ,
Братъ осужденъ на казнь; спасти его грѣхомъ
Не милосердіе ль?

ИЗАБЕЛЛА.

Предъ Богомъ я готова
Душею отвѣчать: грѣха въ томъ никакова,
Повѣрь, и нѣтъ. Спаси ты брата моего!
Тутъ милость, а не грѣхъ.

АНДЖЕЛО.

Спасешь ли ты его,
Коль милость на вѣсахъ равно съ грѣхомъ потянетъ?

ИЗАБЕЛЛА.

О пусть моимъ грѣхомъ спасенье брата станеть!
Коль это только грѣхъ, о томъ готова я
Молиться день и ночь.

АНДЖЕЛО.

Нѣтъ, выслушай меня:
Или ты словъ моихъ совсѣмъ не понимаешь,

Или понять меня нарочно избѣгаешь ;
Я проще изъяснюсь : твой братъ приговоренъ.

ИЗАБЕЛЛА.

Такъ.

АНДЖЕЛО.

Смерть изрекъ ему рѣшительно законъ.

ИЗАБЕЛЛА.

Такъ точно.

АНДЖЕЛО.

Средство есть одно къ его спасенью.

(Все это клонится къ тому предположенью,
И только есть вопросъ и больше ничего.)

Положимъ : тотъ , кто бѣ могъ одинъ спасти его,
(Наперсникъ суди, иль самъ по сану властный
Законы толковать, мягчить ихъ смыслъ ужасный)
Къ тебѣ желаньемъ быль преступнымъ воспаленъ,
И требовалъ, чтобъ ты казнь брата искупила
Своимъ паденіемъ ; не то — рѣшить законъ.
Что скажешь ? какъ бы ты въ умѣ своемъ рѣшила ?

ИЗАБЕЛЛА.

Для брата, для себя рѣшилась бы скорѣй,
Повѣрь, какъ яхонты, носить рубцы бичей
И лечь въ кровавый гробъ спокойно, какъ на ложе,
Чѣмъ осквернить себя.

АНДЖЕЛО.

Твой братъ умретъ !

ИЗАБЕЛЛА.

Такъ что же,

Онъ лучший путь себѣ конечно изберетъ.
Безчестіемъ сестры души онъ не спасетъ.
Братъ лучше разъ умри, чѣмъ гибнуть мнѣ на вѣчно.

АНДЖЕЛО.

За что жъ казалось тебѣ безчеловѣчно
Рѣшеніе суда? Ты обвиняла насъ
Въ жестокосердіи. Давно ль еще? сейчасъ
Ты праведный законъ тираномъ называла,
А братній грѣхъ едва ль не шуткой почитала.

ИЗАБЕЛЛА.

Прости, прости меня. Невольно я душой
Тогда лукавила. Увы! себѣ самой
Противорѣчила я, милое спасая,
И ненавистное притворно извиняя.
Мы слабы.

АНДЖЕЛО.

Я твоимъ признаньемъ ободренъ.
Такъ, женщина слаба, я въ этомъ убѣжденъ,
И говорю тебѣ: будь женщина, не болѣ —
Иль будешь ничего. Такъ покорися волѣ
Судьбы своей.

ИЗАБЕЛЛА.

Тебя я не могу понять.

АНДЖЕЛО.

Поймешь: люблю тебя.

ИЗАБЕЛЛА.

Увы! что мнѣ сказать?
Джюльету братъ любилъ, и онъ умереть, несчастный.

Анджело.

Люби меня, и живъ онъ будетъ.

Изабелла.

Знаю : властный

Испытывать другихъ, ты хочешь....

Анджело.

Нѣтъ, клянусь,

Отъ слова моего теперь не отопрусь :

Клянуся честію !

Изабелла.

О много, много чести !

И дѣло честное!... Обманщикъ ! Демонъ лести,

Сейчасъ мнѣ, Клавдію, свободу подпиши,

Или поступокъ твой и черноту души

Я всюду разглашу — и полно лицемѣрить

Тебѣ передъ людьми.

Анджело.

И кто же станетъ вѣрить?

По строгости моей извѣстенъ свѣту я ;

Молва всеобщая, мой санъ, вся жизнь моя,

И самый приговоръ надъ братней головою

Представятъ твой доносъ безумной клеветою.

Теперь я волю далъ стремленію страстей.

Подумай и смирись предъ волею моей ;

Брось эти глупости : и слезы, и моления,

И краску робкую. Отъ смерти, отъ мученья

Тѣмъ брата не спасешь. Покорностью одной

Искупишь ты его отъ пахи роковой.

До завтра отъ тебя я стану ждать отвѣта.

И знай, что твоего я не боюсь извѣта.
Что хочешь говори, не пошатнуся я.
Всю истину твою низвергнетъ ложь моя.

IV.

Сказалъ и вышелъ вонъ, невинную дѣвицу
Оставя въ ужасѣ. Поднявши къ небесамъ
Молящій, ясный взоръ и чистую десницу,
Отъ мерзостныхъ палатъ спѣшитъ она въ темницу.
Дверь отворилась ей, и братъ ея глазамъ
Представился.

V.

Въ цѣпяхъ, въ уныніи глубокомъ,
О свѣтскихъ радостяхъ стараясь не жалѣть,
Еще надѣясь жить, готовясь умереть,
Безмолвенъ онъ сидѣлъ, и съ нимъ, въ плащѣ широкомъ,
Подъ чернымъ куколемъ, съ Распятіемъ въ рукахъ,
Согбенный старостью бесѣдовалъ монахъ.
Старикъ доказывалъ страдальцу молодому,
Что смерть и бытіе равны одна другому,
Что здѣсь и тамъ одна безсмертная душа,
И что подлунный міръ не стоитъ ни гроша.
Съ нимъ бѣдный Клавдіо печально соглашался,
А въ сердцѣ милою Джюльетой занимался.
Отшельница вошла : миръ вамъ ! — Очнулся онъ,
И смотритъ на сестру, мгновенно оживленъ.
« Отецъ мой, говоритъ монаху Изабелла,
Я съ братомъ говорить одна бы здѣсь хотѣла ».
Монахъ оставилъ ихъ.

VI.

КЛАВДІО.

Что жъ, милая сестра,
Что скажешь?

ИЗАБЕЛЛА.

Милый братъ, пришла тебѣ пора.

КЛАВДІО.

Такъ нѣтъ спасенья?

ИЗАБЕЛЛА.

Нѣтъ, иль развѣ пощлатиться
Душей за голову?

КЛАВДІО.

Такъ средство есть одно?

ИЗАБЕЛЛА.

Такъ, есть. Ты могъ бы жить. Судья готовъ смягчиться.
Въ немъ милосердіе бѣсовское : оно
Тебѣ даруетъ жизнь за узы муки вѣчной.

КЛАВДІО.

Что? вѣчная тюрьма?

ИЗАБЕЛЛА.

Тюрьма — хотъ безъ оградъ,
Безъ цѣпи.

КЛАВДІО.

Изъяснись, что жъ это?

ИЗABELЛА.

Другъ сердечной,
 Братъ милый! Я боюсь.... Послушай, милый братъ :
 Семь, восемь лишнихъ лѣтъ уже ль тебѣ дороже
 Всегдашней чести? Братъ, боишься ль умереть?
 Что чувство смерти? мигъ. И много ли терпѣть?
 Раздавленный червякъ при смерти терпитъ то же,
 Что терпитъ великанъ.

КЛАВДІО.

Сестра! или я трусь?
 Или идти на смерть во мнѣ не станеть силы?
 Повѣрь, безъ трепета отъ міра отрѣшусь,
 Коль долженъ умереть, и встрѣчу ночь могилы
 Какъ дѣву милую.

ИЗABELЛА.

Вотъ братъ мой! узнаю ;
 Изъ гроба слышу я отцовской голосъ. Точно :
 Ты долженъ умереть ; умри же безпорочно.
 Послушай, ничего тебѣ не утаю ;
 Тотъ грозный судія, святоша тотъ жестокой,
 Чьи взоры строгіе во всѣхъ родятъ боязнь,
 Чья избранная рѣчь шлетъ отроковъ на казнь —
 Самъ демонъ ; сердце въ немъ черно какъ адъ глубокой
 И полно мерзостью.

КЛАВДІО.

Намѣстникъ?

ИЗABELЛА.

Адъ облекъ
 Его въ свою броню. Лукавый человѣкъ!...

Знай : если бъ я его безстыдное желанье
Рѣшилась утолить, тогда бы могъ ты жить.

Клавдіо.

О нѣтъ, не надобно.

Изабелла.

На гнусное свиданье,
Сказалъ онъ, нынче въ ночь должна я поспѣшить,
Иль завтра ты умрешь.

Клавдіо.

Нейди, сестра.

Изабелла.

Братъ милой !

Богъ видитъ : ежели одной моей могилой
Могла бы я тебя отъ казни искупить,
Не стала бъ болѣе иголки дорожить
Я жизнию моей.

Клавдіо.

Благодарю, другъ милой !

Изабелла.

Такъ завтра, Клавдіо, ты къ смерти будь готовъ.

Клавдіо.

Да, такъ... и страсти въ немъ кипятъ съ такою силой!

.... Для одного мгновенья

Уже ль себя сгубить рѣшился бъ онъ на вѣкъ?

Нѣтъ, я не думаю, онъ умный человекъ.

Ахъ, Изабелла !

ИЗАБЕЛЛА.

Что? что скажешь?

КЛАВДІО.

Смерть ужасна!

ИЗАБЕЛЛА.

И стыдъ ужасень.

КЛАВДІО.

Такъ — однако жъ.... умереть,
Итти невѣдомо куда, во гробѣ тлѣть,
Въ холодной тѣснотѣ.... Увы! земля прекрасна
И жизнь мила. А тутъ — войти въ нѣмую мглу,
Стремглавъ низвергнуться въ кипящую смолу,
Или во льду застыть, иль съ вѣтромъ быстротечнымъ
Носиться въ пустотѣ, пространствомъ безконечнымъ.

.....
.....
.....
.....

ИЗАБЕЛЛА.

О Боже!

КЛАВДІО.

Другъ ты мой! Сестра! позволь мнѣ жить.
Ужъ если будетъ грѣхъ спасти отъ смерти брата,
Природа извинить.

ИЗАБЕЛЛА.

Что смѣешь говорить?

Трусъ! тварь бездушная! отъ сестрина разврата
Себѣ ты жизни ждешь!... кровосмѣситель! Нѣтъ,
Я думать не могу, нельзя чтобъ жизнь и свѣтъ

Моимъ отцемъ тебѣ даны. Прости мнѣ, Боже!
Нѣтъ, осквернила мать отеческое ложе,
Коль понесла тебя. Умри. Когда бы я
Спаси тебя могла лишь волею моею,
То все таки бѣ теперь свершилась казнь твоя.
Я тысячу молитвъ за смерть твою имѣю,
За жизнь — ужъ ни одной.

Клавдію.

Сестра постой, постой!

Сестра, прости меня!

VII.

И узникъ молодой

Удерживалъ ее за платье. Изабелла
Отъ гнѣва своего насилу охладѣла,
И брата бѣднаго простила, и опять
Лаская, начала страдальца утѣшать.

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

I.

Монахъ стоялъ межъ тѣмъ за дверью отпертою
И слышалъ разговоръ межъ братомъ и сестрою.
Пора мнѣ вамъ сказать, что старый сей монахъ
Ни что иное былъ, какъ Дукъ переодѣтой.
Пока народъ считалъ его въ чужихъ краяхъ
И сравнивалъ, шутя, съ бродящею кометою,
Скрывался онъ въ толпѣ, все видѣлъ, наблюдалъ

И соглядатаемъ незримымъ посѣщаль
Палаты, площади, монастыри, больницы,
Развратные дома, театры и темницы.
Воображеніе живое Дукъ имѣль ;
Романы онъ любилъ, и можетъ быть хотѣль
Халифу подражать Гаруну Аль-Рашиду.
Младой отшельницы подслушавъ весь разговоръ,
Въ растроганномъ умѣ рѣшилъ онъ тотъ же часъ
Не только наказать жестокость и обиду,
Но сладить кое-что.... Онъ тихо въ дверь вошелъ,
Дѣвицу отозвалъ и въ уголокъ отвелъ
«Я слышалъ все, сказалъ, ты похвалы достойна :
Свой долгъ исполнила ты свято ; но теперь
Предайся жъ ты моимъ совѣтамъ. Будь покойна,
Все къ лучшему прійдетъ ; послушна будь и вѣрь» .
Тутъ онъ ей объяснилъ свое предположенье,
И далъ прощальное свое благословенье.

II.

Друзья ! повѣрите ль, чтобъ мрачное чело,
Угрюмой, злой души печальное зеркало,
Желанья женскія на вѣки привязало
И нѣжной красотѣ понравиться могло ?
Не чудно ли ? Но такъ. Сей Анджело надменный,
Сей злобный человекъ, сей грѣшникъ — былъ любимъ
Душею нѣжною, печальной и смиренной,
Душей отверженной мучителемъ своимъ.
Онъ былъ давно женатъ. Летунья легкокрыла,
Младой его жены молва не пощадила,
Безъ доказательства насмѣшливо коря ;
И онъ ее прогналъ, надменно говоря :
«Пускай себѣ молвы неправо обвиненье,

Нѣтъ нужды. Не должно коснуться подозрѣнью
 Къ супругѣ Кесаря.» Съ тѣхъ поръ она жила
 Одна въ предмѣстїи, печально изнывая.
 Объ ней—то вспомнилъ Дукъ, и дѣва молодая
 По наставленію монаха къ ней пошла.

III.

Марьяна подъ окномъ за пряжею сидѣла
 И тихо плакала. Какъ ангель, Изабелла
 Предъ ней нечаянно явилась у дверей.
 Отшельница была давно знакома съ ней,
 И часто утѣшать несчастную ходила.
 Монаха мысль она ей тотчасъ объяснила.
 Марьяна, только лишь настанетъ ночи мгла,
 Къ палатамъ Анджело итти должна быма,
 Въ саду съ нимъ встрѣтитесь подъ каменной оградой,
 И наградить его условленной наградой.
 Чуть внятнѣмъ шепотомъ, прощаяся, шепнуть
 Лишь только то : *теперь о брать не забудь.*
 Марьяна, бѣдная, сквозь слезы улыбалась,
 Готовилась дрожа — и дѣва съ ней разсталась.

IV.

Всю ночь въ темницѣ Дукъ послѣдствій ожидалъ,
 И сидя съ Клавдіо, страдальца утѣшалъ.
 Предъ свѣтомъ снова къ нимъ явилась Изабелла.
 Все шло какъ надобно : сейчасъ у ней сидѣла
 Марьяна блѣдная, съ успѣхомъ возвратясь,
 И мужа обманувъ. Денница занялась —
 Вдругъ запечатанный приказъ приносить вѣстникъ
 Начальнику тюрмы. Читаютъ : что жъ? Намѣстникъ.

Немедля узника приказывалъ казнить
И голову его въ палаты предъявить.

V.

Замыслилъ новую затѣю Дукъ — представить
Начальнику тюрьмы свой перстень и печать,
И казнь остановить, а къ Анджело отправить
Другую голову, велѣвъ обрить и снять
Ее съ широкихъ плечъ разбойника морскаго,
Горячкой въ ту же ночь умершаго въ тюрьмѣ,
А самъ отправился, дабы вельможу злаго
Столь гнусныя дѣла творящаго во тмѣ,
Предъ свѣтомъ обличить.

VI.

Едва молва невнятно

О казни Клавдіо успѣла пробѣжать,
Пришла другая вѣсть. Узнали, что обратно
Ко граду ѣдетъ Дукъ. Народъ его встрѣчать
Толпами кинулся. И Анджело смущенный,
Грызомый совѣстью, предчувствіемъ стѣсненный,
Туда же поспѣшилъ. Улыбкой добрый Дукъ
Привѣтствуетъ народъ, тѣснящійся вокругъ,
И дружно къ Анджело протягиваетъ руку.
И вдругъ раздался крикъ — и прямо въ ноги Дуку
Дѣвица падаетъ. «Помилуй, Государь!
Ты щитъ невинности, ты милости алтарь,
Помилуй!...» Анджело блѣднѣетъ и трепещетъ
И взоры дикіе на Изабелу мещетъ....
Но побѣдилъ себя. Оправиться успѣвъ,
«Она помѣшана, сказалъ онъ, видѣвъ брата
Приговореннаго на смерть. Сія утрата

Въ ней разумъ потрясла....»

Но обнаружа гнѣвъ

И долго скрытое въ душѣ негодование :

«Все знаю, молвилъ Дукъ, все знаю! наконецъ

Злодѣйство на землѣ получить воздаянье.

Дивица, Анджело! за мною, во дворецъ!»

VII.

У трона во дворцѣ стояла Маріана
И бѣдный Клавдіо. Злодѣи увидя ихъ,
Затрепеталъ, челомъ поникнулъ и утихъ?
Все объяснилось, и правда изъ тумана
Возникла. Дукъ тогда : что, Анджело, скажи,
Чего достоинъ ты? Безъ слезъ и безъ боязни
Съ угрюмой твердостью тотъ отвѣчаетъ : «казни!
И объ одномъ молю : скорѣе прикажи
Вести меня на смерть.»

— Иди, сказалъ властитель,

Да гибнетъ судія-торгашъ и обольститель,
Но бѣдная жена къ ногамъ его упавъ,
Помилуй, молвила ; ты мужа мнѣ отдавъ,
Не отымай опять ; не смѣйся надо мною.
— Не я, но Анджело смѣялся надъ тобою,
Ей Дукъ отвѣтствуетъ ; но о твоей судьбѣ
Самъ буду я пещись. Останутся тебѣ
Его сокровища, и будешь ты награда
Супругу лучшему . — Мнѣ лучшаго не надо.
Помилуй, Государь ! не будь неумолимъ.
Твоя рука меня соединила съ нимъ !
Уже ли для того такъ долго я вдовѣла?
Онъ человѣчеству свою принесъ лишь дань.
Сестра! спаси меня! другъ милый Изабелла!

Проси ты за него, хоть на колѣна стань,
Хоть руки подыми ты молча. —

Изабела

Душой о грѣшникѣ, какъ ангелъ, пожалѣла
И предъ властителемъ колѣна преклоня,
«Помилуй, Государь! сказала. За меня
Не осуждай его. Онъ (сколько мнѣ извѣстно,
И какъ я думаю) жилъ проведно и честно,
Покамѣстъ на меня очей не устремилъ.
Прости же ты его!»

И Дукъ его простилъ.

ХІІІ.

ПРОСТОНАРОДНЫЯ СКАЗКИ.

(1825—1833.)

—

1.

Ж Е Н И Х Ъ.

(1825.)

Три дня купеческая дочь
Наташа пропадала ;
Она на дворъ на третью ночь
Безъ памяти вбѣжала.
Съ вопросами отецъ и мать
Къ Наташѣ стали приступать.
Наташа ихъ не слышитъ,
Дрожить и еле дышитъ.

Тужила мать, тужиль отецъ,
И долго приступали,
И отступимись наконецъ,

А тайны не узнали.
Наташа стала, какъ была,
Опять румяна, весела,
Опять пошла съ сестрами
Сидѣть за воротами.

Разъ у тесовыхъ у воротъ,
Съ подружками своими,
Сидѣла дѣвица — и вотъ
Промчалась передъ ними
Лихая тройка съ молодцомъ.
Конями, крытыми ковромъ,
Въ саняхъ онъ стоя правитъ
И гонитъ всѣхъ и давитъ.

Онъ, поровнявшись, поглядѣлъ,
Наташа поглядѣла,
Онъ вихремъ мимо пролетѣлъ,
Наташа помертвѣла.
Стремглавъ домой она бѣжитъ
Онъ! онъ! узнала! говоритъ,
Онъ, точно онъ! держите,
Друзья мои, спасите!

Печально слушаетъ семья,
Качая головою;
Отецъ ей: «милая моя,
Откройся предо мною.
Обидѣлъ кто тебя — скажи,
Хоть только слѣдъ намъ укажи.»
Наташа плачетъ снова.
И болѣе ни слова.

Наутро сваха къ нимъ на дворъ
Нежданая приходитъ.

Паташу хвалитъ, разговоръ

Съ отцомъ ея заводитъ :

«У васъ товаръ, у насъ купецъ ;

Собою парень молодець *),

И статной, и проворной,

Не вздорной, не зазорной.

«Богатъ, уменъ, ни передъ кѣмъ

Не кланяется въ поясъ,

А какъ бояринъ между тѣмъ

Живетъ, не безпокоясь ;

А подаритъ невѣстѣ вдругъ

И лисью шубу, и жемчугъ,

И перстни золотые,

И платья парчевыя.

«Катаясь, видѣлъ онъ вчера

Ее за воротами ;

Не по рукамъ ли, да съ двора,

Да въ церковь съ образами?»

Она сидитъ за пирогомъ,

Да рѣчь ведетъ обинякомъ,

А бѣдная невѣста

Себѣ не видитъ мѣста.

«Согласенъ, говоритъ отецъ ;

Въ Московскомъ Вѣстникѣ :

«Пора бѣ невѣсту подѣ вѣнецъ»

«А на примѣтѣ молодець.»

Ступай благополучно,
Моя Наташа, подь вѣнецъ :
Одной въ свѣтелкѣ скучно.
Не вѣкъ дѣвицей вѣковать,
Не все косаткѣ распѣвать,
Пора гнѣздо устроить,
Чтобъ дѣтушекъ покоить.»

Наташа къ стѣнкѣ уперлась
И слово молвить хочетъ —
Вдругъ зарыдала, затряслась,
И плачетъ и хохочетъ.
Въ смятеньи сваха къ ней бѣжитъ,
Водой студеною поить
И льетъ остатокъ чаши
На голову Наташи.

Крушится, охаетъ семья.
Опомнилась Наташа,
И говорить : « послушна я,
Святая воля ваша.
Зовите жениха на пиръ,
Пеките хлѣбы на весь мѣръ,
На славу медъ варите,
Да судъ на пиръ зовите.»

«Изволь, Наташа, ангелъ мой!
Готовъ тебѣ въ забаву
И жизнь отдать!» — И пиръ горой;
Пекутъ, варятъ на славу.
Вотъ гости честные наши,
За столъ невѣсту повели;

Поютъ подружки, плачутъ,
А вотъ и сани скачутъ.

Вотъ и женихъ, и всѣ за столъ.
Звенять, гремятъ стаканы.
Заздравный ковшъ кругомъ пошолъ ;
Все шумно, гости пьяны.

Женихъ. «А что же, милые друзья,
Невѣста красная моя
Не пьеть, не ѣсть, не служить :
О чемъ невѣста тужить?»

Невѣста жениху въ отвѣтъ :
«Откроюсь на удачу.
Душѣ моей покоя нѣтъ,
И день и ночь я плачу :
Недоброй сонъ меня крушить.»
Отецъ ей : «что жъ твой сонъ гласить ?
Скажи намъ, что такое,
Дитя мое родное?»

«Мнѣ снилось, говоритъ она,
Зашла я въ лѣсъ дремучій,
И было поздно ; чуть луна
Свѣтила изъ-за тучи ;
Съ тропинки сбилась : въ глуши
Не слышно было ни души,
И сосны лишь да ели
Вершинами шумѣли.

«И вдругъ, какъ будто наяву,
Изба передо мною.

Я къ ней, стучу — молчатъ. Зову —
Отвѣта нѣтъ ; съ мольбою
Дверь отворила я. Вхожу —
Въ избѣ свѣча горитъ ; гляжу —
Вездѣ серебро, да злато,
Все свѣтло и богато».

Женихъ. «А чѣмъ же худъ, скажи, твой сонъ ?
Знать жить тебѣ богато.»

Невѣста. «Постой, сударь, не конченъ онъ.
На серебро, на злато,
На сукна, коврики, парчу,
На Новгородскую камчу,
Я молча любовалась,
И диву дивовалась.

«Вдругъ слышу крикъ и конскій топъ....
Подѣхали къ крылечку. *)
Я поскорѣ дверью хлопъ,
И спряталась за печку.
Вотъ слышу много голосовъ....
Взошли двѣнадцать молодцовъ,
И съ ними голубица
Красавица-дѣвица.

«Взошли толпой, не поклонясь,
Иконъ не замѣчая ;
За столъ садятся не молясь,
И шапокъ не снимая.
На первомъ мѣстѣ братъ большой,
По праву руку братъ меньшей,

*) Въ Москов. Вѣст. «И погасили свѣчку.»

По лѣву голубица
Красавица-дѣвица.

«Крикъ, хохоть, пѣсни, шумъ и звонъ
Разгульное похмѣлье....»

Женихъ. «А чѣмъ же худъ, скажи, твой сонъ
Вѣщаетъ онъ веселье».

Невѣста. «Постой, сударь, не конченъ онъ.
Идетъ похмѣлье, громъ и звонъ.
Пиръ весело бушуетъ,
Лишь дѣвица горюетъ.

«Сидитъ, молчитъ, не ѣстъ, не пьетъ,
И токомъ слезы точитъ,
А старшій братъ свой ножъ беретъ,
Присвистывая точитъ;
Глядитъ на дѣвицу-красу,
И вдругъ хватаетъ за косу,
Злодѣй дѣвицу губитъ,
Ей праву руку рубитъ.»

— Ну, это, говоритъ женихъ,
Прямая небылица!
Но не тужи, твой сонъ не лихъ,
Повѣрь, душа-дѣвица. —
Она глядитъ ему въ лицо.
«А это съ чьей руки кольцо?»
Вдругъ молвила невѣста,
И всѣ привстали съ мѣста.

Кольцо катится и звенитъ,
Женихъ дрожитъ блѣднѣя;

Смутились гости — судъ гласитъ :

Держи, вязать злодѣя!

Злодѣй окованъ, обличенъ,

И скоро смертію казненъ.

Прославилась Наташа!

И вся тутъ пѣсня наша.

2.

СКАЗКА

О ЦАРЬ СЛТАНЬ, О СЫНЬ ЕГО, СЛАВНОМЪ И МОГУЧЕМЪ БОГАТЫРЬ КНЯЗЬ
ГВИДОНЬ СЛТАНОВИЧЪ И О ПРЕКРАСНОЙ ЦАРЕВНЬ ЛЕБЕДИ.

(1831.)

Три дѣвицы подѣ окномѣ
Пряли поздно вечеркомѣ.
Кабы я была царица,
Говоритъ одна дѣвица,
То сама на весь бы мѣръ
Приготовила я пирѣ.
Кабы я была царица,
Говоритъ ея сестрица,
То на весь бы мѣръ одна
Наткала я полотна.
Кабы я была царица,
Третья молвила сестрица,
Я бѣ для батюшки-царя
Родила богатыря.

Только вымолвить успѣла,
Дверь тихонько заскрипѣла,

И въ свѣтлицу входитъ царь,
Стороны той государь.
Во все время разговора
Онъ стоялъ позадь забора;
Рѣчь послѣдней по всему
Полюбилася ему.
Здравствуй, красная дѣвица,
Говоритъ онъ, будь царица,
И роди богатыря
Мнѣ къ исходу сентября.
Вы жъ, голубушки-сестрицы,
Выбирайтесь изъ свѣтлицы,
Поѣзжайте вслѣдъ за мной,
Вслѣдъ за мной и за сестрой:
Будь одна изъ васъ ткачиха,
А другая повариха.

Въ сѣни вышелъ царь-отецъ.
Всѣ пустились во дворецъ.
Царь недолго собирался:
Въ тотъ же вечеръ обвѣнчался.
Царь Салтанъ за пиръ честной
Сѣлъ съ царицей молодой;
А потомъ честные гости
На кровать слоновой кости
Положили молодыхъ
И оставили однихъ.
Въ кухнѣ злится повариха,
Плачетъ у станка ткачиха —
И завидуютъ онѣ
Государевой женѣ.
А царица молодая,

Объщанье выполняя,
Съ той же noci понесла.

Въ тѣ поры война была :
Царь Салтанъ, съ женой простяся,
На добра-коня садяся,
Ей наказывалъ себя
Поберечь, его любя.
Между тѣмъ, какъ онъ далеко
Бьется долго и жестоко,
Наступаетъ срокъ родинъ ;
Сына Богъ имъ далъ въ аршинъ.
И царица надъ ребенкомъ,
Какъ орлица надъ орленкомъ ;
Шлетъ съ письмомъ она гонца,
Чтобъ обрадовать отца.
А ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой,
Извести ее хотятъ,
Перенять гонца велятъ ;
Сами шлютъ гонца другова
Вотъ съ чѣмъ отъ слова до слова :
«Родила царица въ ночь
«Не то сына, не то дочь :
«Не мышенка, не лягушку,
«А невѣдому звѣрюшку.»

Какъ услышалъ царь-отецъ,
Что донесъ ему гонецъ,
Въ гнѣвъ началъ онъ чудесить
И гонца хотѣлъ повѣсить ;
Но, смягчившись на сей разъ,
Далъ гонцу такой приказъ :

«Ждать царева возвращенья
Для законнаго рѣшенья.»

Ѣдетъ съ грамотой гонецъ,
И пріѣхалъ наконецъ.
А ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой
Обобратъ его велятъ;
Допьяна гонца поятъ,
И въ суму его пустую
Суютъ грамоту другую —
И привезъ гонецъ хмѣльной
Въ тотъ же день приказъ такой:
«Царь велитъ своимъ боярамъ,
Времени не тратя даромъ,
И царицу, и приплодъ
Тайно бросить въ бездну водъ.»
Дѣлать нечего, бояре,
Потуживъ о государѣ
И царицѣ молодой,
Въ спальню къ ней пришли толпой.
Объявили царску волю —
Ей и сыну злую долю,
Прочитали вслухъ указъ,
И царицу въ тотъ же часъ
Въ бочку съ сыномъ посадили,
Засмолили, покатами
И пустили въ окіанъ —
Такъ велѣлъ-де царь Салтанъ.

Въ синемъ небѣ звѣзды блещутъ,
Въ синемъ морѣ волны хлещутъ;
Туча по небу идетъ,

Бочка по морю плыветъ.
Словно горькая вдовица,
Плачетъ, бьется въ ней царица;
И растетъ ребенокъ тамъ
Не по днямъ, а по часамъ.
День прошелъ, царица вопить....
А дитя волну торопитъ :
« Ты, волна моя, волна !
Ты гульлива и вольна ;
Плещешь ты, куда захочешь,
Ты морскія камни точишь,
Топишь берегъ ты земли,
Подымаешь корабли —
Не губи ты нашу душу :
Вышлесни ты насъ на сушу ! »
И послушалась волна :
Тутъ же на берегъ она
Бочку вынесла легонько,
И отхлынула тихонько.
Мать съ младенцемъ спасена ;
Землю чувствуетъ она.
Но изъ бочки кто ихъ вынетъ ?
Богъ неужто ихъ покинетъ ?
Сынъ на ножки поднялся,
Въ дно головкой уперся,
Понатужился немножко :
Какъ бы здѣсь на дворъ окошко
Намъ продѣлать ? молвилъ онъ,
Вышибъ дно и выпелъ вонъ.

Мать и сынъ теперь на волю ;
Видятъ холмъ въ широкомъ полѣ,

Море синее кругомъ,
Дубъ зеленый надъ холмомъ.
Сынъ подумалъ : добрый ужинъ
Быль бы намъ однако нуженъ.
Ломить онъ у дуба сукъ
И въ тугой сгибаетъ лукъ,
Со креста снурокъ шелковой
Натянулъ на лукъ дубовой,
Тонку тросточку сломилъ
Стрѣлкой легкой заострилъ,
И пошелъ на край долины
У моря искать дичины.

Къ морю лишь подходитъ онъ,
Вотъ и слышитъ будто стонъ....
Видно на морѣ не тихо ;
Смотрить — видитъ дѣло лихо :
Бьется лебедь средь зыбей,
Коршунъ носится надъ ней ;
Та бѣдняжка такъ п пещетъ,
Воду вокругъ мутить и хлещетъ....
Тотъ ужъ когти распустилъ ,
Клевъ кровавый наострилъ....
Но какъ разъ стрѣла зашла,
Въ шею коршуна зашла —
Коршунъ въ море кровь пролилъ,
Лукъ царевичъ опустилъ ;
Смотрить : коршунъ въ морѣ тонетъ
И не птичьимъ крикомъ стонетъ,
Лебедь около плыветъ,
Злаго коршуна клюетъ,
Гибель близкую торопитъ,

Бьетъ крыломъ и въ морѣ топить —
И царевичу потомъ
Молвить Русскимъ языкомъ :
« Ты, царевичъ, мой спаситель,
Мой могучій избавитель,
Не тужи, что за меня
Бъсть не будешь ты три дня,
Что стрѣла пропала въ морѣ ;
Это горе — все не горе.
Отплачу тебѣ добромъ,
Сослужу тебѣ потомъ :
Ты не лебедь вѣдь избавилъ,
Дѣвицу въ живыхъ оставилъ ;
Ты не коршуна убилъ,
Чародѣя подстрѣлилъ.
Ввѣкъ тебя я не забуду :
Ты найдешь меня повсюду,
А теперь ты воротись,
Не горюй и спать ложись. »

Улетѣла лебедь—птица,
А царевичъ и царица,
Цѣлый день проведши такъ,
Лечь рѣшились натоцакъ.
Вотъ открылъ царевичъ очи!
Отрясая грезы ночи
И дивясь, передъ собой
Видитъ городъ онъ большой ;
Стѣны съ частыми зубцами,
И за бѣлыми стѣнами
Блещутъ маковки церквей
И святыхъ монастырей.

Онъ скорѣй царицу будить ;
Та какъ ахнетъ !... То ли будетъ ?
Говоритъ онъ, вижу я :
Лебедь тѣшится моя.
Мать и сынъ идутъ ко граду.
Лишь ступили за ограду,
Оглушительный трезвонъ
Поднялся со всѣхъ сторонъ :
Къ нимъ народъ навстрѣчу валить,
Хоръ церковный Бога хвалить ;
Въ колымагахъ золотыхъ
Пышный дворъ встрѣчаетъ ихъ ;
Всѣ ихъ громко величаютъ
И царевича вѣнчаютъ
Княжей шапкой, и главой
Возглашаютъ надъ собой :
И среди своей столицы,
Съ разрѣшенія царицы,
Въ тотъ же день сталъ княжить онъ
И нарекъся : князь Гвидонъ.

Вѣтеръ на морѣ гулетъ
И корабликъ подгоняетъ :
Онъ бѣжитъ себѣ въ волнахъ
На раздутыхъ парусахъ.
Корабельщики дивятся,
На корабликъ толпятся,
На знакомомъ острову
Чудо видятъ наяву :
Городъ новый златоглавой,
Пристань съ крѣпкою заставой —
Пушки съ пристани палятъ,

Кораблю пристать велятъ.
Пристають къ заставѣ гости :
Князь Гвидонъ зоветъ ихъ въ гости,
Ихъ онъ кормить и поить
И отвѣтъ держать велить ;
Чѣмъ вы, гости, торгъ ведете,
И куда теперь плывете?
Корабельщики въ отвѣтъ :
Мы объѣхали весь свѣтъ,
Торговали соболями,
Чернобурыми лисами ;
А теперь намъ вышелъ срокъ,
Ѣдемъ прямо на востокъ,
Мимо острова Буяна.
Въ царство славнаго Салтана....
Князь имъ вымолвилъ тогда :
Добрый путь вамъ, господа,
По морю по окіану,
Къ славному царю Салтану :
Отъ меня ему поклонъ.
Гости въ путь, а князь Гвидонъ
Съ берега душой печальной
Провожаетъ бѣгъ ихъ дальній ;
Глядь — поверхъ текучихъ водъ
Лебедь бѣлая плыветъ.
«Здравствуй, князь ты мой прекрасной!
Что ты тихъ, какъ день ненастной?
Опечалился чему?»
Говоритъ она ему.
Князь печально отвѣчаетъ :
Грусть-тоска меня съѣдаетъ,
Одолѣла молодца :

Видѣть я бѣ хотѣлъ отца.
Лебедь князю : « вотъ въ чемъ горе !
Ну, послушай : хочешь въ море
Полетѣть за кораблемъ ?
Будь же, князь, ты комаромъ. »
И крылами замахала,
Воду съ шумомъ расплескала,
И обрызгала его
Съ головы до ногъ всего.
Тутъ онъ въ точку уменьшился,
Комаромъ оборотился ;
Полетѣлъ и запищалъ,
Судно на морѣ догналъ,
Потихоньку опустился
На корабль — и въ щель забился.

Вѣтеръ весело шумить.
Судно весело бѣжитъ
Мимо острова Буяна,
Къ царству славнаго Салтана,
И желанная страна
Вотъ ужъ издали видна.
Вотъ на берегъ вышли гости ;
Царь Салтанъ зоветъ ихъ въ гости —
И за ними во дворецъ
Полетѣлъ нашъ удалецъ.
Видитъ : весь сія въ златѣ,
Царь Салтанъ сидитъ въ палатѣ
На престолѣ и въ вѣнцѣ
Съ грустной думой на лицѣ :
А ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой,

Около царя сидятъ ,
И въ глаза ему глядятъ .
Царь Салтанъ гостей сажаетъ
За свой столъ и вопрошаетъ :
Ой вы, гости-господа,
Долго ль ѣздили? куда?
Ладно ль за моремъ, иль худо?
И какое въ свѣтѣ чудо?
Корабельщики въ отвѣтъ :
Мы объѣхали весь свѣтъ ;
За моремъ житье нехудо,
Въ свѣтѣ жъ вотъ какое чудо :
Въ морѣ островъ былъ крутой,
Непривольный, нежилой ;
Онъ лежалъ пустой равниной ;
Росъ на немъ дубокъ единой ;
А теперь стоитъ на немъ
Новый городъ со дворцомъ,
Съ златоглавыми церквами,
Съ теремами и садами,
А сидитъ въ немъ князь Гвидонъ ;
Онъ прислалъ тебѣ поклонъ .
Царь Салтанъ дивится чуду ;
Молвитъ онъ : коль живъ я буду,
Чудной островъ навѣщу,
У Гвидона погощу .
А ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой,
Не хотятъ его пустить
Чудной островъ навѣстить .
« Ужъ диковинка, ну право,
Подмигнувъ другимъ лукаво .

Повариха говоритъ,
Городъ у моря стоитъ!
Знайте, вотъ что не бездѣлка :
Ель въ лѣсу, подъ елью бѣлка,
Бѣлка пѣсенки поетъ
И орѣшки все грызетъ,
А орѣшки не простые,
Все скорлупки золотыя,
Ядра — чистый изумрудъ .
Вотъ что чудомъ-то зовутъ. »
Чуду царь Салтанъ дивится,
А комаръ-то злится, злится —
И впился комаръ какъ разъ
Теткѣ прямо въ правой глазъ.
Повариха поблѣднѣла,
Обмерла и окривѣла.
Слуги, сватья и сестра
Съ крикомъ ловятъ комара.
«Распроклятая ты мошка!
Мы тебя!...» А онъ въ окошко,
Да спокойно въ свой удѣлъ
Черезъ море полетѣлъ.

Снова князь у моря ходитъ,
Съ синя моря глазъ не сводитъ ;
Глядь — поверхъ текущихъ водъ
Лебедь бѣлая плыветъ.
«Здравствуй, князь ты мой прекрасной!
Что жъ ты тихъ, какъ день ненастной?
Опечалился чему?»
Говоритъ она ему.
Князь Гвидонъ ей отвѣчаетъ :

Грусть-тоска меня съѣдаетъ ;
Чудо чудное завестъ
Мнѣ бѣ хотѣлось. Гдѣ-то есть :
Ель въ лѣсу, подъ елью бѣлка,
Диво, право, не бездѣлка —
Бѣлка пѣсенки поетъ,
Да орѣшки все грызетъ,
А орѣшки не простые,
Все скорлупки золотые,
Ядра — чистый изумрудъ ;
Но, быть можетъ, люди врутъ.
Князю лебедь отвѣчаетъ :
«Свѣтъ о бѣлкѣ правду баетъ ;
Это чудо знаю я ;
Полно, князь, душа моя,
Не печалься ; рада службу
Оказать тебѣ я въ дружбу.»
Съ ободренною душой
Князь пошелъ себѣ домой ;
Лишь ступилъ на дворъ широкой —
Что жъ ? подъ елкою высокой,
Видитъ, бѣлочка при всѣхъ
Золотой грызетъ орѣхъ,
Изумрудецъ вынимаетъ,
А скорлупку собираетъ,
Кучки ровныя кладетъ,
И съ присвисточкой поетъ
При честномъ, при всемъ народѣ :
Во саду ли, въ огородѣ.
Изумился князь Гвидонъ.
Ну, спасибо, молвилъ онъ,
Ай-да лебедь — дай ей Боже,

Что и мнѣ, веселье тоже.
Князь для бѣлочки потомъ
Выстроилъ хрустальный домъ,
Караулъ къ нему приставилъ
И притомъ дьяка заставилъ
Строгий счетъ орѣхамъ вести.
Князю прибыль, бѣлкѣ честь.

Вѣтеръ по морю гуляетъ
И корабликъ подгоняетъ :
Онъ бѣжитъ себѣ въ волнахъ
На поднятыхъ парусахъ
Мимо острова крутаго,
Мимо города большаго ;
Пушки съ пристани палятъ,
Кораблю пристать велятъ.
Пристаютъ къ заставѣ гости :
Князь Гвидонъ зоветъ ихъ въ гости,
Ихъ и кормить и поить
И отвѣтъ держать велитъ :
Чѣмъ вы, гости, торгъ ведете,
И куда теперь плывете?
Корабельщики въ отвѣтъ :
Мы объѣхали весь свѣтъ,
Торговали мы конями,
Все Донскими жеребцами,
А теперь намъ вышелъ срокъ —
И лежитъ намъ путь далекъ :
Мимо острова Буяна,
Въ царство славнаго Салтана....
Говоритъ имъ князь тогда :
Добрый путь вамъ, господа, -

По морю по окіану,
Къ славному царю Салтану;
Да скажите : князь Гвидонъ
Шлетъ царю-де свой поклонъ.

Гости князю поклонились,
Вышли вонъ и въ путь пустились.
Къ морю князь — а лебедь тамъ
Ужъ гуляетъ по волнамъ.
Молитъ князь : душа-де просить,
Такъ и тянетъ и уноситъ....
Вотъ опять она его
Вмигъ обрызгала всего :
Въ муху князь оборотился,
Полетѣлъ и опустился
Между моря и небесъ
На корабль — и въ щель залѣзъ.

Вѣтеръ весело шумить,
Судно весело бѣжитъ
Мимо острова Буяна,
Въ царство славнаго Салтана —
И желанная страна
Вотъ ужъ издали видна ;
Вотъ на берегъ вышли гости;
Царь Салтанъ зоветъ ихъ въ гости,
И за ними во дворецъ
Полетѣлъ нашъ удаецъ.
Видитъ : весь сія въ златѣ,
Царь Салтанъ сидитъ въ палатѣ
На престолѣ и въ вѣнцѣ
Съ грустной думой на лицѣ.

А ткачиха съ Бабарихой,
Да съ кривою поварихой,
Около царя сидятъ,
Злыми жабами глядятъ.
Царь Салтанъ гостей сажаетъ
За свой столъ и вопрошаетъ :
Ой вы, гости-господа,
Долго ль ѣздили? куда?
Ладно ль за моремъ , иль худо,
И какое въ свѣтѣ чудо?
Корабельщики въ отвѣтъ :
Мы объѣхали весь свѣтъ ;
За моремъ житье нехудо ;
Въ свѣтѣ жъ вотъ какое чудо :
Островъ на морѣ лежитъ,
Градъ на островѣ стоитъ
Съ златоглавыми церквами,
Съ теремами да садами ;
Ель растетъ передъ дворцомъ,
А подъ ней хрустальный домъ ;
Бѣлка тамъ живетъ ручная,
Да затѣйница какая !
Бѣлка пѣсенки поетъ ,
Да орѣшки все грызетъ,
А орѣшки не простые,
Все скорлупки золотыя,
Ядра — чистый изумрудъ ;
Слуги бѣлку стерегутъ,
Служать ей прислугой разной —
И приставленъ дьякъ приказной
Строгий счетъ орѣхамъ вестъ ;
Отдаетъ ей войско честь ;

Изъ скорлупокъ льютъ монету,
Да пускаютъ въ ходъ по свѣту;
Дѣвки сыщютъ изумрудъ
Въ кладовыя, да подспудъ :
Всѣ въ томъ островѣ богаты,
Изобъ нѣтъ, вездѣ палаты ;
А сидитъ въ немъ князь Гвидонъ,
Онъ прислалъ тебѣ поклонъ.
Царь Салтанъ дивится чуду.
Если только живъ я буду,
Чудный островъ навѣщу,
У Гвидона погощу.
А ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой,
Не хотятъ его пустить
Чудный островъ навѣстить.
Усмѣхнувшись изподтиха,
Говоритъ царю ткачиха :
«Что тутъ дивнаго? ну, вотъ !
Бѣлка камешки грызетъ,
Мечетъ золото, и въ груди
Загребаетъ изумруды ;
Этимъ насъ не удивишь,
Правду ль, нѣтъ ли говоришь.
Въ свѣтѣ есть иное диво :
Море вздуется бурливо,
Закипитъ, подыметъ вой,
Хлынетъ на берегъ пустой,
Разольется въ шумномъ бѣгѣ
И очутятся на брегѣ
Въ чешуѣ, какъ жаръ горя,
Тридцать-три богатыря,

Всѣ красавцы удалые,
Великаны молодые,
Всѣ равны, какъ наподборъ —
Съ ними дядька Черноморъ.
Это диво, такъ ужъ диво,
Можно молвить справедливо!»
Гости умные молчатъ,
Спорить съ нею не хотятъ.
Диву царь Салтанъ дивится,
А Гвидонъ—то злится, злится....
Зажужжалъ онъ и какъ разъ
Теткѣ сѣлъ на лѣвой глазъ,
И ткачиха поблѣднѣла;
Ай! и тутъ же окривѣла;
Всѣ кричатъ : «лови, лови,
Да дави ее, дави....
Вотъ ужо! постой немножко,
Погоди....» А князь въ окошко,
Да спокойно въ свой удѣлъ
Черезъ море приметѣлъ!

Князь у синя моря ходитъ,
Съ синя моря глазъ не сводитъ;
Глядь : поверхъ текучихъ водъ
Лебедь бѣлая плыветъ.
«Здравствуй, князь ты мой прекрасной!
Что ты тихъ, какъ день ненастной?
Опечалился чему?»
Говоритъ она ему.
Князь Гвидонъ ей отвѣчаетъ :
Грусть—тоска меня съѣдаетъ —
Диво бѣ дивное хотѣлъ

Перенести я въ мой удѣлъ.
«А какое жъ это диво?»
— Гдѣ-то вздуется бурливо
Окіянь, подыметъ вой,
Хлынетъ на берегъ пустой,
Расплеснется въ шумномъ бѣгѣ,
И очутятся на брегѣ,
Въ чешуѣ, какъ жаръ горя,
Тридцать три богатыря,
Всѣ красавцы молодые,
Великаны удалые,
Всѣ равны, какъ наподборъ,
Съ ними дядька Черноморъ —
Князю лебедь отвѣчаетъ :
«Вотъ что, князь, тебя смущаетъ?
Не тужи, душа моя,
Это чудо знаю я.
Эти витязи морскіе
Мнѣ вѣдь братья всѣ родные.
Не печалься же, ступай,
Въ гости братцевъ поджидай.»

Князь пошелъ, забывши горе,
Сѣлъ на башню, и на море
Сталъ глядѣть онъ ; море вдругъ
Всколыхалось вокругъ,
Расплескалось въ шумномъ бѣгѣ,
И оставило на брегѣ
Тридцать три богатыря ;
Въ чешуѣ какъ жаръ горя,
Идутъ витязи четами,
И блистая сѣдинами

Дядька впереди идетъ
И ко граду ихъ ведетъ.
Съ башни князь Гвидонъ сбѣгаетъ,
Дорогихъ гостей встрѣчаетъ ;
Второпяхъ народъ бѣжитъ ;
Дядька князю говоритъ :
«Лебедь насъ къ тебѣ послала
И наказомъ наказала
Славный городъ твой хранить
И дозоромъ обходить.
Мы отнынѣ ежедневно
Вмѣстѣ будемъ непремѣнно
У высокихъ стѣнъ твоихъ
Выходить изъ водъ морскихъ.
Такъ увидимся мы вскорѣ,
А теперь пора намъ въ море ;
Тяжекъ воздухъ намъ земли.»
Всѣ потомъ домой ушли.

Вѣтеръ по морю гудитъ
И корабликъ подгоняетъ ;
Онъ бѣжитъ себѣ въ волнахъ
На поднятыхъ парусахъ
Мимо острова крутаго,
Мимо города большаго ;
Пушки съ пристани память,
Кораблю пристать велятъ.
Пристаютъ къ заставѣ гости.
Князь Гвидонъ зоветъ ихъ въ гости,
Ихъ и кормить и поить
И отвѣтъ держать велитъ :
Чѣмъ вы, гости, торгъ ведете ?

Расплеснется въ скоромъ бѣгѣ —
И останутся на брегѣ
Тридцать три богатыря,
Въ чешуѣ златой горя,
Всѣ красавцы молодые,
Великаны удалые,
Всѣ равны, какъ наподборъ ;
Старый дядька Черноморъ
Съ ними изъ моря выходитъ
И попарно ихъ выводитъ,
Чтобы островъ тотъ хранить
И дозоромъ обходить :
И той стражи нѣтъ надежнѣй
Ни храбрѣе, ни прилежнѣй.
А сидитъ тамъ князь Гвидонъ,
Онъ прислалъ тебѣ поклонъ.
Царь Салтанъ дивится чуду.
Коли живъ я только буду,
Чудный островъ навѣщу
И у князя погощу.
Повариха и ткачиха
Ни гугу — но Бабариха
Усмѣхнувшись говорить :
« Кто насъ этимъ удивить ?
Люди изъ моря выходятъ
И себѣ дозоромъ бродятъ ;
Правду ль баютъ или лгутъ,
Дива я не вижу тутъ.
Въ свѣтѣ есть такія ль дива ?
Вотъ идетъ молва правдива :
За моремъ царевна есть,
Что не можно глазъ отвести.

Днемъ свѣтъ Божій затмѣваетъ,
Ночью землю освѣщаетъ,
Мѣсяцъ подь косою блеститъ,
А во лбу звѣзда горитъ.
А сама-то величава,
Выплываетъ, будто пава :
А какъ рѣчь то говоритъ,
Словно рѣченька журчитъ.
Молвить можно справедливо,
Это диво, такъ ужъ диво. »
Гости умные молчатъ :
Спорить съ бабой не хотятъ.
Чуду царь Салтанъ дивится —
А царевичъ хоть и злится,
Но жалѣетъ онъ очей
Старой бабушки своей.
Онъ надъ ней жужжитъ, кружится —
Прямо на носъ къ ней садится,
Носъ ужалилъ богатырь :
На носу вскочилъ волдырь.
И опять пошла тревога :
« Помогите, ради бога !
Караулъ ! лови, лови,
Да дави его, дави....
Вотъ ужо ! пожди немножко,
« Погоди !... А шмель въ окошко,
Да спокойно въ свой удѣлъ
Черезъ море полетѣлъ.

Князь у синя моря ходитъ,
Съ синя моря глазъ не сводитъ ;
Глядь — поверхъ текучихъ водъ

Лебедь бѣлая плыветъ.
«Здравствуй, князь ты мой прекрасной!
Что жъ ты тихъ, какъ день ненастной?
Опечалился чему?»
Говоритъ она ему.
Князь Гвидонъ ей отвѣчаетъ.
Грусть-тоска меня съѣдаетъ : —
Люди женятся ; гляжу,
Не женатъ лишь я хожу. —
«А кого же на примѣтъ
Ты имѣешь?» — Да на свѣтъ,
Говорятъ, царевна есть,
Что не можно глазъ отвести.
Днемъ свѣтъ Божій затмѣваетъ,
Ночью землю освѣщаетъ —
Мѣсяцъ подъ косою блещитъ,
А во лбу звѣзда горитъ.
А сама-то величава,
Выступаетъ, будто пава ;
Сладку рѣчь-то говоритъ,
Будто рѣченька журчитъ.
Только, полно, правда ль это? —
Князь со страхомъ ждетъ отвѣта.
Лебедь бѣлая молчитъ
И подумавъ говоритъ :
«Да! такая есть дѣвица.
Но жена не рукавица :
Съ бѣлой ручки не стряхнешь,
Да за поясъ не заткнешь.
Услужу тебѣ совѣтомъ —
Слушай : обо всемъ объ этомъ
Пораздумай ты путемъ,

Не раскаяться бѣ потомъ.»
Князь предъ нею сталъ божиться,
Что пора ему жениться,
Что объ этомъ обо всемъ
Передумалъ онъ путемъ ;
Что готовъ душою страстной
За царевною прекрасной
Онъ пѣшкомъ итти отсель,
Хоть за тридевять земель.
Лебедь тутъ вздохнувъ глубоко,
Молвила : «зачѣмъ далеко?
Знай, близка судьба твоя,
Вѣдь царевна эта — я.»
Тутъ она, взмахнувъ крылами,
Полетѣла надъ волнами
И на берегъ съ высоты,
Опустилася въ кусты,
Встрепенулася, отряхнулася
И царевной обернулася :
Мѣсяць подъ косою блистать,
А во лбу звѣзда горитъ ;
А сама-то величава,
Выступаетъ, будто пава ;
А какъ рѣчь-то говоритъ,
Словно рѣченька журчитъ.
Князь царевну обнимаетъ,
Къ бѣлой груди прижимаетъ
И ведетъ ее скорѣй
Къ милой матушкѣ своей.
Князь ей въ ноги, умоляя.
— Государыня родная !
Выбралъ я жену себѣ,

Дочь послушную тебѣ.
Просимъ оба разрѣшенья,
Твоего благословенья :
Ты дѣтей благослови
Жить въ совѣтѣ и любви. —
Надъ главою ихъ покорной
Мать съ иконой чудотворной
Слезы льетъ и говоритъ :
« Богъ васъ, дѣти, наградить. »
Князь не долго собирался,
На царевнѣ обвѣнчался ;
Стали жить да поживать,
Да приплода поджидать.

Вѣтеръ по морю гуляетъ
И корабликъ подгоняетъ :
Онъ бѣжитъ себѣ въ волнахъ
На раздутыхъ парусахъ
Мимо острова крутаго,
Мимо города большаго ;
Пушки съ пристани палятъ,
Кораблю пристать велятъ.
Пристаютъ къ заставѣ гости.
Князь Гвидонъ зоветъ ихъ въ гости,
Онъ ихъ кормить и поить
И отвѣтъ держать велитъ :
Чѣмъ вы, гости, торгъ ведете,
И куда теперь плывете ?
Жорабельщики въ отвѣтъ :
Мы объѣхали весь свѣтъ ;
Торговали мы не даромъ
Неуказаннымъ товаромъ ;

А лежитъ намъ путь далекъ :
Во свояси на востокъ,
Мимо острова Буяна,
Въ царство славнаго Салтана.
Князь имъ вымолвилъ тогда :
Добрый путь вамъ, господа,
По морю по окіяну,
Къ славному царю Салтану ;
Да напомните ему,
Государю своему :
Къ намъ онъ въ гости обѣщался,
А доселѣ не собрался.
Шлю ему я свой поклонъ.
Гости въ путь, а князь Гвидонъ
Дома на сей разъ остался
И съ женою не разстался.

Вѣтеръ весело шумить,
Судно весело бѣжитъ
Мимо острова Буяна
Къ царству славнаго Салтана,
И знакомая страна
Вотъ ужъ издали видна.
Вотъ на берегъ вышли гости.
Царь Салтанъ зоветъ ихъ въ гости.
Гости видятъ : во дворцѣ
Царь сидитъ въ своемъ вѣнцѣ,
А ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой,
Около царя сидятъ.
Четырьмя всѣ три глядятъ.
Царь Салтанъ гостей сажаетъ

За свой столъ и вопрошаетъ :
Ой вы, гости-господа,
Долго ль ѣздили? куда?
Ладно ль за моремъ, иль худо?
И какое въ свѣтѣ чудо?
Корабельщики въ отвѣтъ :
Мы объѣхали весь свѣтъ ;
За моремъ житье нехудо,
Въ свѣтѣ жъ вотъ какое чудо :
Островъ на морѣ лежитъ,
Градъ на островѣ стоитъ,
Съ златоглавыми церквами,
Съ теремами и садами ;
Ель растетъ передъ дворцомъ,
А подъ ней хрустальный домъ ;
Бѣлка въ немъ живетъ ручная,
Да чудесница какая!
Бѣлка пѣсенки поетъ,
Да орѣшки все грызетъ ;
А орѣшки не простыя
Скорлупы-то золотыя,
Ядра — чистый изумрудъ ;
Бѣлку холятъ, берегутъ.
Тамъ еще другое диво :
Море вздуется бурливо,
Закипитъ, подыметъ вой,
Хлынетъ на берегъ пустой,
Расплеснется въ скоромъ бѣгѣ
И очутятся на брегѣ
Въ чешуѣ, какъ жаръ горя,
Тридцать три богатыря,
Всѣ красавцы удалые,

Великаны молодые,
Всѣ равны, какъ наподборъ —
Съ ними дядька Черноморъ.
И той стражи нѣтъ надежнѣй,
Ни храбрѣе, ни прилежнѣй.
А у князя женка есть,
Что не можно глазъ отвести ;
Днемъ свѣтъ Божій затмѣваетъ,
Ночью землю освѣщаетъ ;
Мѣсяцъ подъ косою блещитъ,
А во лбу звѣзда горитъ.
Князь Гвидонъ тотъ городъ правитъ,
Всякъ его усердно славитъ ;
Онъ прислалъ тебѣ поклонъ,
Да тебѣ прѣняетъ онъ :
Къ намъ-де въ гости обѣщамся,
А доселѣ не собрался.

Тутъ ужъ царь не утерпѣлъ,
Снарядить онъ флотъ велѣлъ.
А ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой,
Не хотятъ царя пустить
Чудной островъ навѣстить.
Но Салтанъ имъ не внимаетъ
И какъ разъ ихъ унимаетъ :
«Что я? царь или дитя?»
Говоритъ онъ не шутя :
«Нынче жъ ѣду!» — Тутъ онъ топнулъ,
Вышелъ вонъ и дверью хлопнулъ.

Подъ окномъ Гвидонъ сидитъ,
Молча на морѣ глядитъ :

Не шумить оно, не хлещетъ,
Лишь едва едва трепещетъ,
И въ лазоревой дали
Показались корабли;
По равнинамъ окіяна
Ѣдетъ флотъ царя Самтана.
Князь Гвидонъ тогда вскочилъ,
Громогласно возопилъ :
«Матушка моя родная!
Ты, княгиня молодая!
Посмотрите вы туда ;
Ѣдетъ батюшка сюда.»
Флотъ ужъ къ острову подходитъ.
Князь Гвидонъ трубу наводитъ :
Царь на палубѣ стоитъ,
И въ трубу на нихъ глядитъ,
Съ нимъ ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой ;
Удивляются онѣ
Незнакомой сторонѣ.
Разомъ пушки запалили ;
Въ колокольняхъ зазвонили,
Къ морю самъ идетъ Гвидонъ ;
Тамъ царя встрѣчаетъ онъ
Съ поварихой и ткачихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой ;
Въ городъ онъ повелъ царя,
Ничего не говоря.

Всѣ теперь идутъ въ палаты
У воротъ блистаютъ латы,
И стоятъ въ глазахъ царя

Тридцать-три богатыря,
Всѣ красавцы молодые,
Великаны удалые,
Всѣ равны какъ наподборъ,
Съ ними дядька Черноморъ.
Царь вступилъ на дворъ широкой :
Тамъ подъ елкою высокой
Бѣлка пѣсенку поетъ,
Золотой орѣхъ грызетъ,
Изумрудецъ вынимаетъ
И въ мѣшечекъ опускаетъ ;
И засѣянъ дворъ большой
Золотою скорлупой.
Гости далѣ — торопливо
Смотрятъ — что жъ? Княгиня — диво :
Подъ косою луна блеситъ,
А во лбу звѣзда горитъ ;
А сама-то величава,
Выступаетъ, будто пава,
И свекровь свою ведетъ.
Царь глядитъ — и узнаетъ....
Въ немъ разыграло ретивое!
«Что я вижу? что такое?
Какъ!» и духъ въ немъ занялся....
Царь слезами залился,
Обнимаетъ онъ царицу
И сынка и молодицу,
И садятся всѣ за столъ ;
И веселый пиръ пошелъ.
А ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой,
Разбѣжались по угламъ ;

Ихъ нашли насилу тамъ.
Тутъ во всемъ онѣ признались,
Повинились, разрыдались.
Царь для радости такой
Отпустилъ всѣхъ трехъ домой.
День прошелъ — царя Салтана
Уложили спать въ полъяна.
Я тамъ былъ; медъ, пиво пилъ —
И усы лишь обмочилъ.

3.

С К А З К А

О КУПЦѢ КУЗЬМѢ ОСТОЛОПѢ И РАБОТНИКѢ ЕГО БАЛДѢ.

(1831.)

Жиль-быль купецъ Кузьма Остолопъ,
По прозванью Осиновый-Лобъ.
Пошелъ Кузьма по базару
Посмотрѣть кой-какого товару.
Навстрѣчу ему Балда
Идетъ, самъ не зная куда.
«Что, дядюшка, такъ рано поднялся?
Чего ты взыскался?»
Кузьма ему въ отвѣтъ : «Нуженъ мнѣ работникъ —
Поваръ, конюхъ и плотникъ.
А гдѣ найти мнѣ такого
«Служителя, не слишкомъ дорогаго?»
Балда говоритъ :
«Буду служить тебѣ славно,
Усердно и очень исправно
Въ годъ за три щелчка тебѣ по лбу ;

Ѣсть же давай мнѣ вареную полбу.»
Приздумался нашъ Кузьма Остолопъ,
Сталъ почесывать лобъ.
Щелчокъ щелчку вѣдь розъ —
Да понадѣлся онъ на Русскій *авось*.
Кузьма говоритъ Балдѣ : «Ладно :
Не будетъ намъ обоимъ накладно.
Поживи-ка на моемъ подворьѣ,
Окажи свое усердые и проворье.»
Живетъ Балда въ купеческомъ домѣ,
Спитъ себѣ на соломѣ,
Ѣсть за четверыхъ,
Работаетъ за семерыхъ ;
До свѣтла все у него пляшетъ,
Лошадь запряжетъ, полосу вспашетъ,
Печь затопитъ, все заготовитъ, закупитъ,
Яичко испечетъ, да самъ и облупитъ.
Хозяйка Балдой не нахвалится,
Ихъ дочка Балдой лишь и печалится,
Сынокъ ихъ зоветъ его : тятей,
Кашу заваритъ, нянчится съ дитятей ;
Одинъ Кузьма лишь Балду не любитъ.
Никогда его не приголубитъ,
О расплатѣ думаетъ частенько.
Время идетъ и срокъ ужъ близенько.
Кузьма не ѣсть, не пьетъ, ночи не спитъ.
Лобъ у него заранѣ трещитъ.
Вотъ онъ женѣ признается :
Такъ и такъ, что дѣлать остается?
Умъ у бабы догадливъ,
На всякія хитрости повадливъ.
Хозяйка Кузьмѣ говоритъ : «Знаю средство

Какъ удалить отъ насъ такое бѣдство :
Закажи Балдѣ службу, чтобъ стало ему не въ мочь;
А требуй, чтобъ онъ ее исполнилъ точь-въ-точь,
Тѣмъ ты и лобъ отъ расправы избавишь,
И Балду-то безъ расплаты отправишь. »
Стало на сердце у Кузьмы веселѣе;
Началъ онъ глядѣть на Балду посмѣлѣе.
Вотъ онъ кричитъ : «Поди-ка сюда,
Вѣрный мой работникъ Балда.
Слушай : платить обязались черти
Мнѣ оброкъ до самой моей смерти;
Лучшаго бѣ не надобно дохода,
Да есть на нихъ недоимки за три года.
Какъ набьшся ты своей полбы,
Собери-ка съ чертей оброкъ мнѣ полный. »
Балда, съ Кузьмой понапрасну не споря,
Пошелъ, да и сѣлъ у берега моря;
Тамъ онъ сталъ веревку крутить,
Да конецъ ея въ морѣ мочить.
Вотъ изъ моря вылѣзъ старый бѣсъ.
«Зачѣмъ ты, Балда, къ намъ залѣзъ?»
— «Да вотъ веревкой хочу море морщить,
Да васъ, проклятое племя, корчить. » —
Бѣса стараго взяла тутъ унымость.
— «Скажи, за что такая немилость?» —
«Какъ за что? Вы не платите оброка,
Не помните положеннаго срока,
Вотъ ужо будетъ намъ потѣха,
Вамъ, собакамъ, великая помѣха!»
— «Балдушка, погоди ты морщить море,
Оброкъ сполна ты получишь вскорѣ.
Погоди, вышлю къ тебѣ внука. » —

Балда мыслить : «этого провесть не штука!»
Вынырнулъ подосланный бѣсенокъ,
Замяукаль онъ, какъ голодный котенокъ.
«Здравствуй, Балда мужичокъ;
Какой тебѣ надобно оброкъ?
Объ оброкъ вѣкъ мы не слышали,
Не было чертямъ такой печали;
Ну, такъ и быть — возьми, да съ уговору,
Съ общаго нашего приговору —
Чтобы впередъ не было никому горя:
Кто скорѣе изъ насъ обѣжитъ около моря,
Тотъ и бери себѣ полный оброкъ,
Между тѣмъ приготовить тамъ и мѣшокъ.»
Засмѣялся Балда лукаво :
— «Что ты это выдумалъ, право?
Гдѣ тебѣ тягаться со мною,
Со мною, съ самимъ Балдою?
Экаго послали супостата!
Подождика-ка моего меньшаго брата.»
Пошелъ Балда въ ближній лѣсокъ,
Поймалъ двухъ зайцевъ, да въ мѣшокъ.
Къ морю опять онъ приходитъ ;
У моря бѣсенка находить.
Держить Балда за уши одного зайку :
«Попляши-ка ты подъ нашу баламайку;
Ты, бесѣнокъ, еще молоденецъ,
Со мною тягаться слабенецъ —
Это было бѣ лишь время трата,
Обгони-ка сперва моего брата.
Разъ, два, три! Догоняй-ка.»
Пустились бесѣнокъ и зайка,
Бѣсенокъ по берегу морскому,

А зайка въ лѣсокъ до дому.
Вотъ, море кругомъ обѣжавши,
Высунувъ языкъ, мордку поднявши,
Прибѣжалъ бѣсенокъ, задыхаясь,
Весь мокрешенекъ, лапкой утираясь,
Мысля: дѣло съ Балдою сладить.
Глядь — а Балда братца гладить, —
Приговаривая : «Братецъ мой любимый,
Усталъ, бѣдняжка! Отдохни родимой.»
Бѣсенокъ оторопѣлъ,
Хвостикъ поджалъ, совсѣмъ присмирѣлъ,
На братца поглядываетъ бокомъ.
«Погоди,» говоритъ, «схожу за оброкомъ.»
Пошелъ къ дѣду; говоритъ : «бѣда!
Обогналъ меня меньшій Балда!»
Старый бѣсъ сталъ тутъ думать думу;
А Балда надѣлалъ такого шуму,
Что все море смутилось,
И волнами такъ и расходилось.
Вылѣзъ бѣсенокъ. «Полно, мужичокъ,
Вышлемъ тебѣ весь оброкъ —
Только слушай : видишь ты палку эту?
Выбери себѣ любую мѣту —
Кто далѣе палку броситъ,
Тотъ пускай и оброкъ уносить.
Что жъ? Боишься вывихнуть ручки?
Чего ты ждешь?» — «Да жду вонъ этой тучки;
Зашвырну туда твою палку,
Да и начну съ вами, чертями, свалку.»
Испугался бѣсенокъ, да къ дѣду
Разсказывать про Балдову побѣду;
А Балда надъ моремъ опять шумить,

Да чертямъ веревкой грозить.
Вылѣзь опять бѣсенокъ : «Что ты хлопчешь,
Будеть тебѣ оброкъ, коли захочешь»....
— «Нѣтъ», говоритъ Балда,
«Теперь моя чередѣ —
Условіе самъ назначу,
Задамъ тебѣ, враженокъ, задачу.
Посмотримъ, какова у тебя сила!
Видишь тамъ сивая кобыла?
Кобылу подыми-ка ты,
Да неси ее полверсты;
Снесешь кобылу — оброкъ ужъ твой;
Не снесешь кобылы — анъ будетъ мой.»
Бѣдненькій бѣсъ
Подъ кобылу подлѣзь,
Понатужился,
Понапружился,
Приподнявъ кобылу, два шага шагнулъ,
На третьемъ упалъ, ножки протянулъ.
А Балда ему : «Глупый ты бѣсъ,
Куда ты за нами полѣзь?
И руками-то снести не смогъ,
А я, смотри, снесу промежъ ногъ.»
Слѣлъ Балда на кобылу верхомъ,
Да версту проскакалъ, такъ что пыль столбомъ ;
Испугался бѣсенокъ, и къ дѣду
Пошелъ рассказывать про такую побѣду.
Дѣлать нечего — черти собрали полный оброкъ,
Да на Балду взвалили мѣшокъ.
Идетъ Балда, побрякиваетъ,
А Кузьма, завидя Балду, вскакиваетъ,
За хозяйку прячется,

Со страху корячится.
Балда его тутъ отыскаль,
Отдалъ оброкъ, платы требовать сталъ.
Бѣдный купецъ Кузьма Остолопъ
Подставилъ лобъ.
Съ перваго щелчка —
Прыгнуль Кузьма до потолка,
Со втораго щелчка —
Лишился Кузьма языка,
А съ третьяго щелчка —
Вышибло умъ у старика.
А Балда приговаривалъ съ укоризной :
« Не гонялся бы ты, Кузьма, за дешевизной!... »

СКАЗКА

О ЗОЛОТОМЪ ПѢТУШКѢ.

Нѣгдѣ въ тридевятиомъ царствѣ,
Въ тридесятиомъ государствѣ,
Жилъ былъ славный царь Дадонъ.
Смолоду былъ грозенъ онъ,
И сосѣдямъ то и дѣло
Наносилъ обиды смѣло ;
Но подъ старость захотѣлъ
Отдохнуть отъ ратныхъ дѣлъ
И покой себѣ устроить.
Тутъ сосѣди безпокоить
Стали стараго царя,
Страшный вредъ ему творя.
Чтобъ концы своихъ владѣній
Охранять отъ нападений,
Долженъ былъ онъ содержать
Многочисленную рать.

Воеводы не дремали,
Но никакъ не успѣвали :
Ждутъ, бывало съ юга, глядь —
Анъ съ востока лѣзетъ рать ;
Справятъ здѣсь — лихіе гости
Идутъ отъ моря : со злости
Инда плакалъ царь Дадонъ,
Инда забывалъ и сонъ.
Что и жизнь въ такой тревогѣ!
Вотъ онъ съ просьбой о помогѣ
Обратился къ мудрецу,
Звѣздочету и скопцу ; —
Шлетъ за нимъ гонца съ поклономъ.
Вотъ мудрецъ передъ Дадономъ
Сталъ и вынулъ изъ мѣшка
Золотаго пѣтушка.
Посади ты эту птицу,
Молвилъ онъ царю, на спицу ;
Пѣтушокъ мой золотой
Будетъ вѣрный сторожъ твой.
Коль кругомъ все будетъ мирно —
Такъ сидѣть онъ будетъ смирно,
Но лишь чуть со стороны
Ожидать тебѣ войны,
Иль набѣга силы бранной,
Иль другой бѣды незванной —
Вмигъ тогда мой пѣтушокъ
Приподыметъ гребешокъ,
Закричитъ и встрепенется,
И въ то мѣсто обернется.
Царь скопца благодаритъ,
Горы золота сулитъ :

«За такое одолженье»,
 Говоритъ онъ въ восхищеньѣ
 «Волю первую твою
 Я исполню, какъ мою.»

Пѣтушокъ съ высокой спицы
 Сталъ стеречь его границы ;
 Чуть опасность гдѣ видна,
 Вѣрный сторожъ какъ со сна
 Шевельнется, встрепенется,
 Къ той сторонкѣ обернется
 И кричитъ : кири ку ку....

.
 И сосѣди присмирѣли,
 Воевать уже не смѣли.
 Таковой имъ царь Дадонъ
 Далъ отпоръ со всѣхъ сторонъ.

Годъ—другой проходитъ мирно,
 Пѣтушокъ сидитъ все смирно.
 Вотъ однажды царь Дадонъ
 Страшнымъ шумомъ пробужденъ :
 «Царь ты нашъ ! Отецъ народа !»
 Возглашаетъ воевода.
 «Государь ! проснись ! бѣда !»
 — Что такое, господа ?
 Говоритъ Дадонъ зѣвая,
 А ? кто тамъ ? бѣда какая ? —
 Воевода говоритъ :
 «Пѣтушокъ опять кричитъ ;
 Страхъ и шумъ во всей столицѣ.»
 Царь къ окошку — анъ на спицѣ,

Видитъ, бьется пѣтушокъ,
Обратившись на востокъ.
Медить нечего : скорѣе!
Люди, на конь ! Эй, живѣе !
Царь къ востоку войско шлетъ,
Старшій сынъ его ведетъ.
Пѣтушокъ утомился,
Шумъ утихъ и царь забылся.

Вотъ проходитъ восемь дней,
А отъ войска нѣтъ вѣстей :
Было ль, не было ль сраженья ?
Нѣтъ Дадону донесенья.
Пѣтушокъ кричитъ опять —
Кличетъ царь другую рать ;
Сына онъ теперь меньшова
Шлетъ на выручку большова,
Пѣтушокъ опять утихъ.
Снова вѣсти нѣтъ отъ нихъ.
Снова восемь дней проходятъ ;
Люди въ страхѣ дни проводятъ.
Пѣтушокъ кричитъ опять ;
Царь скликаетъ третью рать
И ведетъ ее къ востоку
Самъ, не зная быть ли проку.

Войска идутъ день и ночь ;
Имъ становится не въ мочь.
Ни побоища, ни стана,
Ни надгробнаго кургана
Не встрѣчаетъ царь Дадонъ.
Что за чудо ? мыслить онъ.

Вотъ осьмой ужъ день проходить,
Войско въ горы царь приводитъ,
И промежь высокихъ горъ
Видитъ шелковый шатеръ.
Все въ безмолвіи чудесномъ
Вкругъ шатра ; въ ущельи тѣсномъ
Рать побитая лежитъ.
Царь Дадонъ къ шатру спѣшитъ....
Что за страшная картина!
Передъ нимъ его два сына
Безъ шоломовъ и безъ латъ
Оба мертвые лежатъ,
Мечъ вонзивши другъ во друга.
Бродятъ кони ихъ средь луга
По притоптанной травѣ,
По кровавой муравѣ....
Царь завылъ : « Охъ дѣти, дѣти!
Горе мнѣ! попались въ сѣти
Оба наши сокола!
Горе! смерть моя пришла. »
Всѣ завыли за Дадономъ ;
Застонала тяжкимъ стономъ
Глубь долинъ, и сердце горъ
Потряслось. Вдругъ шатеръ
Распахнулся.... и дѣвица,
Шамаханская царица,
Вся сіяя какъ заря,
Тихо встрѣтила царя.
Какъ предъ солнцемъ птица ночи,
Царь умолкъ, ей глядя въ очи,
И забылъ онъ передъ ней
Смерть обоихъ сыновей.

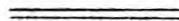
И она передъ Дадономъ
Улыбнулась — и съ поклономъ
Его за руку взяла
И въ шатеръ свой увела.
Тамъ за столъ его сажала,
Всякимъ яствомъ угощала,
Уложила отдыхать
На парчевую кровать,
И потомъ недѣлю ровно,
Покорясь ей безусловно,
Околдованъ, восхищенъ,
Пировалъ у ней Дадонъ.

Наконецъ и въ путь обратной
Со своею силой ратной
И съ дѣвицей молодой
Царь отправился домой.
Передъ нимъ молва бѣжала,
Быль и небыль разглашала.
Подъ столицей, близъ воротъ,
Съ шумомъ встрѣтилъ ихъ народъ;
Всѣ бѣгутъ за колесницей
За Дадономъ и царицей —
Всѣхъ привѣтствуетъ Дадонъ....
Вдругъ въ толпѣ увидѣлъ онъ,
Въ Сорочинской шапкѣ бѣлой,
Весь какъ лебедь посѣдѣлый,
Старый другъ его скопецъ.
«А! здорово, мой отецъ,
Молвилъ царь ему, что скажешь?
Подъ поближе, что прикажешь?»
— Царь, отвѣтствуетъ мудрецъ,

Разочтемся наконецъ,
Помнишь? за мою услугу
Объщался мнѣ, какъ другу,
Волю первую мою
Ты исполнить какъ свою.
Подари жъ ты мнѣ дѣвицу,
Шамаханскую царицу....
Крайне царь былъ изумленъ.
«Что ты? старцу молвилъ онъ,
Или бѣсъ въ тебя ввернулся,
Или ты съ ума ряхнулся?
Что ты въ голову забралъ?
Я конечно общалъ,
Но всему же есть граница.
И зачѣмъ тебѣ дѣвица?
Полно знаешь ли, кто я?
Попроси ты отъ меня
Хоть казну, хоть чинъ боярской,
Хоть коня съ конюшни царской,
Хоть полцарства моего.»
— Не хочу я ничего.
Подари ты мнѣ дѣвицу,
Шамаханскую царицу —
Говоритъ мудрецъ въ отвѣтъ.
Плюнулъ царь : «такъ лихъ же, нѣтъ!
Ничего ты не получишь.
Самъ себя ты грѣшникъ мучишь.
Убирайся, цѣль пока;
Оттащите старика!» —
Старичокъ хотѣлъ заспорить,
Но съ инымъ накладно вздорить;
Царь хватилъ его жезломъ

По лбу; тотъ упалъ ничкомъ,
Да и духъ вонъ. — Вся столица
Содрогнулась — а дѣвица
Хи хи хи, да ха ха ха!
Не боится знать грѣха.
Царь хоть былъ встревоженъ сильно,
Усмѣхнулся ей умильно —
Вотъ — въѣзжаетъ въ городъ онъ....
Вдругъ раздался легкій звонъ,
И въ глазахъ у всей столицы
Пѣтушокъ спорхнулъ со спицы,
Къ колесницѣ полетѣлъ
И царю на темя сѣлъ,
Встрепенулся, клюнулъ въ темя
И взвился... и въ то же время
Съ колесницы палъ Дадонъ —
Охнулъ разъ — и умеръ онъ —
А царица вдругъ пропала,
Будто вовсе не бывала

.....
.....

С К А З К А

О МЕРТВОЙ ЦАРЕВНѢ И О СЕМИ БОГАТЫРЯХЪ.

Царь съ царицею простился,
Въ путь—дорогу снарядился,
И царица у окна
Сѣла ждать его одна.
Ждетъ—пождетъ, съ утра до ночи
Смотритъ въ поле, инда очи
Разболѣлись гляючи
Съ бѣлой зори до ночи :
Не видать милаго друга !
Только видитъ : вьется вьюга,
Снѣгъ валится на поля,
Вся бѣлешенька земля.
Девять мѣсяцевъ проходитъ,
Съ поля глазъ она не сводитъ.
Вотъ въ сочельникъ въ самый, въ ночь,
Богъ даетъ царицѣ дочь.

Рано утромъ гость желанный,
День и ночь такъ долго жданный,
Издавеча, наконецъ
Воротился царь—отецъ.
На него она взглянула,
Восхищенья не снесла,
Тяжелешенько вздохнула,
И къ обѣднѣ умерла.

Долго царь былъ неутѣшенъ ;
Но какъ быть ? и онъ былъ грѣшенъ ;
Годъ прошелъ какъ сонъ пустой,
Царь женился на другой.
Правду молвить, молодица
Ужъ и впрямъ была царица :
Высока, стройна, бѣла,
И умомъ и всѣмъ взяла ;
Но за то горда, ломлива,
Своенравна и ревнива.
Ей въ приданое дано
Было зеркальце одно ;
Свойство зеркальце имѣло :
Говорить оно умѣло.
Съ нимъ однимъ она была
Добродушна, весела ;
Съ нимъ привѣтливо шутила,
И красуясь говорила :
«Свѣтъ мой, зеркальце ! скажи,
Да всю правду доложи :
Я ль на свѣтѣ всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе ?»
И ей зеркальце въ отвѣтъ :

«Ты, конечно, спору нѣтъ ;
Ты, царица, всѣхъ милѣ,
Всѣхъ румянѣй и бѣлѣ.»
И царица хохотать,
И плечами пожимать,
И подмигивать глазами,
И прищелкивать перстами,
И вертѣться подбочась,
Гордо въ зеркальце глядясь.

Но царевна молодая,
Тихомолкомъ расцвѣтая,
Между тѣмъ росла, росла,
Поднялась — и расцвѣла.
Бѣлолица, черноброва,
Нраву кроткаго такова.
И женихъ сыскался ей,
Королевичъ Елисей.
Сватъ пріѣхалъ ; царь далъ слово,
И приданое готово :
Семь торговыхъ городовъ,
Да сто сорокъ теремовъ.

На дѣвичникъ собираясь
Вотъ царица, наряжаясь
Передъ зеркальцемъ своимъ,
Перемолвилася съ нимъ.
«Я ль, скажи мнѣ, всѣхъ милѣ,
Всѣхъ румянѣй и бѣлѣ?»
Что же зеркальце въ отвѣтъ :
«Ты прекрасна, спору нѣтъ :
Но царевна всѣхъ милѣ,

Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе.»
Какъ царица отпрыгнетъ,
Да какъ ручку замахнетъ,
Да по зеркальцу какъ хлопнетъ,
Каблучкомъ—то какъ притопнетъ!
«Ахъ ты, мерзкое стекло!
Это врешь ты мнѣ на зло.
Какъ тягаться ей со мною?
Я въ ней дурь—то успокою,
Вишь какая подросла!
И не диво, что бѣла;
Мать беременна сидѣла,
Да на снѣгъ лишь и глядѣла!
Но скажи : какъ можно ей
Быть во всемъ меня милѣй?
Признавайся ; всѣхъ я краше.
Обойди все царство наше,
Хоть весь міръ, мнѣ равной нѣтъ.
Такъ ли?» Зеркальце въ отвѣтъ :
«А царица все жъ милѣе,
Все румянѣй и бѣлѣе.»
Дѣлать нечего. Она,
Черной зависти полна,
Бросивъ зеркальце подъ лавку,
Позвала къ себѣ Чернавку,
И наказываетъ ей,
Сѣнной дѣвушкѣ своей,
Везть царицу въ глушь лѣсную
И, связавъ ее, живую
Подъ сосной оставить тамъ
На съѣденіе волкамъ.

Чортъ ли сладить съ бабой гнѣвной?
Спорить нечего. Съ царевной
Вотъ Чернавка въ лѣсъ пошла,
И въ такую даль свела,
Что царевна догадалась,
И до смерти испугалась,
И взмолилась «Жизнь моя!
Въ чемъ, скажи, виновна я?
Не губи меня, дѣвица!
А какъ буду я царица
Я пожалую тебя.»
Та, въ душѣ ее любя,
Не убила, не связала,
Отпустила и сказала :
«Не кручинься, Богъ съ тобой.»
А сама пришла домой.
«Что?» сказала ей царица,
Гдѣ красавица-дѣвица?»
— Тамъ, въ лѣсу, стоитъ одна, —
Отвѣчаетъ ей она ;
— Крѣпко связаны ей локти ;
Попадется звѣрю въ когти,
Меньше будетъ ей терпѣть,
Легче будетъ умереть. —

И молва трезвонить стала :
Дочка царская пропала !
Тужить бѣдный царь по ней.
Королевичъ Елисей,
Помолясь усердно Богу,
Отправляется въ дорогу

За красавицей-душой,
За невѣстой молодой.

Но невѣста молодая,
До зари въ лѣсу блуждая,
Между тѣмъ все шла да шла,
И на теремъ набрела.
Ей навстрѣчу песь, залая,
Прибѣжалъ и смолкъ, играя ;
Въ ворота вошла она.
На подворьѣ тишина.
Песь бѣжитъ за ней, ласкаясь,
А царевна, подбираясь,
Поднялася на крыльцо
И взялася за кольцо ;
Дверь тихонько отворилась,
И царевна очутилась
Въ свѣтлой горницѣ ; кругомъ
Лавки, крытыя ковромъ,
Подъ святыми столъ дубовой,
Печь съ лежанкой изразцовой.
Видитъ дѣвица, что тутъ
Люди добрые живутъ ;
Знать, не будетъ ей обидно.
Никого межъ тѣмъ невидно.
Домъ царевна обошла,
Все порядкомъ убрала,
Засвѣтила Богу свѣчку,
Затопила жарко печку,
На полати взобралась
И тихонько улеглась.

Часъ обѣда приближался ;
Топотъ по двору раздался.
Входитъ семь богатырей,
Семь румяныхъ усачей.
Старшій молвилъ : « Что за диво !
Все такъ чисто и красиво.
Кто-то теремъ прибиралъ,
Да хозяевъ поджидалъ.
Кто же ? выйди и покажися,
Съ нами честно подружися :
Коль ты старый человекъ,
Дядей будешь намъ на вѣкъ ;
Коль парень ты румяный,
Братецъ будешь намъ названный ;
Коль старушка, будь намъ мать,
Такъ и станемъ величать ;
Коль красная дѣвица,
Будь намъ милая сестрица. »

И царевна къ нимъ сошла,
Честь хозяямъ отдала,
Въ поясъ низко поклонилась ;
Закраснѣвшись, извинилась,
Что-де въ гости къ нимъ зашла,
Хоть звана и не была.
Вмигъ по рѣчи тѣ спознали,
Что царевну принимали ;
Усадили въ уголокъ,
Подносили пирожокъ,
Рюмку полную наливали,
На подносѣ подавали.

Отъ зеленаго вина
Отрекалася она ;
Пирожокъ лишь разломилъ,
Да кусочикъ прикусилъ,
И съ дороги отдыхать
Отпросилась на кровать.
Отвели они дѣвицу
Вверхъ, во свѣтлую свѣтилицу,
И оставили одну,
Отходящую ко сну.

День за днемъ идетъ мелькая,
А царевна молодая
Все въ лѣсу, не скучно ей
У семи богатырей.
Передъ утренней зарею
Братья дружною толпою
Выѣзжаютъ погулять,
Сѣрыхъ утокъ пострѣлять,
Руку правую потѣшить,
Сорочина въ полѣ спѣшить,
Иль башку съ широкихъ плечъ
У Татарина отсѣчь,
Или выгравить изъ лѣса
Пятигорскаго Черкеса.
А хозяйюшкой она
Въ терему межъ тѣмъ одна,
Приберетъ и приготовить.
Имъ она не прекословитъ,
Не перечатъ ей они ;
Такъ идутъ за днями дни.
Братья милую дѣвицу

Полюбили. Къ ней въ свѣтлицу
Разъ, лишь только разсвѣло,
Всѣхъ ихъ семеро вошло.
Старшій молвилъ ей : « Дѣвица,
Знаешь : всѣмъ ты намъ сестрица,
Всѣхъ насъ семеро, тебя
Всѣ мы любимъ ; за себя
Взять тебя мы всѣ бы ради,
Да нельзя ; такъ Бога ради,
Помири насъ какъ нибудь :
Одному женою будь,
Прочимъ ласковой сестрою.
Что жъ качаешь головою?
Аль отказываешь намъ?
Аль товаръ не по купцамъ?»

— « Ой вы, молодцы честные,
Братцы вы мои родные, »
Имъ царица говоритъ :
« Коли лгу, пусть Богъ велитъ
Не сойти живой мнѣ съ мѣста.
Какъ мнѣ быть? вѣдь я невѣста.
Для меня вы всѣ равны,
Всѣ удалы, всѣ умны,
Всѣхъ я васъ люблю сердечно ;
Но другому я на вѣчно
Отдана. Мнѣ всѣхъ милѣй
Королевичъ Елисей.
Братья молча постояли,
Да въ затылкѣ почесали.
« Спрось не грѣхъ. Прости ты насъ, »
Старшій молвилъ поклонясь .

«Коли такъ, не заикнуса
Ужъ о томъ.» — «Я не сержуся,»
Тихо молвила она,
«И отказъ мой не вина.»
Женихи ей поклонились,
Потихоньку удалились,
И согласно всѣ опять
Стали жить да поживать.

Между тѣмъ царица злая,
Про царевну вспоминая,
Не могла простить ее;
А на зеркальце свое
Долго дулась и сердилась;
Наконецъ объ немъ хватилась
И пошла за нимъ, и сѣвъ
Передъ нимъ, забыла гнѣвъ,
Красоваться снова стала,
И съ улыбкою сказала:
«Здравствуй, зеркальце! скажи,
Да всю правду доложи:
Я ль на свѣтѣ всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе!»
И ей зеркальце въ отвѣтъ:
«Ты прекрасна, спору нѣтъ;
Но живетъ безъ всякой славы,
Средь зеленыя дубравы,
У семи богатырей
Та, что все жъ тебя милѣй.»
И царица налетѣла
На Чернавку: «Какъ ты смѣла
Обмануть меня? и въ чемъ!...»

Та призналася во всемъ,
Такъ и такъ. Царица злая,
Ей рогаткой угрожая,
Положила иль не жить,
Иль царевну погубить.

Разъ царевна молодая,
Милыхъ братьевъ поджидая,
Пряла сидя подъ окномъ.
Вдругъ сердито подъ крыльцомъ
Песъ замаялъ, и дѣвица
Видитъ : нищая черница
Ходитъ по двору, клюкой
Отгоняя пса. «Постой,
Бабушка, постой немножко,»
Ей кричитъ она въ окошко,
«Пригрожу сама я псу,
И кой-что тебѣ снесу.»
Отвѣчаетъ ей черница :
«Охъ ты, дитяtko дѣвица !
Песъ проклятый одолѣлъ,
Чуть до смерти не заѣлъ.
Посмотри, какъ онъ хлопочетъ !
Выйдь ко мнѣ.» — Царевна хочетъ
Выйти къ ней и хлѣбъ взяла,
Но съ крылечка лишь сошла,
Песъ ей подъ ноги — и лааетъ,
И къ старухѣ не пускаетъ ;
Лишь пойдетъ старуха къ ней,
Онъ, лѣснаго звѣря злѣй,
На старуху. Что за чудо !
«Видно выспался онъ худо,»

Ей царевна говоритъ ;
« На жъ, лови! » и хлѣбъ летитъ.
Старушонка хлѣбъ поймала ;
« Благодарствую, » сказала,
Богъ тебя благослови ;
Вотъ за то тебѣ, лови! »
И къ царевнѣ наливное,
Молодое, золотое,
Прямо яблочко летитъ....
Песъ какъ прыгнетъ, завизжитъ....
Но царевна въ обѣ руки,
Хватъ — поймала. « Ради скуки
Кушай яблочко, мой свѣтъ.
Благодарствуй за обѣдъ, »
Старушоночка сказала,
Поклонимась и пропала.
И съ царевной на крыльцо
Песъ бѣжитъ и ей въ лицо
Жалко смотреть, грозно воетъ,
Словно сердце песье ноетъ,
Словно хочетъ ей сказать :
Брось ! Она его ласкать,
Треплетъ нѣжною рукою ;
« Что, Соколка, что съ тобою,
Лягь! » и въ комнату вошла,
Дверь тихонько заперла,
Подъ окно за пряжу сѣла.
Ждать хозяевъ, а глядѣла
Все на яблоко. Оно
Соку спѣлаго полно,
Такъ свѣжо и такъ душисто,
Такъ румяно, золотисто,

Будто медомъ налимось!
Видны сѣмечки насквозь.
Подождать она хотѣла
До обѣда, не стерпѣла,
Въ руки яблочко взяла,
Къ алымъ губкамъ поднесла,
Потихоньку прокусила,
И кусочикъ проглотила....
Вдругъ она, моя душа,
Пошатнулась не дыша,
Бѣлы руки опустила,
Плодъ румяный уронила,
Закатилися глаза,
И она подъ образа
Головой на лавку пала,
И тиха, недвижна стала....

Братья въ ту пору домой
Возвращалися толпой
Съ молодецкаго разбоя.
Имъ навстрѣчу, громко воя,
Песъ бѣжить, и ко двору
Путь имъ кажетъ. «Не къ добру!
Братья молвили; печали
Не минуемъ.» Прискакали,
Входятъ, ахнули. Вбѣжавъ,
Песъ на яблоко стремглавъ
Съ лаемъ кинулся, озмился,
Проглотилъ его, свалился
И издохъ. Напоено
Было ядомъ знать оно.
Передъ мертвою царевной

Братя въ горести душевной
Всѣ поникли головой,
И съ молитвою святой
Съ лавки подняли, одѣли,
Хоронить ее хотѣли
И раздумали. Она
Какъ подъ крылышкомъ у сна,
Такъ тиха, свѣжа лежала,
Что лишь только не дышала.
Ждали три дня, но она
Не возстала ото сна.
Сотворивъ обрядъ печальный,
Вотъ они во гробъ хрустальный
Трупъ царевны молодой
Положили, и толпой
Понесли въ пустую гору,
И въ полуночную пору
Гробъ ея къ шести столбамъ
На цѣпяхъ чугунныхъ тамъ
Осторожно привинтили
И рѣшеткой оградили;
И предъ мертвою сестрой
Сотворивъ поклонъ земной, —
Старшій молвилъ : « Спи во гробъ ;
Вдругъ погасла, жертвой злобѣ,
На землѣ твоя краса,
Духъ твой примутъ небеса.
Нами ты была любима
И для милаго хранима —
Не досталась никому,
Только гробу одному. »

Въ тотъ же день царица злая,
Доброй вѣсти ожидая
Втайнѣ зеркальце взяла
И вопросъ свой задала :
«Я ль, скажи мнѣ, всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе?»
И услышала въ отвѣтъ :
«Ты, царица, спору нѣтъ,
Ты на свѣтѣ всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе.»

За невѣстою своей
Королевичъ Елисей
Между тѣмъ по свѣту скачетъ.
Нѣтъ, какъ нѣтъ ! Онъ горько плачетъ,
И кого ни спросить онъ,
Всѣмъ вопросъ его мудренъ ;
Кто въ глаза ему смѣется,
Кто скорѣе отвернется ;
Къ красну солнцу наконецъ
Обратился молодецъ.
«Свѣтъ нашъ солнышко ! ты ходишь
Круглый годъ по небу,водишь
Зиму съ теплою весной,
Всѣхъ насъ видишь подъ собой.
Аль откажешь мнѣ въ отвѣтъ?
Не видало ль гдѣ на свѣтѣ
Ты царевны молодой ?
Я женихъ ей.» — «Свѣтъ ты мой,»
Красно солнце отвѣчало :
«Я царевны не видало.

Знать ее въ живыхъ ужъ нѣтъ.
Развѣ мѣсяцъ, мой сосѣдъ,
Гдѣ нибудь ее да встрѣтилъ,
Или слѣдъ ея замѣтилъ.»

Темной ночи Елисей
Дождался въ тоскѣ своей.
Только мѣсяцъ показался,
Онъ за нимъ съ мольбой погнался
«Мѣсяцъ, мѣсяцъ, мой дружокъ,
Позолоченный рожокъ!
Ты встаешь во тмѣ глубокой,
Круглолицый, свѣтлоокой,
И обычай твой любя,
Звѣзды смотрятъ на тебя.
Аль откажешь мнѣ въ отвѣтъ?
Не видалъ ли гдѣ на свѣтѣ
Ты царевны молодой?
Я женихъ ей.» — «Братецъ мой,»
Отвѣчаетъ мѣсяцъ ясной :
«Не видалъ я дѣвы красной.
На сторожѣ я стою
Только въ очередь мою.
Безъ меня царевна видно
Пробѣжала» — «Какъ обидно!»
Королевичъ отвѣчалъ.
Ясный мѣсяцъ продолжалъ :
«Погоди : объ ней, быть можетъ,
Вѣтеръ знаетъ ; онъ поможетъ.
Ты къ нему теперь ступай
Не печалься же, прощай.»

Елисей не унывая
Къ вѣтру кинулся, зывая :
«Вѣтеръ, вѣтеръ ! Ты могучъ,
Ты гоняешь стаи тучъ,
Ты волнуешь сине море,
Всюду вѣешь на просторѣ,
Не боишься никого,
Кромѣ бога одного.
Аль откажешь мнѣ въ отвѣтѣ ?
Не видалъ ли гдѣ на свѣтѣ
Ты царевны молодой ?
Я женихъ ея.» — «Постой,»
Отвѣчаетъ вѣтеръ буйный :
«Тамъ, за рѣчкой тихоструйной,
Есть высокая гора ;
Въ ней глубокая нора ;
Въ той норѣ, во тмѣ печальной,
Гробъ качается хрустальной
На цѣпяхъ между столбовъ.
Не видать ни чьихъ слѣдовъ
Вкругъ того пустаго мѣста :
Въ томъ гробу твоя невѣста.»

Вѣтеръ далѣ побѣжалъ.
Королевичъ зарыдалъ,
И пошелъ къ пустому мѣсту,
На прекрасную невѣсту
Посмотрѣть еще хоть разъ.
Вотъ идетъ ; и поднялась
Передъ нимъ гора крутая ;
Вкругъ нея страна пустая ;

Подъ горою темный входъ.
Онъ туда скорѣй идетъ.
Передъ нимъ, во мглѣ печальной,
Гробъ качается хрустальной,
И въ хрустальномъ гробѣ томъ
Спитъ царица мертвымъ сномъ.
И о гробъ невѣсты милой
Онъ ударился всей силой.
Гробъ разбился. Дѣва вдругъ
Ожила. Глядитъ вокругъ
Изумленными глазами,
И качаясь надъ цѣпями,
Привздохнувъ, произнесла :
«Какъ же долго я спала!»
И встаетъ она изъ гроба....
Ахъ!... и зарыдали оба.
Въ руки онъ ее беретъ
И на свѣтъ изъ тмы несетъ,
И бесѣдуя приятно,
Въ путь пускается обратно,
И трубить уже молва :
Дочка царская жива !

Дома въ ту пору безъ дѣла
Злая мачиха сидѣла
Передъ зеркальцемъ своимъ
И бесѣдовала съ нимъ,
Говоря : «Я ль всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе!»
И слышала въ отвѣтъ :
«Ты прекрасна, слова нѣтъ,
Но царица все жъ милѣе,

Все румянѣй и бѣлѣе.»
Злая мачиха, вскочивъ,
Объ полъ зеркальце разбивъ,
Въ двери прямо побѣжала
И царевну повстрѣчала.
Тутъ ее тоска взяла
И царица умерла.
Лишь ее похоронили,
Свадьбу тотчасъ учинили,
И съ невѣстою своей
Обвѣнчался Елисей :
И никто съ начала міра
Не видалъ такого пира ;
Я тамъ былъ ; медъ, пиво пилъ,
Да усы лишь обмочилъ.

6.

С К А З К А

О РЫБАКѢ И РЫБКѢ.

(1833.)

Жилъ старикъ со своею старухой
У самаго синяго моря ;
Они жили въ ветхой землянкѣ
Ровно тридцать лѣтъ и три года.
Старикъ ловилъ неводомъ рыбу,
Старуха пряла свою пряжу.
Разъ онъ въ море закинулъ неводъ,
Пришелъ неводъ съ одною тиной ;
Онъ въ другой разъ закинулъ неводъ
Пришелъ неводъ съ травой морской ;
Въ третій разъ закинулъ онъ неводъ,
Пришелъ неводъ съ золотой рыбкою,
Съ непростою рыбкой, золотою.
Какъ взмолился золотая рыбка,
Голосомъ молвить человѣчьимъ :
«Отпусти ты, старче, меня въ море,

«Дорогой за себя дамъ откупъ :
«Откуплюсь чѣмъ только пожелаешь.»
Удивился старикъ, испугался :
Онъ рыбачилъ тридцать лѣтъ и три года,
И не слыхивалъ, чтобъ рыба говорила.
Отпустилъ онъ рыбку золотую
И сказалъ ей ласковое слово :
— Богъ съ тобою, золотая рыбка!
Твоего мнѣ откупа не надо;
Ступай себѣ въ синее море,
Гуляй тамъ себѣ на-просторѣ.
Воротился старикъ ко старухѣ,
Разказалъ ей великое чудо.
— Я сегодня поймалъ-было рыбку,
Золотую рыбку, не простую ;
По нашему говорила рыбка,
Домой въ море синее просилась,
Дорогою цѣною откупалась :
Откупалась чѣмъ только пожелаю,
Не посмѣлъ я взять съ нея выкупъ ;
Такъ пустилъ ее въ синее море —
Старика старуха забранила.
«Дурачина ты, простофиля!
Не умѣлъ ты взять выкупа съ рыбки!
Хоть бы взялъ ты съ нея корыто :
Наше-то совсѣмъ расколосось.»
Вотъ пошелъ онъ къ синему морю.
Видитъ : море слегка разыгралось.
Сталъ онъ кликать золотую рыбку ;
Приплыла къ нему рыбка и спросила :
«Чего тебѣ надобно, старче?»

Ей съ поклономъ старикъ отвѣчаетъ :
— Смилуйся, государыня, рыбка!
Разбранила меня моя старуха,
Не даетъ старику мнѣ покою :
Надобно ей новое корыто ;
Наше-то совсѣмъ расколосось. —
Отвѣчаетъ золотая рыбка :
«Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ!
Будетъ вамъ новое корыто.»
Воротился старикъ ко старухѣ ;
У старухи новое корыто.
Еще пуще старуха бранится :
«Дурачина ты, простофиля!
Выпросилъ, дурачина, корыто!
Въ корытѣ много ли корысти ?
Воротись, дурачина, ты къ рыбкѣ ;
Поклонись ей, вырази ужъ избу.»
Вотъ пошелъ онъ къ синему морю :
Помутилось синее море.
Сталъ онъ кликать золотую рыбку ;
Приплыла къ нему рыбка, спросила :
«Чего тебѣ надобно, старче?»
Ей старикъ съ поклономъ отвѣчаетъ :
— Смилуйся, государыня, рыбка!
Еще пуще старуха бранится,
Не даетъ старику мнѣ покою :
Избу просить, сварливая баба. —
Отвѣчаетъ золотая рыбка :
«Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ!
Такъ и быть : изба вамъ ужъ будетъ.»
Пошелъ онъ ко своей землянкѣ,

А землянки нѣтъ ужъ и слѣда ;
Передъ нимъ изба со свѣтелкой,
Съ кирпичною, бѣленою трубою,
Съ дубовыми, тесовыми вороты.
Старуха сидитъ подъ окошкомъ,
На чемъ свѣтъ стоитъ мужа ругаетъ.
« Дурачина ты, прямой простофиля !
Выпросилъ, простофиля, избу !
Воротись, поклонись рыбкѣ :
Не хочу быть черной крестьянкой,
Хочу быть столбовою дворянкой. »

Пошелъ старикъ къ синему морю :
Не спокойно синее море.
Сталъ онъ кликать золотую рыбку ;
Приплыла къ нему рыбка, спросила :
« Чего тебѣ надобно, старче ? »
Ей съ поклономъ старикъ отвѣчаетъ :
— Смилуйся, государыня, рыбка !
Пуще прежняго старуха вздурилась,
Не даетъ старику мнѣ покою :
Ужъ не хочетъ быть она крестьянкой,
Хочетъ быть столбовою дворянкой. —
Отвѣчаетъ золотая рыбка :
« Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ ! »

Воротился старикъ ко старухѣ ;
Что жъ онъ видитъ ? Высокій теремъ.
На крыльцѣ стоитъ его старуха
Въ дорогой собольей душегрѣйкѣ,
Парчевая на маковкѣ кичка,

Жемчуги окружили шею,
На рукахъ золотые перстни,
На ногахъ красные сапожки.
Передъ нею усердные слуги;
Она бьетъ ихъ, за чупрунъ таскаетъ.
Говорить старикъ своей старухѣ :
— Здравствуй, барыня-сударыня дворянка!
Чай теперъ твоя душенька довольна. —
На него прикрикнула старуха,
На конюшнѣ служить его послала.

Вотъ недѣля-другая проходить ;
Еще пуще старуха вздурилась ;
Опять къ рыбкѣ старика посылаетъ.
«Воротись, поклонися рыбкѣ :
Не хочу быть столбовою дворянкой,
А хочу быть вольною царицей.»
Испугался старикъ, взмолился :
— Что ты, баба, бѣлены объѣлась ?
Ни ступить, ни молвить не умѣешь —
Насмѣшишь ты цѣлое царство.
Осердилася пуще старуха,
По щекѣ ударила мужа.
«Какъ ты смѣешь, мужикъ, спорить со мною,
Со мною, дворянкой столбовою ?
Ступай къ морю, говорятъ тебѣ честию,
Не пойдешь, поведутъ по неволѣ.»

Старичокъ отправился къ морю :
Почернѣло синее море.
Сталъ онъ кликать золотую рыбку ;

Приплыла къ нему рыбка, спросила :
«Чего тебѣ надобно, старче?»
Ей съ поклономъ старикъ отвѣчаетъ :
— Смилуйся, государыня, рыбка!
Опять моя старуха бунтуетъ :
Ужъ не хочетъ быть она дворянкой,
Хочетъ быть вольною царицей. —
Отвѣчаетъ золотая рыбка :
«Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ!
Добро! будетъ старуха царицей!»

Старичокъ къ старухѣ воротился.
Что жъ? Предъ нимъ царскія палаты,
Въ палатахъ видитъ свою старуху,
За столомъ сидитъ она царицей,
Служать ей бояре, да дворяне,
Наливаютъ ей заморскія вины,
Заѣдаетъ она пряникомъ печатнымъ;
Вкругъ стоитъ ея грозная стража,
На плечахъ топорики держатъ.
Какъ увидѣлъ старикъ — испугался;
Въ ноги онъ старухѣ поклонился,
Молвилъ : здравствуй, грозная царица!
Ну, теперь твоя душенька довольна. —
На него старуха не взглянула,
Лишь съ очей прогнать его велѣла.
Подбѣжали бояре и дворяне,
Старика въ зашеи затолкали.
А въ дверяхъ-то стража подбѣжала,
Топорами чуть не изрубила;
А народъ-то надъ нимъ насмѣлся :

«По дѣломъ тебѣ, старый невѣжа!
Впредь тебѣ, невѣжа, наука;
Не садися не въ свои сани!» —

Вотъ недѣля, другая проходитъ,
Еще пуще старуха вздурилась:
Царедворцевъ за мужемъ посылаетъ.
Отыскали старика, привели къ ней.
Говоритъ старику старуха:
«Воротись, поклонися рыбкѣ:
Не хочу быть вольною царицей,
Хочу быть владычицей морскою,
Чтобъ жить мнѣ въ окіанѣ-морѣ,
Чтобъ служила мнѣ рыбка золотая
И была бъ у меня на посылкахъ.»
Старикъ не осмѣлился перечить,
Не дерзнулъ поперекъ слова молвить.
Вотъ идетъ онъ къ синему морю;
Видитъ, на морѣ черная буря —
Такъ и вздулись сердитыя волны,
Такъ и ходятъ, такъ воемъ и воютъ.
Сталъ онъ кликать золотую рыбку,
Приплыла къ нему рыбка, спросила:
«Чего тебѣ надобно, старче?»
Ей старикъ съ поклономъ отвѣчаетъ:
— Смилуйся, государыня, рыбка!
Что мнѣ дѣлать съ проклятою бабой?
Ужъ не хочетъ быть она царицей,
Хочетъ быть владычицей морской,
Чтобъ жить ей въ окіанѣ-морѣ,
Чтобы ты сама ей служила

И была бы у нее на посыткахъ. —
Ничего не сказала рыбка,
Лишь хвостомъ по водѣ плеснула
И ушла въ глубокое море.
Долго у моря ждалъ онъ отвѣта,
Не дождался, къ старухѣ воротился —
Глядь : опять передъ нимъ землянка,
На порогѣ сидитъ его старуха,
А предъ нею разбитое корыто.

I.

АЛЬФОНСЪ.

Альфонсъ садится на коня ;
Ему хозяинъ держитъ стремя :
«Сеньоръ, послушайте меня ;
Пускаться въ путь теперь не время,
Въ горахъ опасно, ночь близка ;
Другая вента далека ;
Останьтесь здѣсь ; готовъ вамъ ужинъ,
Въ каминѣ разложенъ огонь ;
Постеля есть, покой вамъ нуженъ,
И къ стойлу тянется вашъ конь. »
— Мнѣ путешествіе привычно
И днемъ и ночью : былъ бы путь ;
Тотъ отвѣчаетъ. Неприлично
Бояться мнѣ чегонибудь.
Я дворянинъ ; ни чортъ, ни воры
Не могутъ удержать меня,
Когда спѣшу на службу я. —
И донъ Альфонсъ коню далъ шпоры,

И ѣдетъ рысью. Передъ нимъ
Идетъ дорога круто въ горы
Ущельемъ тѣснымъ и глухимъ ;
Вотъ выѣзжаетъ онъ въ долину :
Какую жь видитъ онъ картину?
Кругомъ пустыня, дичь и голь ;
А въ сторонѣ торчитъ глаголь,
И на глаголь томъ два тѣла
Висятъ. Закаркавъ, отлетѣла
Ватага черная воронъ,
Лишь только къ нимъ подѣхалъ онъ.
То были трупы двухъ Гитановъ,
Двухъ славныхъ братьевъ-атамановъ,
Давно повѣшенныхъ, и тамъ
Оставленныхъ въ примѣръ ворами.
Дождями небо ихъ мочило,
И солнце знойное сушило,
Пустынный вѣтеръ ихъ качалъ,
Клевать ихъ воронъ прилеталъ.
И шла молва въ простомъ народѣ,
Что, обрываясь по ночамъ,
Они до утра, на свободѣ
Гуляли, мстя своимъ врагамъ.

II.

Б О В А.

Часто, часто я бесѣдовалъ
Съ болтуномъ страны Эминскія,
И не смѣлъ осиплымъ голосомъ,
Съ Шапеленомъ и съ Рифматовымъ,
Воспѣвать героевъ Сѣвера.
Несравненнаго Виргилія
Я читалъ и перечитывалъ,
Не стараясь подражать ему
Въ нѣжныхъ чувствахъ и гармоніи.
Разбиралъ я Нѣмца Клопштока,
И не могъ понять премудраго :
Не хотѣлъ я воспѣвать, какъ онъ.
Я хочу, меня чтобъ поняли
Всѣ отъ мала до великаго.
За Мильтономъ и Камознсомъ
Опасался я безъ кримъ парить.
Но вчера, въ архивахъ рояся,
Отыскалъ я книжку славную,
Золотую, незабвенную,
Прочиталъ — и въ восхищеніи
Про Бову пою царевича.

Незапомню, сколько лѣтъ спустя
Послѣ рождества Спасителя,
Царь Додопъ со славой царствовалъ
Въ Свѣтомірѣ, сильномъ городѣ.

Царь Додонъ вѣнецъ со скипетромъ
Не прямой досталъ дорогою,
Но убивъ царя законнаго
Бендокира Слабоумнаго.
Царь Додонъ не *слабоумнаго*
Былъ достоинъ злаго прозвища,
Но тирана неусыпнаго :
(Онъ однако не имѣлъ его).
Лѣнь мнѣ всѣ его достоинства
И пороки вамъ показывать ;
Вы слыхали, люди добрые,
О царѣ, что двадцать цѣлыхъ лѣтъ
Не снималъ съ себя оружія,
Не слѣзалъ съ коня ретиваго,
Всюду пролеталъ съ побѣдою,
Міръ крещеный потопилъ въ крови,
Не щадилъ и некрещенаго,
И, въ ничтожество низверженный
Александромъ, грознымъ ангеломъ,
Жизнь проводитъ въ униженіи,
И, забытый всѣми, кличется
Нынѣ Эльбы Императоромъ....
Вотъ таковъ-то былъ и царь Додонъ!
Разъ, собравъ бородачей совѣтъ
(Безбородыхъ не любилъ Додонъ)
На престолѣ пригорюнившись,
Произнесъ онъ имъ такую рѣчь :
«Вы, которые совѣтами
Облегчали тяжесть скипетра,
Услаждали участь царскую
(Не горька она была ему)

Мудрые друзья, сподвижники!
Къ вамъ прибѣгнуть я рѣшаюся :
Что мнѣ дѣлать нынѣ? Слушайте.»
Всѣ привстали важно хмурясь,
Низко, низко поклонилися,
И, поправя усъ и бороду,
Сѣли на скамьи дубовыя.
«Вамъ извѣстно, продолжалъ Додонъ,
Что искусствомъ и неправдою
Я достигъ престола шаткаго
Бендокира Слабоумнаго ;
Сочетался съ Милитрисою,
Милой женкой Бендокировой,
И въ темницу посадилъ Бову,
Принца крови, сына царскаго.
Легче, легче захватить было
Слабоумнаго златой вѣнецъ,
Чѣмъ, надѣвъ вѣнецъ на голову,
За собою удержать его.
Вотъ уже народъ безсмысленный,
Ходя въ праздники по улицамъ,
Межъ собой неразъ говаривалъ :
Дай Богъ помочь королевичу ;
Вѣдь Бова уже не маленькой,
Не въ отца своей головушкой.
Нужды нѣтъ, что за рѣшеткою,
Онъ моимъ опасенъ замысламъ.
Что мнѣ дѣлать съ нимъ, скажите мнѣ?»
Все собранье призадумалось,
Всѣ въ молчаньи потупили взоръ.
То-то право золотой Совѣтъ :

Не болтали здѣсь, а думали.
Арзаморъ, мужъ старый, опытный,
Ротъ открылъ-было (совѣтовать
Знать хотѣлось посѣдѣлому)
Громко крякнулъ, но одумался,
И въ молчаньи закусилъ языкъ.
Ко лбу перстъ приставя тщательно,
Лекаръ, славный Эскулапа внукъ,
Эзельдорфъ, обритый весь, зѣвалъ
Табакеркою поскрипывалъ,
Но молчалъ; своей премудрости
Онъ предъ всѣми не показывалъ.
Вихромахъ, Полканъ съ Дубынею,
Стражи трона, славны рыцари,
Всѣ сидѣли будто вкопаны.
Громобуръ, извѣстный силою,
Но умомъ непроницательный,
Думалъ, думалъ и нечаянно
Задремалъ и захрапѣлъ въ углу.
Что примѣра лучше дѣйствуетъ,
Что людьми сильнѣй ворочаетъ?
Вотъ зѣвнули подъ перчаткою
Храбрый Мирозоръ съ Ивашкою,
И Полканъ, и Арзаморъ сѣдой,
И ко груди приклонилися
Тихо головами буйными.
Глядь — съ Додономъ задремалъ Совѣтъ,
Захрапѣли многомыслящи!
Долго спать-было совѣтникамъ,
Если бъ Нѣмцу не пришлось изъ рукъ
Табакерку на полъ выронить;

Табакерка покатилая
И о шпору вдругъ ударилась
Громобуря, крѣпко спавшаго,
Загремѣла, раздвоилась,
Отлетѣла въ разны стороны.
Храбрый воинъ пробуждается,
Озираетъ все собраніе;
Между тѣмъ табакъ разсыпался,
Къ носу рыцаря подѣмлется,
И чихнулъ герой съ досадою
Такъ, что своды потрясаются,
Окны всѣ дрожатъ и сыплются,
И на петляхъ двери хлопаютъ :
Пробуждается собраніе.

«Что тутъ думать, закричалъ герой :
Царь! Бова тебѣ не надобенъ,
Ну, и къ чорту королевича!
Рѣшено — ему въ живыхъ не быть.
Послѣ, братцы, вы разсудите,
Какъ съ нимъ надобно раздѣлаться.»
Тѣмъ и кончилъ : храбры воины
Рѣчи любятъ лаконически.

«Ладно, мы тебя послушаемъ!
Царь промолвилъ протянувшись;
Завтра, други, мы увидимся,
А теперь ступайте всѣ домой.»

Оплошалъ Додонъ отсрочкою;
Не твердилъ онъ вѣрно въ азбукѣ :
«Не откладывай до завтраго,
Что сегодня можешь выполнить.»
Разошлись всѣ придворные.

Ночь межъ тѣмъ уже сгущалася ;
Царь Додонъ въ постелю царскую
Вмѣстѣ съ милой легъ супругою,
Съ несравненной Милитрисою.

Милитрисина служаночка,
Зоя, молодая дѣвица,
Ангель станомъ, взоромъ, личикомъ,
Бѣлой ручкой, нѣжной ножкою,
Съ госпожи снявъ платье шелково,
Юпку, чепчикъ, ленты, кружева,
Все подъ ключъ въ комодъ спрятала
И пошла тихонько въ дѣвичью.
Тамъ она сама раздѣлася,
Подняла съ трудомъ окошечко,
И легла въ постель пуховую,
Ожидая друга милаго,
Свѣтозара, пажа царскаго :
Къ темной ночкѣ общался онъ
Изъ окна прыгнуть къ ней въ комнату.
Ждетъ, пождетъ дѣвица красная —
Нѣтъ какъ нѣтъ все друга милаго.
Чу.... бьетъ полночь ; что же Зоинька ?
Видитъ : входятъ къ ней въ окошечко —
Кто же ? другъ ли сердца нѣжнаго ?
Нѣтъ, совсѣмъ не то, читатели !
Видитъ Зоя привидѣніе :
Старичишка съ длинной шапкою,
Въ балахонѣ вмѣсто мантіи,
Опоясанный мочалкою,
Видъ противный, глазъ на выкатѣ,
Ротъ разинуть, зубы скалятся,

Уши длинныя, ослиныя
Надъ плечами громко хлопаютъ....
Зоя смотритъ и со трепетомъ
Узнаетъ она, читатели,
Бендокира Слабоумнаго.
Трепетна, смятенья полная,
Стала на колѣни Зоинька,
Съединила ручку съ ручкою,
Потупила очи ясныя,
Прочитала скорымъ шепотомъ
Отче нашъ и Богородицу,
И тихохонько промолвила :
Что я вижу ? Боже ! Господи !
О Никола, Савва мученикъ,
Осѣните беззащитную !
Ты ли это, царь нашъ, батюшка ?
Отъ чего, скажи, оставилъ ты
Ныне царствіе небесное ?
Станнымъ смѣхомъ освѣтившись,
Тѣнь рекла прекрасной Зоинькѣ :
«Зоя, Зоя ! не страшись, мой свѣтъ !
Не пугать тебя мнѣ хочется,
Не на то сюда явился я
Съ того свѣта привидѣніемъ.
Весело пугать живыхъ людей ;
Но могу ли веселиться я,
Если сына Бендокирова,
Миаго Бову царевича,
На кострѣ изжарятъ завтра же ?
Бѣдный царь заплакалъ жалобно ;
Больно стало доброй дѣвушкѣ.

— Чѣмъ могу, скажи, помочь тебѣ ?
Я во всемъ тебѣ покорствую. —

«Вотъ что хочется мнѣ, Зоинька :
Изъ темницы сына выручи,
И сама въ жилище мрачное
Сядь на мѣсто королевича ;
Пострадай ты за невиннаго ;
Поклонюсь тебѣ низехонько
И скажу : спасибо, Зоинька !»

Зоинька тутъ призадумалась ;
Это жестко ей казалось ;
Но, имѣя чувства нѣжныя,
Зоя втайнѣ согласилась
На такое предложеніе.

Такъ, ты правъ, оракулъ Франціи,
Говоря, что жены, слабыя
Противъ стрѣлъ Эрота юнаго,
Всѣ имѣютъ душу добрую,
Сердце нѣжно-непритворное !
— Но скажи, о царь возлюбленный !
Зоя молвила покойнику,
Какъ могу — ну, посуди ты самъ —
Пренестись въ темницу мрачную,
Гдѣ горюетъ твой любезный сынъ ?
Пятьдесятъ отборныхъ воиновъ
Днемъ и ночью стерегутъ его.
Мнѣ ли, слабой, робкой женщинѣ,
Обмануть ихъ очи зоркія ? —

«Будь спокойна, случай найдется ;
Поклянись лишь только, милая,
Не отвернуть сего случая,

Если самъ тебѣ представится.»
— Я клянусь! — сказала дѣвица.
Вмигъ исчезло привидѣніе,
Изъ окошка быстро вылетѣвъ.
Воздыхая тихо, Зоинька
Опустила тутъ окошечко,
И въ постелѣ успокоившись,
Скоро, скоро сномъ забылася.

III.

НАЧАЛО СКАЗКИ.

Царь Никита жилъ когда-то,
Праздно, весело, богато;
Не творилъ добра, ни зла:
Такъ земля его цвѣла.
Царь трудился по немногу,
Кушалъ, пилъ, молился Богу,
И отъ разныхъ матерей
Прижилъ сорокъ дочерей —
Сорокъ дѣвушекъ прелестныхъ,
Сорокъ ангеловъ небесныхъ,
Чудо — сердцемъ и душой,
Что за ножка — Боже мой!
А головка, темный волосъ;
Чудо глазки, чудо волосъ!
Умъ съ ума свести бы могъ, —
Словомъ съ головы до ногъ

Душу — сердце все плѣняло ;
Одного не доставало :
Такъ — бездѣлка, ничего,
Ничего, иль очень мало,
Все равно не доставало.

IV.

Какъ весенней теплой порою,
Изъ-подъ утренней бѣлой зорюшки,
Что изъ лѣсу, лѣсу дремучаго —
Выходила медвѣдица,
Съ малыми дѣтушками-медвѣжатами,
Поиграть, погулять, себя показать.
Сѣла медвѣдица подъ березкой ;
Стали медвѣжата промежь собой играти,
Обниматися, боротися,
Боротися, да кувыркатися.
Отколь ни возмись мужикъ идетъ :
Онъ въ рукахъ несетъ рогатину,
А ножъ-то у него за поясомъ,
А мѣшокъ-то у него за плечами.
Какъ завидѣла медвѣдица
Мужика съ рогатиной,
Заревѣла медвѣдица,
Стала кликать дѣтушекъ,
Глупыхъ медвѣжатъ своихъ :
«Ахъ, вы дѣтушки, медвѣжатушки!

Перестаньте валяться,
Обниматься, кувыркаться!
Становитесь, хоронитесь за меня.
Ужъ я васъ мужику не выдамъ,
Я сама мужику брюхо выѣмъ!»
Медвѣжатушки испужалися,
За медвѣдиху побросалися,
А медвѣдиха осержалася —
На дыбы поднималася.
А мужикъ-отъ, онъ догадливъ былъ,
Онъ пускался на медвѣдиху,
Онъ сажалъ въ нее рогатину,
Что по выше пупа, пониже печени.
Грянулась медвѣдиха о сыру землю;
А мужикъ-то ей брюхо поролъ,
Брюхо поролъ, да шкуру снималъ,
Малыхъ медвѣжатъ въ мѣшки поклалъ,
А поклавши-то домой пошолъ:
«Вотъ тебѣ жена подарочекъ
Что медвѣжья шуба въ пятьдесятъ рублей
А что вотъ тебѣ подарочекъ
Трой медвѣжатъ по пяти рублей».

Не звоны пошли по городу,
Пошли вѣсти по всему по лѣсу.
Дошли вѣсти до медвѣдя чернобурова,
Что убилъ мужикъ его медвѣдиху,
Распоролъ ей брюхо бѣлое,
Медвѣжатушокъ въ мѣшокъ поклалъ.
Въ ту-пору медвѣдь запечалился,
Голову повѣсилъ, голосомъ завылъ

По свою ли сударушку,
Чернобурую медвѣдиху :
«Ахъ ты свѣтъ моя медвѣдиха !
На кого меня покинула?...
Ужъ какъ мнѣ съ тобой, моей боярыней,
Веселой игры не игрывати,
Милыхъ дѣтушекъ не родити,
Медвѣжатушекъ не качати,
Не качати, не баюкати!»
Въ ту пору звѣри собиралися
Ко тому ли медвѣдю — ко боярину ;
Прибѣгали звѣри большіе,
Прибѣгали тутъ звѣришки мѣньшіе,
Прибѣгаль тутъ волкъ.
У него-то зубы закусливые,
У него-то глаза завистливые !
Приходилъ тутъ бобръ, торговый гость,
У него-то бобра жирный хвостъ !
Приходила ласточка-дворяночка,
Приходила бѣлочка-княгиничка,
Приходила лисица-подъячиха —
Подъячиха, казначеиха !
Приходилъ скоморохъ-горностаюшка,
Прибѣгаль тутъ заяка — смердъ,
Зайка бѣдненькой, заяка сѣренькой !
Приходилъ цѣловальникъ — ёжъ :
Все-то онъ ёжъ ёжится,
Все-то онъ щетинится !
.

V.

Сватъ Иванъ, какъ пить мы станемъ,
Непремѣнно ужъ помянемъ
Трехъ Матренъ, Луку съ Петромъ,
Да Пахомовну потомъ.
Мы живали съ ними дружно ;
Ужъ какъ хочешь-будь что будь —
Этихъ надо помянуть,
Помянуть намъ этихъ нужно.
Поминать такъ поминать,
Начинать, такъ начинать,
Лить такъ лить, разливъ разливомъ.
Начинай же сватъ, пора!
Трехъ Матренъ, Луку съ Петромъ
Мы помянемъ пивомъ,
А Пахомовну потомъ
Пирогами, да виномъ,
Да еще ее помянемъ —
Сказки сказывать мы станемъ.
Мастерица вѣдь была!
И откуда что брала?
А куда разумны шутки,
Приговорки, прибаутки,
Небылицы, былины
Православной старины !...
Слушать-такъ душѣ отрадно ;
Кто придумалъ ихъ такъ складко ?
И не пилъ бы, и не ѣлъ,
Все бы слушалъ, да глядѣлъ.

Стариковъ когда-нибудь
(Жаль, теперь намъ недосужно)
Надо будетъ помянуть.
Помянуть и этихъ нужно....
Слушай свать : начну первой,
Сказка будетъ за тобой....
.....

XIV.

ПѢСНИ ЗАПАДНЫХЪ СЛАВЯНЪ.

(1832—1833.)

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Большая часть этихъ пѣсень взята мною изъ книги, вышедшей въ Парижѣ въ концѣ 1827 года, подъ названіемъ : *La Guzla, ou choix de Poësies Illyriques, recueillies dans la Dalmatie, la Bosnie, la Croatie et l'Herzegowine*. Неизвѣстный издатель говорилъ въ своемъ предисловіи, что, собирая нѣкогда безыскусственныя пѣсни полудикаго племени, онъ не думалъ ихъ обнародовать, но что потомъ, замѣтивъ распространяющійся вкусъ къ произведеніямъ иностраннымъ, особенно къ тѣмъ, которыя въ своихъ формахъ удаляются отъ классическихъ образцовъ, вспомнилъ онъ о собраніи своемъ, и по совѣту друзей, перевелъ нѣкоторыя изъ сихъ поэмъ, и проч. Сей неизвѣстный

собиратель былъ не кто иной, какъ Мериме, острый и оригинальный писатель, авторъ Театра Клары Газюль, Хроники временъ Карла IX, Двойной Ошибки, и другихъ произведеній, чрезвычайно замѣчательныхъ въ глубокомъ и жалкомъ упадкѣ нынѣшней Французской литературы. Поэтъ Мицкевичъ, критикъ зоркій и тонкій, и знатокъ въ Славенской поэзіи, не усомнился въ подлинности сихъ пѣсень, а какой-то ученый Нѣмецъ написалъ о нихъ пространную диссертацию.

Мнѣ очень хотѣлось знать, на чемъ основано изобрѣтеніе странныхъ сихъ пѣсень. С. А. С. по моей просьбѣ, писалъ о томъ къ Мериме, съ которымъ былъ онъ коротко знакомъ, и въ отвѣтъ получилъ слѣдующее письмо :

Paris. 18 Janvier, 1835.

Je croyais, Monsieur, que la Guzla n'avait eu que sept lecteurs, vous, moi et le prote compris; je vois avec bien du plaisir que j'en puis compter deux de plus ce qui forme un joli total de neuf et confirme le proverbe que nul n'est prophète en son pays. Je répondrai candidement à vos questions. La Guzla a été composée par moi pour deux motifs, dont le premier était de me moquer de la couleur locale dans laquelle nous nous jetions à plein collier vers l'an de grace 1827. Pour vous rendre compte de l'autre motif, je suis obligé de vous conter une histoire. En cette même année 1827, un de mes amis et moi nous avons formé le projet de faire un voyage en Italie. Nous étions devant une carte traçant au crayon notre itinéraire. Arrivés à Venise,

sur la carte s'entend, et ennuyés des Anglais et des Allemands que nous rencontrions, je proposai d'aller à Trieste, puis de là à Raguse. La proposition fut adoptée, mais nous étions fort légers d'argent et cette « douleur nompareille » comme dit Rabelais, nous arrêtait au milieu de nos plans. Je proposai alors d'écrire d'avance notre voyage, de le vendre à un libraire et d'employer le prix à voir si nous nous étions beaucoup trompés. Je demandai pour ma part à colliger les poésies populaires et à les traduire ; on me mit au défi, et le lendemain j'apportai à mon compagnon de voyage cinq ou six de ces traductions. Je passai l'automne à la campagne. On déjeunait à midi et je me levais à dix heures ; quand j'avais fumé un ou deux cigares, ne sachant que faire, avant que les femmes ne paraissent au salon, j'écrivais une ballade. Il en résulta un petit volume que je publiai en grand secret et qui mystifia deux ou trois personnes. Voici les sources où j'ai puisé cette couleur locale tant vantée : d'abord une petite brochure d'un consul de France à Bonialouka. J'en ai oublié le titre, l'analyse en serait facile. L'auteur cherche à prouver que les Bosniaques sont de fiers cochons, et il en donne d'assez bonnes raisons. Il cite par-ci par-là quelques mots illyriques pour faire parade de son savoir (il en savait peut-être autant que moi). J'ai recueilli ces mots avec soin et les ai mis dans mes notes. Puis j'avais lu le chapitre intitulé : *Dei costumi dei Morlachi*, dans le voyage en Dalmatie de Fortis. Il a donné le texte et la traduction de la

complainte de la femme de Hassan-Aga, qui est réellement illyrique; mais cette traduction était en vers. Je me donnai une peine infinie pour avoir une traduction littérale en comparant les mots du texte qui étaient répétés avec l'interprétation de l'abbé Fortis. A force de patience, j'obtins le mot à mot, mais j'étais embarrassé encore sur quelques points. Je m'adressai à un de mes amis qui sait le russe. Je lui lisais le texte en le prononçant à l'italienne, et il le comprit presque entièrement. Le bon fut, que Nodier qui avait déterré Fortis et la ballade de Hassan-Aga, et l'avait traduite sur la traduction poétique de l'abbé, en la poétisant encore dans sa prose, Nodier cria comme un aigle que je l'avais pillé. Le premier vers illyrique est :

Sto se bieli u *gorje zelenoi*

Fortis a traduit :

Che mai biancheggia nel verde *Bosco*.

Nodier a traduit *Bosco*, par *plaine verdoyante*; c'était mal tomber, car on me dit que *gorje* veut dire colline. Voilà mon histoire. Faites mes excuses à M. Pouchkine. Je suis fier et honteux à la fois de l'avoir attrapé, и проч.

I.

ВИДѢНІЕ КОРОЛЯ ¹.

Король ходитъ большими шагами
Взадъ и впередъ по палатамъ ;
Люди спятъ — Королю лишь не спится :
Короля Султанъ осаждаетъ,
Голову отсѣчь ему грозитъ
И въ Стамбуль отослать ее хочетъ.

Часто онъ подходитъ къ окошку :
Не услышитъ ли какого шума ?
Слышитъ, воеетъ ночная птица :
Она чуетъ бѣду неминучу ;

¹ Оома I былъ тайно умерщвленъ своими двумя сыновьями, Стефаномъ и Радивоемъ въ 1460 году. Стефанъ ему наследовалъ. Радивой, негодуя на брата за похищеніе власти, разгласилъ ужасную тайну и бѣжалъ въ Турцію къ Магомету II. Стефанъ, по внушенію Папскаго легата, рѣшился воевать съ Турками. Онъ былъ побѣжденъ и бѣжалъ въ Ключъ-городъ, гдѣ Магометъ осадилъ его. Захваченный въ плѣнъ, онъ не согласился принять Магометанскую вѣру, и съ него содрали кожу.

Скоро ей искать новой кровли
Для своихъ птенцовъ *) горемычныхъ.

Не сова воетъ въ Ключѣ-градѣ,
Не луна Ключѣ-городѣ озаряетъ,
Въ церкви Божіей гремятъ барабаны,
Вся свѣчами озарена церковь.

Но никто барабановъ не слышитъ,
Никто свѣта въ церкви Божіей не видитъ,
Лишь король то слышалъ и видѣлъ;
Изъ палатъ своихъ онъ выходитъ
И идетъ одинъ въ Божию церковь.

Сталъ на паперти, дверь отворяетъ....
Ужасомъ въ немъ замерло сердце;
Но великую творитъ онъ молитву,
И спокойно въ церковь Божию входитъ.

Тутъ онъ видитъ чудное видѣнье:
На помостѣ валяются трупы,
Между ними хлещетъ кровь ручьями
Какъ потоки осени дождливой.
Онъ идетъ, шагая черезъ трупы;
Кровь по щиколку ² ему достигаесть....

Горе! Въ церкви Турки и Татары
И предатели враги *Богумилы*. ³
На амвонѣ самъ Султанъ безбожный;

*) Въ Библ. для Чт. 1835: «птенять.»

² Щиколодка, по Московскому нарѣчію щиколка.

³ Такъ называютъ себя нѣкоторые Иллирійскіе раскольники.

Держитъ онъ наголо саблю ;
Кровь по саблѣ свѣжая струится
Съ вострія до самой рукояти.

Короля незапный обнялъ холодъ :
Тутъ же видитъ онъ отца и брата .
Предъ Султаномъ старикъ бѣдный справа,
Униженно стоя на колѣнахъ,
Подаетъ ему свою корону ;
Слѣва, также стоя на колѣнахъ,

Его сынъ, Радивой окаянный,
Бусурманскою чалмою покрытый,
(Съ тою самою веревкою, которой
Удавилъ онъ несчастнаго старца),
Край полы у Султана цѣлуетъ,
Какъ холопъ наказанный *фалангой*.⁴

И Султанъ безбожный, усмѣхаясь,
Взялъ корону, растопталъ ногами,
И промолвилъ потомъ Радивою :
«Будь надъ Босніей моею ты властелиномъ,
Для гяурь-христіянъ Беглербеемъ.»⁵
И отступникъ билъ челомъ Султану,
Трижды полъ окровавленный цѣлуя.

И Султанъ прислужниковъ кликнулъ,
И сказалъ : «Дать кафтанъ Радивою!»⁶

⁴ *Фаланга*, палочные удары по пятамъ.

⁵ Радивой никогда не имѣлъ этого сана, и всѣ члены королевскаго семейства истреблены были Султаномъ.

⁶ Кафтанъ, обыкновенный подарокъ Султановъ.

Не бархатный кафтанъ, не парчевой,
А содрать на кафтанъ Радивоя
Кожу съ брата его роднаго. »
Бусурмане на Короля наскочили,
До нага всего его раздѣли,
Ятаганомъ ему кожу вспороли,
Стали драть руками и зубами,
Обнажили и мясо и жилы,
И до самыхъ костей ободрали,
И одѣли кожею Радивоя.

Громко мученикъ Господу взмолился :
«Правъ ты, Боже, меня наказуя !
Плоть мою предай на растерзанье,
Лишь помилуй мнѣ душу, Иисусе !»

При семъ имени церковь задрожала,
Все внезапно утихнуло, померкло,
Все исчезло — будто не бывало.

И Король ощупью въ потемкахъ
Кое-какъ до двери добрался,
И съ молитвою на улицу вышелъ.

Было тихо. Съ високаго неба
Городъ бѣлый луна озаряла.
Вдругъ взвилась изъ-за города бомба, ⁷
И пошли бусурмане на приступъ.

⁷ Анахронисмъ.

II.

ЯНКО МАРНАВИЧЪ.

Что въ разъѣздахъ Бей Янко Марнавичъ?
Что ему дома не сидится?
Отчего двухъ ночей онъ сряду
Подъ одною кровлей не ночуетъ?
Али недруги его могучи?
Аль боится онъ кровомщенья?

Не боится Бей Янко Марнавичъ
Ни враговъ своихъ, ни кровомщенья,
Но онъ бродить, какъ гайдукъ бездомный,
Съ той поры, какъ Кирила умеръ.

Въ церкви Спаса они братовались,⁸
И были по Богу братья;
Но Кирила несчастливый умеръ
Отъ руки имъ избраннаго брата.

Веселое было пиrowанье,
Много пили меду и горѣлки;
Охмѣли, обезумѣли гости,
Два могучіе Бей побранились.

Янко выстрѣмилъ изъ своего пистоля,

⁸ Трогательный обычай *братованія*, у Сербовъ и другихъ западныхъ Славянъ, освящается духовными обрядами.

Но рука его пьяная дрожала :
Въ супротивника своего не попалъ онъ,
А попалъ онъ въ своего друга.
Съ того времени онъ тоскуя бродитъ,
Словно волъ, ужаленный зміею.

Наконецъ онъ на родину воротился,
И вошелъ въ церковь святаго Спаса.
Тамъ день цѣлый онъ молился Богу,
Горько плача и жалостно рыдая.
Ночью онъ пришелъ къ себѣ на домъ,
И отужиналъ со своей семьею,
Потомъ легъ и женѣ своей молвилъ :
«Посмотри, жена, ты въ окошко,
Видишь ли церковь Спаса отселѣ?»
Жена встала, въ окошко поглядѣла,
И сказала : «На дворѣ полночь,
За рѣкою густые туманы,
За туманомъ ничего не видно.»
Повернулся Янко Марнавичъ
И тихонько сталъ читать молитву.

Помолившись, онъ опять ей молвилъ :
«Посмотри, что ты видишь въ окошко?»
И жена, поглядѣвъ отвѣчала :
«Вижу, вонъ, малый огонечекъ
Чуть-чуть брежжетъ въ темнотѣ за рѣкою.»
Улыбнулся Янко Марнавичъ,
И опять сталъ тихонько молиться.

Помолясь, онъ опять женѣ молвилъ :
«Отвори-ка, женка, ты окошко,

Посмотри, что тамъ еще видно?»
 И жена, поглядѣвъ, отвѣчала :
 «Вижу я на рѣкѣ сіянье,
 Близится оно къ нашему дому.»
 Бей вздохнулъ, и съ постели свалился.
 Тутъ и смерть ему приключилась.

 III.
БИТВА У ЗЕНИЦЫ-ВЕЛИКОЙ ⁹.

Радивой поднялъ желтое знамя :
 Онъ идетъ войной на бусурмана ;
 А Далматы, завидя наше войско,
 Свои длинные усы закрутили,
 На бекрень надѣли свои шапки,
 И сказали : «Возьмите насъ съ собою : ¹⁰
 Мы хотимъ воевать бусурмановъ.»
 Радивой дружелюбно ихъ принялъ
 И сказалъ имъ : «милости просимъ!»
 Перешли мы заповѣдную рѣчку,
 Стали жечь Турецкія деревни,
 А жидовъ на деревьяхъ вѣшать. ¹¹

⁹ Неизвѣстно, къ какому происшествію относится эта пѣсня.

¹⁰ Потеря сраженія приписывается Далматамъ, ненавистнымъ для Влаховъ.

¹¹ Жиды въ Турецкихъ областяхъ суть вѣчные предметы гоненія и ненависти. Во время войны имъ доставалось отъ мусульманъ и христіанъ. Участъ ихъ, замѣчаетъ В. Скоттъ, походить на участъ летучей рыбы. — М.

Беглербей со своими Босняками
 Противъ насъ пришелъ изъ Банялуки; ¹²
 Но лишь только заржали ихъ кони,
 И на солнцѣ ихъ кривыя сабли
 Засверкали у Зеницы-Великой,
 Разбѣжались измѣнники Далматы;
 Окружили мы тогда Радивоя
 И сказали: «Господь Богъ поможетъ,
 Мы домой воротимся съ тобою,
 И расскажем эту битву нашимъ дѣтямъ.»
 Стали биться мы тогда жестоко:
 Всякъ изъ насъ троихъ воиновъ стоилъ;
 Кровью были покрыты наши сабли
 Съ острия до самой рукояти.
 Но когда черезъ рѣчку стали
 Тѣсной кучкою мы переправляться,
 Селихтаръ ¹³ съ крыла на насъ ударилъ
 Съ новымъ войскомъ, съ конницею свѣжей.
 Радивой сказалъ тогда намъ: «Дѣти,
 Слишкомъ много собакъ-бусурмановъ,
 Намъ управиться съ ними невозможно.
 Кто не раненъ, въ лѣсъ бѣги скорѣе,
 И спасайся тамъ отъ Селихтара.»
 Всѣхъ-то насъ оставалось двадцать. —
 Всѣ друзья, родные Радивою:
 Но и тутъ насъ пало девятнадцать.
 Закричалъ Георгій Радивою:
 «Ты садись, Радивой, поскорѣе
 На коня моего вороного;

¹² Банялука, прежняя столица Боснійскаго Пашалыка.

¹³ Селихтаръ, меченосецъ.

Черезъ рѣчку вплавь переправляйся,
 Конь тебя изъ погибели вымчить.»
 Радивой Георгія не послушалъ,
 На земь сѣлъ, поджавъ подъ себя ноги.
 Тутъ враги на него наскочили,
 Отрубили голову Радивою.

IV.

ТЕОДОРЪ И ЕЛЕНА.

.....

 «Стамати былъ старъ и безсиленъ,
 А Елена молода и проворна ;
 Она такъ-то его оттолкнула,
 Что ушелъ онъ , охая да хромая.
 «Подѣломъ тебѣ, старый безстыдникъ!
 Ай да баба, отдѣмалась славно!»

Вотъ Стамати сталъ думать думу :
 Какъ ему погубить бы Елену?
 Онъ къ жиду лиходѣю приходитъ,
 Отъ него онъ требуетъ совѣта.
 Жидъ сказалъ : « Ступай на кладбище,
 Отыщи подъ камнями жабу,
 И въ горшкѣ сюда принеси мнѣ.»

На кладбище приходитъ Стамати,
Отыскалъ подъ камнями жабу, ¹⁴
И въ горшкѣ жиду ее приносить.
Жидъ на жабу проливаетъ воду,
Нарекаетъ жабу Иваномъ
(Грѣхъ великъ Христіанское имя
Нареци такой поганой твари!)
Они жабу всю потомъ искололи,
И ее — ея жъ кровью напоили;
Напоивши, заставили жабу
Облизать поспѣлую сливу.

И Стамати мальчику молвилъ :
«Отнеси ты Еленѣ эту сливу,
Отъ моей племянницы въ подарокъ.»
Принесъ мальчикъ Еленѣ сливу,
А Елена тотчасъ ее съѣла.

Только съѣла поганую сливу,
Показалось бѣдной молодицѣ,
Что змія у ней въ животѣ шевелится.
Испугалась молодая Елена;
Она кликнула сестру свою меньшую.
Та ее молокомъ напоила,
Но змія въ животѣ все шевелилась.
Стала пухнуть прекрасная Елена,
Стали баить : Елена брюхата.
Каково-то будетъ ей отъ мужа,
Какъ воротится онъ изъ-за моря!
И Елена стыдится и плачетъ,

¹⁴ Всѣ народы почитали жабу ядовитымъ животнымъ.

И на улицу выйти не смѣетъ,
День сидитъ, ночью ей не спится.
Поминутно сестрицѣ повторяетъ :
«Что скажу я милому мужу?»

Круглый годъ проходитъ, и Феодоръ
Воротился на свою сторонку.
Вся деревня бѣжитъ къ нему навстрѣчу,
Всѣ его привѣтно поздравляютъ ;
Но въ толпѣ не видитъ онъ Елены,
Какъ ни ищетъ онъ ее глазами.
«Гдѣ жъ Елена?» наконецъ онъ молвилъ.
Кто смутился, а кто усмѣхнулся,
Но никто не отвѣчалъ ни слова.

Пришелъ онъ въ домъ свой — и видитъ :
На постелѣ сидитъ его Елена.
«Встань, Елена!» говоритъ Феодоръ.
Она встала, — онъ взглянулъ сурово.
«Господинъ ты мой, клянусь Богомъ
И пречистымъ именемъ Маріи,
Предъ тобою я невиновата :
Испортили меня злые люди.»

Но Феодоръ женѣ не повѣрилъ :
Онъ отсѣкъ ей голову по плечи.
Отсѣкши, онъ самъ себѣ молвилъ :
«Не сгублю я невиннаго младенца,
Изъ нее выну его живаго,
При себѣ воспитывать буду.
Я увижу, на кого онъ походить.»

Такъ навѣрно отца его узнаю
И убью своего злодѣя.»

Распоролъ онъ мертвое тѣло.
Что жъ! — На мѣсто милаго дитяти,
Онъ черную жабу находитъ.
Взвыль Θεодоръ: «горе мнѣ, убійцѣ!
Я сгубилъ Елену понапрасну:
Предо мною она была невинна,
А испортили ее злые люди.»

Поднялъ онъ голову Елены,
Сталъ ее цѣловать умиленно,
И мертвыя уста открылись,
Голова Елены провѣщала:
«Я невинна. Жидъ и старый Стамати
Черной жабой меня окормили.»
Тутъ опять уста ея сомкнулись,
И языкъ пересталъ шевелиться.

И Θεодоръ Стамати зарѣзалъ,
А жидъ убилъ какъ собаку,
И отпѣлъ по женѣ панихиду.

V.

ВЛАХЪ ВЪ ВЕНЕЦІИ ¹⁵.

Какъ покинула меня Парасковья,
И какъ я съ печали промотался,
Вотъ Далматъ пришелъ ко мнѣ лукавый :
«Ступай, Дмитрій, въ морской ты городъ,
Тамъ цехины что у насъ камня ;

«Тамъ солдаты въ шелковыхъ кафтанахъ,
И только что пьютъ да гуляютъ :
Скоро ты тамъ разбогатѣешь,
И воротишься въ шитомъ долиманѣ
Съ кинжаломъ на серебряной цѣпочкѣ.

«И тогда-то играй себѣ на гусяхъ ;
Красавицы побѣгутъ къ окошкамъ,
И подарками тебя закидаютъ.
Эй, послушайся ! отправляйся моремъ ;
Воротись когда разбогатѣешь. »
Я послушался лукаваго Далмата.
Вотъ живу въ этой мраморной лодкѣ,
Но мнѣ скучно, хлѣбъ ихъ мнѣ какъ камень,
Я неволенъ, какъ на привязи собака.

Надо мною женщины смѣются,
Когда слово я по нашему молвлю,

¹⁵ Мицкевичъ перевелъ и украсилъ эту пѣсню.

Наши здѣсь языкъ свой позабыли,
 Позабыли и нашъ родной обычай :
 Я завялъ какъ пересаженный кустикъ.

Какъ у насъ бывало кого встрѣчу,
 Слышу — «Здравствуй Димитрій Алексѣичъ!»
 Здѣсь не слышу добраго привѣта,
 Не дождуся ласковаго слова ;
 Здѣсь я точно бѣдная мурашка,
 Занесенная въ озеро бурей.

 VI.

ГАЙДУКЪ ХРИЗИЧЪ.

Въ пещерѣ, на острыхъ каменьяхъ
 Притаился храбрый Гайдукъ Хризичъ. ¹⁶
 Съ нимъ жена его Катерина,
 Съ нимъ его два милые сына ;
 Имъ нельзя изъ пещеры выйти :
 Стерегутъ ихъ недруги злые.
 Коли чуть они голову подымутъ,
 Въ нихъ прицѣлятся тотчасъ сорокъ ружей.
 Они три дня, три ночи не ѣли,
 Пили только воду дождевую,
 Накопленную во впадинѣ камня.

¹⁶ Гайдукъ , глава , начальникъ. Гайдуки не имѣютъ пристанища и живутъ разбоями.

На четвертый возшло красно—солнце,
И вода во впадинѣ изсякла.
Тогда молвила, вздохнувши, Катерина :
«Господь Богъ ! помилуй наши души !»
И упала мертвая на землю.
Хризичъ глядя на нее, не заплакалъ,
Сыновья плакать при немъ не смѣли ;
Они только очитирали,
Какъ отъ нихъ отворачивался Хризичъ.
Въ пятый день старшій сынъ обезумѣлъ,
Сталъ глядѣть онъ на мертвую мать,
Будто волкъ на спящую козу.
Его братъ, видя то, испугался ;
Закричалъ онъ старшему брату :
«Милый братъ ! не губи свою душу ;
Ты напейся горячей моей крови,
А умремъ мы голодною смертью ;
Станемъ мы выходить изъ могилы,
Кровь сосать нашихъ недруговъ спящихъ.»¹⁷
Хризичъ всталъ и промолвилъ : «Полно !
«Лучше пуля, чѣмъ голодъ и жажда.»
И всѣ трое со скалы въ долину
Сбѣжали какъ бѣшеные волки.
Семерыхъ убилъ изъ нихъ каждый,
Семью пулями каждый изъ нихъ прострѣленъ ;
Головы враги у нихъ отсѣкли
И на копыя свои насадили —
А и тутъ глядѣть на нихъ не смѣли :
Такъ имъ страшень былъ Хризичъ съ сыновьями.

¹⁷ Западные Славяне вѣрятъ существованію *упырей* (vampire).
См. пѣсню о *Маркѣ Якубовичѣ*.

VII.

ПОХОРОННАЯ ПѢСНЯ

ІАКИНОА МАГЛАНОВИЧА ¹⁸.

Съ Богомъ, въ дальнюю дорогу!
 Путь найдешь ты, слава Богу.
 Свѣтитъ мѣсяць; ночь ясна;
 Чарка выпита до дна. *)

*) Въ Библ. для Чт., т. IX, стр. 16 эта строфа и послѣдняя :

«Съ Богомъ, въ дальнюю дорогу!
 Съ Богомъ! нынѣ въ честь твою
 Помолясь усердно Богу,
 Кубокъ я прощальный пью.»

¹⁸ Мериме помѣстилъ, въ началѣ своей *Guzla*, извѣстіе о старомъ гуслярѣ Іакиноѣ Маглановичѣ; неизвѣстно, существовали ли онъ когда нибудь, но статья его біографа имѣетъ необыкновенную прелесть оригинальности и правдоподобія. Книга Мериме рѣдка, и читатели, думаю, съ удовольствіемъ найдутъ здѣсь жизнеописаніе Славянина-поэта.

NOTICE SUR HYACINTHE MAGLANOVICH.

Hyacinthe Maglanovich est le seul joueur de Guzla que j'ai vu, qui fût aussi poëte; car la plupart ne font que répéter d'anciennes chansons, ou tout au plus ne composent que des pastiches, en prenant vingt vers d'une ballade, autant d'une autre, et liant le tout au moyen de mauvais vers de leur façon.

Notre poëte est né à Zuonigrad, comme il le dit lui-même dans sa ballade intitulée : *l'Aubépine de Veliko*. Il était fils d'un cordonnier, et ses parens ne semblent pas s'être donné beaucoup de

Пуля легче лихорадки ;
Воленъ умеръ ты, какъ жилъ.
Врагъ твой мчался безъ оглядки ;
Но твой сынъ его убилъ.

mal pour son éducation, car il ne sait ni lire ni écrire. A l'âge de huit ans il fut enlevé par des *Tchingéchs* ou Bohémiens. Ces gens le menèrent en Bosnie, où ils lui apprirent leurs tours et le convertirent sans peine à l'islamisme, qu'ils professent pour la plupart *. Un *ayan* ou maire de Livno le tira de leurs mains et le prit à son service, où il passa quelques années.

Il avait quinze ans, quand un moine catholique réussit à le convertir au christianisme, au risque de se faire empaler s'il était découvert; car les Turcs n'encouragent point les travaux des missionnaires. Le jeune Hyacinthe n'eut pas de peine à se décider à quitter un maître assez dur, comme sont la plupart des Bosniaques; mais, en se sauvant de sa maison, il voulut tirer vengeance de ses mauvais traitemens. Profitant d'une nuit orageuse, il sortit de Livno, emportant une pelisse et le sabre de son maître, avec quelques sequins qu'il put dérober. Le moine qui l'avait rebaptisé l'accompagna dans sa fuite, que peut-être il avait conseillée.

De Livno à Scign en Dalmatie il n'y a qu'une douzaine de lieues. Les fugitifs s'y trouvèrent bientôt sous la protection du gouvernement vénitien et à l'abri des poursuites de l'ayan. Ce fut dans cette ville que Maglanovich fit sa première chanson: il célébra sa fuite dans une ballade qui trouva quelques admirateurs et qui commença sa réputation **.

Mais il était sans ressources d'ailleurs pour subsister, et la nature lui avait donné peu de goût pour le travail. Grâce à l'hospitalité morlaque, il vécut quelque temps de la charité des habitans

* Tous ces détails m'ont été donnés en 1817 par Maglanovich lui-même.

** J'ai fait de vains efforts pour me la procurer. Maglanovich lui-même l'avait oubliée, ou peut-être eut-il honte de me réciter son premier essai dans la poésie.

Вспоминай насъ за могилой,
 Коль сойдется какъ нибудь ;
 Отъ меня отцу, братъ милой,
 Поклониться не забудь !

des campagnes, payant son écot en chantant sur la guzla quelque vieille romance qu'il savait par cœur. Bientôt il en composa lui-même pour des mariages et des enterremens, et sut si bien se rendre nécessaire, qu'il n'y avait pas de bonne fête si Maglanovich et sa guzla n'en étaient pas.

Il vivait ainsi dans les environs du Scign, se souciant fort peu de ses parens, dont il ignore encore le destin, car il n'a jamais été à Zuonigrad depuis son enlèvement.

A vingt-cinq ans c'était un beau jeune homme, fort, adroit, bon chasseur, et de plus, poète et musicien célèbre; il était bien vu de tout le monde, et surtout des jeunes filles. Celle qu'il préférait, se nommait Marie et était fille d'un riche Morlaque, nommé Zlarinovich. Il gagna facilement son affection et, suivant la coutume, il l'enleva. Il avait pour rival une espèce de seigneur du pays, nommé Uglian, lequel eut connaissance de l'enlèvement projeté. Dans les mœurs illyriennes, l'amant dédaigné se console facilement et n'en fait pas plus mauvaise mine à son rival heureux; mais cet Uglian s'avisa d'être jaloux et voulut mettre obstacle au bonheur de Maglanovich. La nuit de l'enlèvement il parut, accompagné de deux de ses domestiques, au moment où Marie était déjà montée sur un cheval et prête à suivre son amant. Uglian leur cria de s'arrêter d'une voix menaçante. Les deux rivaux étaient armés suivant l'usage. Maglanovich tira le premier et tua le seigneur Uglian. S'il avait eu une famille, elle aurait épousé sa querelle, et il n'aurait pas quitté le pays pour si peu de chose; mais il était sans parens pour l'aider, et il restait seul exposé à la vengeance de toute la famille du mort. Il prit son parti promptement et s'enfuit avec sa femme dans les montagnes, où il s'associa avec des Heyduques *.

Il vécut longtemps avec eux, et même il fut blessé au visage

* Espèce de bandits.

Ты скажи ему, что рана
У меня ужъ зажила ;
Я здоровъ — и сына Яна
Мнѣ хозяйка родила.

dans une escarmouche avec les Pandours *. Enfin, ayant gagné quelque argent d'une manière assez peu honnête, je crois, il quitta les montagnes, acheta des bestiaux et vint s'établir dans le Kotar avec sa femme et quelques enfans. Sa maison est près de Smocovi h, sur le bord d'une petite rivière ou d'un torrent qui se jette dans le lac de Vrana. Sa femme et ses enfans s'occupent de leurs vaches et de leur petite ferme; mais lui est toujours en voyage: souvent il va voir ses anciens amis les Heyduques, sans toutefois prendre part à leur dangereux métier.

Je l'ai vu à Zara pour la première fois en 1816. Je parlais alors très-facilement l'illyrique, et je désirais beaucoup entendre un poète en réputation. Mon ami, l'estimable voivode Nicola **, avait rencontré à Biograd, où il demeure, Hyacinthe Maglanovich, qu'il connaissait déjà, et sachant qu'il allait à Zara, il lui donna une lettre pour moi. Il me disait que, si je voulais tirer quelque chose du joueur de guzla, il fallait lui faire boire; car il ne se sentait inspiré que lorsqu'il était à peu près ivre.

Hyacinthe avait alors près de soixante ans. C'est un grand homme, vert et robuste pour son âge, les épaules larges et le cou remarquablement gros; sa figure est prodigieusement basanée; ses yeux sont petits et un peu relevés du coin; son nez aquilin, assez enflammé par l'usage des liqueurs fortes, sa longue moustache blanche et ses gros sourcils noirs forment un ensemble que l'on oublie difficilement quand on l'a vu une fois. Ajoutez à cela une longue cicatrice qu'il porte sur le sourcil et sur une partie de la joue. Il est très-extraordinaire qu'il n'ait pas perdu l'œil en recevant cette blessure. Sa tête était rasée, suivant l'usage presque général, et il portait un bonnet d'agneau noir: ses vêtemens étaient assez vieux, mais encore très-propres.

En entrant dans ma chambre, il me donna la lettre du voivode

* Soldats de la police.

Дѣду въ честь онъ названъ Яномъ.
Умный мальчикъ у меня ;
Ужъ владѣеть ятаганомъ,
И стрѣляетъ изъ ружья.

et s'assit sans cérémonie. Quand j'eus fini de lire : vous parlez donc l'illyrique, me dit-il d'un air de doute assez méprisant. Je lui répondis sur-le-champ dans cette langue que je l'entendais assez bien pour pouvoir apprécier ses chansons qui m'avaient été extrêmement vantées. Bien, bien, dit-il; mais j'ai faim et soif: je chanterai quand je serai rassasié. Nous dînâmes ensemble. Il me semblait qu'il avait jeûné quatre jours au moins, tant il mangeait avec avidité. Suivant l'avis du voivode, j'eus soin de le faire boire, et mes amis, qui étaient venus nous tenir compagnie sur le bruit de son arrivée, remplissaient son verre à chaque instant. Nous espérions que quand cette faim et cette soif si extraordinaires seraient apaisées, notre homme voudrait bien nous faire entendre quelques-uns de ses chants. Mais notre attente fut bien trompée. Tout d'un coup il se leva de table, et se laissant tomber sur un tapis près du feu (nous étions en Décembre), il s'endormit en moins de cinq minutes, sans qu'il y eut moyen de le réveiller.

Je fus plus heureux une autre fois: j'eus soin de le faire boire seulement assez pour l'animer, et alors il nous chanta plusieurs des ballades que l'on trouvera dans ce recueil.

Sa voix a dû être fort belle; mais alors elle était un peu cassée. Quand il chantait sur sa guzla, ses yeux s'animaient et sa figure prenait une expression de beauté sauvage, qu'un peintre aimerait à exprimer sur la toile.

Il me quitta d'une façon étrange: il demeurait depuis cinq jours chez moi, quand un matin il sortit, et je l'attendis inutilement jusqu'au soir. J'appris qu'il avait quitté Zara pour retourner chez lui; mais en même temps je m'aperçus qu'il me manquait une paire de pistolets anglais qui, avant son départ précipité, étaient pendus dans ma chambre. Je dois dire à sa louange qu'il aurait pu emporter également ma bourse et une montre d'or qui valaient dix fois plus que les pistolets qu'il m'avait pris.

Дочь моя живетъ въ Лизгорѣ ;
Съ мужемъ ей нескучно тамъ.
Тваркѣ ушелъ давно ужъ въ море ;
Живъ иль нѣтъ — узнаешь самъ.

Съ Богомъ, въ дальнюю дорогу !
Путь найдешь ты, слава Богу.
Свѣтитъ мѣсяцъ ; ночь ясна ;
Чарка выпита до дна.

VIII.

МАРКО ЯКУБОВИЧЪ.

У воротъ сидѣлъ Марко Якубовичъ ;
Передъ нимъ сидѣла его Зоя,
А мальчишка ихъ игралъ у порогу.
По дорогѣ къ нимъ идетъ незнакомецъ,
Блѣденъ онъ и чуть ноги волочить,
Проситъ онъ напиться ради Бога.
Зоя встала и пошла за водою,
И прохожему вынесла ковшикъъ,
И прохожій до дна его выпилъ.

En 1817 je passai deux jours dans sa maison, où il me reçut avec toutes les marques de la joie la plus vive. Sa femme et tous ses enfans et petits-enfans me sautèrent au cou, et quand je le quittai, son fils aîné me servit de guide dans les montagnes pendant plusieurs jours, sans qu'il me fût possible de lui faire accepter quelque récompense.

Вотъ, напившись, говоритъ онъ Маркѣ :
«Это что подъ горою тамъ видно?»
Отвѣчаетъ Марко Якубовичъ :
«То кладбище наше родовое.»
Говоритъ незнакомый прохожій :
«Отдохать мнѣ на вашемъ кладбищѣ,
Потому что мнѣ жить ужъ недолго.»
Тутъ широкій развилъ онъ поясъ,
Кажетъ Марку кровавую рану.
«Три дня, молвилъ, ношу я подъ сердцемъ
Бусурмана свинцовую пулю.
Какъ умру, ты зарой мое тѣло
За горой, подъ зеленою ивой.
И со мною положи мою саблю,
Потому что я славный былъ воинъ.»

Поддержала Зоя незнакомца,
А Марко сталъ осматривать рану.
Вдругъ сказала молодая Зоя :
«Помоги мнѣ, Марко, я не въ силахъ
Поддержать гостя нашего долъ.»
Тутъ увидѣлъ Марко Якубовичъ,
Что прохожій на рукахъ ея умеръ.

Марко сѣлъ на коня вороного,
Взялъ съ собою мертвое тѣло,
И поѣхалъ съ нимъ на кладбище.
Тамъ глубокую вырыли могилу,
И съ молитвою мертвеца схоронили.
Вотъ проходитъ недѣля-другая,
Сталъ худѣть сыночикъ у Марка;
Пересталъ онъ бѣгать и рѣзвиться;

Все лежалъ на рогожѣ да охалъ.
Къ Якубовичу Калуеръ приходитъ —
Посмотрѣлъ на ребенка и молвилъ :
«Сынъ твой боленъ опасною болѣзною;
Посмотри на бѣлую его шею :
Видишь ты кровавую ранку? ¹⁹
Это зубъ Вурдалака, повѣрь мнѣ.»

Вся деревня за старцемъ Калуеромъ
Отправилась тотчасъ на кладбище ;
Тамъ могилу прохожаго разрыли,
Видятъ — трупъ румяный и свѣжій,
Ногти выросли какъ вороньи когти,
А лицо обросло бородою,
Алой кровью вымазаны губы,
Полна крови глубокая могила.
Бѣдный Марко коломъ замахнулся,
Но мертвецъ завизжалъ, и проворно
Изъ могилы въ лѣсъ бѣгомъ пустился.
Онъ бѣжалъ быстрѣе, чѣмъ лошадь,
Стремянами острыми язвима ;
И кусточки подъ нимъ такъ и гнулись,
А суки деревъ такъ и трещали,
Ломаясь какъ замерзлые прутья.

Калуеръ могильною землею ²⁰
Ребенка больнаго всего вытеръ,

¹⁹ Вурдалаки, Вудкодлаки, Упыри, мертвецы, выходящіе изъ своихъ могилъ и сосущіе кровь живыхъ людей.

²⁰ Лекарствомъ отъ укушенія Упыря служитъ земля, взятая изъ его могилы.

И весь день творилъ надъ нимъ молитвы.
На закатѣ краснаго солнца
Зоя мужу своему сказала :
«Помнишь? ровно тому двѣ недѣли,
Въ эту пору умеръ злой прохожій.»

Вдругъ собака громко завывла,
Отворилась дверь сама собою,
И вошелъ великанъ; наклонившись,
Сѣлъ онъ, ноги подъ себя поджавши,
Потолка головою касаясь.
Онъ на Марка глядѣлъ неподвижно,
Неподвижно глядѣлъ на него Марко,
Очарованъ ужаснымъ его взоромъ;
Но старикъ, молитвенникъ раскрывши,
Запалилъ кипарисную вѣтку,
И подулъ дымъ на великана.
И затрясся Вурдалакъ проклятый,
Въ двери бросился, и бѣжать пустился,
Будто волкъ охотникомъ гонимый.

На другіе сутки въ ту же пору
Песъ зааялъ, дверь отворилась,
И вошелъ человекъ незнакомый.
Былъ онъ ростомъ, какъ Цесарскій рекрутъ.
Сѣлъ онъ молча и сталъ глядѣть на Марка,
Но старикъ молитвой его прогналъ.

Въ третій день вошелъ карликъ малый —
Могъ бы онъ верхомъ сидѣть на крысѣ,
Но сверками у него злые глазки.

И старикъ въ третій разъ его прогналъ,
И съ тѣхъ поръ ужъ онъ не возвращался.

IX.

БОНАПАРТЪ И ЧЕРНОГОРЦЫ.

«Черногорцы? что такое?»
Бонапарте спросилъ :
Правда ль : это племя злое
Не боится нашихъ силъ?

Такъ раскаются жъ нахалы :
Объявить ихъ старшинамъ ,
Чтобы ружья и кинжалы
Всѣ несли къ моимъ ногамъ. »

Вотъ онъ шлетъ на насъ пѣхоту
Съ сотней пушекъ и мортиръ,
И своихъ Мамлюковъ роту,
И косматыхъ кирасиръ.

Намъ сдаваться нѣтъ охоты —
Черногорцы таковы!
Для коней и для пѣхоты
Камни есть у насъ и рвы....

Мы засѣли въ наши норы
И гостей незваныхъ ждемъ ;

Вотъ они вступили въ горы,
Истребляя все кругомъ.

.
.

Идутъ тѣсно подъ скалами.
Вдругъ смятеніе!... Глядятъ :
У себя надъ головами
Красныхъ шапокъ видятъ рядъ.

«Стой! пали! Пусть каждый сброситъ
Черногорца одного.
Здѣсь пощады врагъ не проситъ :
Не щадите жъ никого!»

Ружья грянули — упали
Шапки красныя съ шестовъ :
Мы подъ ними ницъ лежали,
Притаясь между кустовъ.

Дружнымъ залпомъ отвѣчали
Мы Французамъ : «Это что?»
Удивясь, они сказали :
«Эхо что-ли?» Нѣтъ, не то!

Ихъ полковникъ повалился
Съ нимъ сто двадцать человекъ.
Весь отрядъ его смутился,
Кто какъ могъ пустился въ бѣгъ.

И Французы ненавидятъ
Съ той поры нашъ вольный край,

И краснѣютъ, коль завидятъ
Шапку нашу невзначай.

X.

СОЛОВЕЙ.

Соловей мой, соловейко!
Птица малая лѣсная!
У тебя ль у малой птицы
Незамѣнныя три пѣсни;
У меня ли у молодца
Три великія заботы!
Какъ ужъ первая забота —
Рано молодца женили;
А вторая-то забота —
Воронъ конь мой притомился;
Какъ ужъ третья-то забота —
Красну дѣвицу со мною
Разлучили злые люди.
Выкопайте мнѣ могилу
Во полѣ, полѣ широкомъ,
Въ головахъ мнѣ посадите
Алы цвѣтики-цвѣточки,
А въ ногахъ мнѣ проведите
Чисту воду ключевую.
Пройдутъ мимо красны дѣвки,
Такъ сплетутъ себѣ вѣночки,

Пойдутъ мимо стары люди,
Такъ воды себѣ зачерпнуть.

XI.

ПѢСНЯ О ГЕОРГІИ ЧЕРНОМЪ.

Не два волка въ оврагѣ грызутся —
Отецъ съ сыномъ въ пещерѣ бранятся.
Старый Петро сына укоряетъ :
«Бунтовщикъ ты, злодѣй проклятый,
Не боишься ты Господа Бога :
Гдѣ тебѣ съ Султаномъ тягаться,
Воевать съ Бѣлградскимъ Пашею!
Аль о двухъ головахъ ты родился?
Пропадай ты себѣ, окаянный,
Да зачѣмъ ты всю Сербію губишь?»
Отвѣчаетъ Георгій угрюмо :
«Изъ ума, старикъ, видно, выжилъ,
Коли лаешь безумныя рѣчи.»
Старый Петро пуще осердился,
Пуще онъ бранится, бушуетъ.
Хочетъ онъ отправиться въ Бѣлградъ,
Туркамъ выдать ослушнаго сына,
Объявить убѣжище Сербовъ.
Онъ изъ темной пещеры выходитъ ;
Георгій старика догоняетъ :
«Воротися, отецъ, воротися!
«Отпусти мнѣ невольное слово.»

Старый Петро не слушаетъ, грозитъ :
«Вотъ ужо, разбойникъ, тебѣ будетъ!»
Сынъ ему впередъ забѣгаетъ,
Старику кланяется въ ноги.
Не взглянулъ на сына старый Петро.
Догоняетъ вновь его Георгій,
И хватаетъ за сивую косу.
«Воротись, ради Господа Бога :
Не введи ты меня въ искушенье!»
Отпихнулъ старикъ его сердито,
И пошелъ по Бѣлградской дорогѣ.
Горько, горько Георгій заплакалъ,
Пистолетъ изъ-за пояса вынулъ,
Взвелъ курокъ, да и выстрѣлилъ тутъ же.
Закричалъ Петро, зашатавшись :
«Помоги мнѣ, Георгій, я раненъ!»
И упалъ на дорогу бездыханенъ.
Сынъ бѣгомъ въ пещеру воротился ;
Его мать вышла ему навстрѣчу.
«Что, Георгій, куда дѣлся Петро?»
Отвѣчаетъ Георгій сурово :
«За обѣдомъ старикъ пьянъ напился,
И заснулъ на Бѣлградской дорогѣ.»²¹
Догадалась она, завопила :
«Будь же Богомъ проклятъ ты, черный,
Коль убилъ ты отца роднаго!»
Съ той поры Георгій Петровичъ
У людей прозывается Черный.

²¹ По другому преданію, Георгій сказалъ товарищамъ : старикъ мой умеръ ; возьмите его съ дороги.

XII.

ВОЕВОДА МИЛОШЪ.

Надъ Сербіей смилуйся Ты, Боже!
Заѣдаютъ насъ волки-Янычары!
Безъ вины намъ головы рѣжутъ,
Нашихъ женъ обижаютъ, позорятъ,
Сыновей въ неволю забираютъ,
Красныхъ дѣвокъ заставляють въ насмѣшку
Распѣвать зазорныя пѣсни
И плясать бусурманскія пляски.
Старики даже съ нами согласны:
Унимать насъ они перестали —
Ужъ и имъ нестерпимо насилье.
Гусляры насъ въ глаза укоряють :
«Долго ль вамъ мирволить Янычарамъ?
Долго ль вамъ терпѣть оплеухи?
Или вы ужъ не Сербы — Цыганы?
Или вы не мужчины — старухи?
Вы бросайте ваши бѣлые дома,
Уходите въ Велійское ущелье —
Тамъ гроза готовится на Турокъ,
Тамъ дружину свою собираетъ
Старый Сербинъ, воевода Милошъ.»

XIII.

ВУРДАЛАКЪ.

Трусовать былъ Ваня бѣдный :
Разъ онъ позднею порой
Весь въ поту, отъ страха блѣдный,
Черезъ кладбище шелъ домоѣ.

Бѣдный Ваня еле дышитъ ;
Спотыкаясь, чуть бредеть
По могиламъ ; вдругъ онъ слышитъ —
Кто-то кость, ворча, грызетъ.

Ваня сталъ — шагнуть не можетъ.
Боже ! думаетъ бѣднякъ,
Это вѣрно кости гложетъ
Красногубый Вурдалакъ.

Горе ! малый я несильный ;
Сѣсть Упырь меня совсѣмъ,
Если самъ земли могильной
Я съ молитвою не сѣмъ.

Что же? вмѣсто Вурдалака
(Вы представьте Вани злость!) —
Въ темнотѣ предъ нимъ собака
На могилѣ гложетъ кость.

XIV.

СЕСТРА И БРАТЯ ²².

Два дубочка выростали рядомъ,
Между ними тонковерхая елка ;
Не два дуба рядомъ выростали,
Жили вмѣстѣ два братца родные :
Одинъ Павелъ, а другой Радула,
А межъ ними сестра ихъ Елица.
Сестру братья любили всѣмъ сердцемъ,
Всякую ей оказывали милость ;
На послѣдокъ ей ножъ подарили
Золоченый, въ серебряной оправѣ.
Огорчилась молодая Павлиха
На золовку, стало ей завидно ;
Говоритъ она Радуловой любѣ :
«Невѣстушка, по Богу сестрица!
Не знаешь ли ты зеля такова,
Чтобъ сестра омерзѣла братьямъ?»
Отвѣчаетъ Радулова любя :
«По Богу сестра моя, невѣстка,
Я не знаю зеля такова ;
Хоть бы знала, тебѣ бъ не сказала ;
И меня братья мои любили,
И мнѣ всякую оказывали милость.»

²² Прекрасная эта поэма взята мною изъ собранія Сербскихъ пѣсень Вука Стефановича.

Вотъ пошла Павлиха къ водопою,
Да зарѣзала коня воронаго,
И сказала своему господину :
«Самъ себѣ на зло сестру ты любишь,
На бѣду даришь ей подарки :
Извела она коня воронаго.»
Сталъ Елицу допытывать Павелъ :
«За что это? скажи Бога ради.»
Сестра брату съ плачемъ отвѣчаетъ :
«Не я, братецъ — клянусь тебѣ жизнью,
Клянусь жизнью твоей и моею!»
Въ ту пору братъ сестрѣ повѣрилъ.
Вотъ Павлиха пошла въ садъ зеленый,
Сиваго сокола тамъ заколола,
И сказала своему господину :
«Самъ себѣ на зло сестру ты любишь,
На бѣду даришь ты ей подарки :
Вѣдь она сокола заколола.»
Сталъ Елицу допытывать Павелъ :
«За что это? скажи Бога ради.»
Сестра брату съ плачемъ отвѣчаетъ.
«Не я, братецъ — клянусь тебѣ жизнью,
Клянусь жизнью твоей и моею!»
И въ ту пору братъ сестрѣ повѣрилъ.
Вотъ Павлиха по вечеру поздно
Ножъ украла у своей золовки,
И ребенка своего заколола
Въ колыбелькѣ его золоченой ;
Рано утромъ къ мужу прибѣжала,
Громко воя и лице терзая ;
«Самъ себѣ на зло сестру ты любишь,
На бѣду даришь ты ей подарки :

Заколола у насъ она ребенка ;
А когда еще ты мнѣ не вѣришь,
Осмотри ты ножъ ея злаченый. »
Вскочилъ Павелъ какъ услышалъ это,
Побѣжалъ къ Елицѣ во свѣтлицу :
На перинѣ Елица почивала,
Въ головахъ ножъ висѣлъ злаченый,
Изъ ноженъ вынулъ его Павелъ —
Ножъ злаченый весь былъ окровавленъ.
Дернулъ онъ сестру за бѣлу руку :
«Ой, сестра, убей тебя Боже!
Извела ты коня воронаго,
И въ саду сокола заколола ;
Да за что ты зарѣзала ребенка?»
Сестра брату съ плачемъ отвѣчаетъ :
«Не я, братецъ, клянусь тебѣ жизнью,
Клянусь жизнью твоей и моею!
Коли жъ ты не вѣришь моей клятвѣ,
Выведи меня въ чистое поле,
Привяжи къ хвостамъ коней борзыхъ,
Пусть они мое бѣлое тѣло
Разорвутъ на четыре части.»
Въ ту пору братъ сестрѣ не повѣрилъ ;
Вывелъ онъ ее въ чистое поле,
Привязалъ ко хвостамъ коней борзыхъ,
И погналъ ихъ по чистому полю.
Гдѣ попала капля ея крови,
Выросли тамъ алые цвѣточки ;
Гдѣ осталось ея бѣлое тѣло,
Церковь тамъ надъ ней соорудилась.
Прошло малое послѣ того время,
Захворала молодая Павлиха ;

Девять лѣтъ Павлиха все хвораеть —
Выросла трава сквозь ея кости,
Въ той травѣ лютый змѣй гнѣздится,
Пьетъ ей очи, самъ уходитъ къ ночи.
Люто страждеть молада Павлиха;
Говоритъ она своему господину:
«Слышишь ли, господинъ ты мой, Павель,
Сведи меня къ золовкиной церкви,
У той церкви авось исцѣлюся.»
Онъ повель ея къ сестриной церкви,
И какъ были они уже близко,
Вдругъ изъ церкви услышали голось:
«Не входи, молодая Павлиха,
Здѣсь не будетъ тебѣ исцѣленья.»
Какъ услышала то молодая Павлиха,
Она молвила своему господину:
«Господинъ ты мой! прошу тебя Богомъ,
Не веди меня къ бѣлому дому,
А вяжи меня къ хвостамъ твоихъ коней,
И пусти ихъ по чистому полю.»
Своей любви послушался Павель,
Привязалъ ея къ хвостамъ своихъ коней,
И погналъ ихъ по чистому полю.
Гдѣ попала капля ея крови,
Выросли тамъ тернье да крапива;
Гдѣ осталось ея бѣлое тѣло,
На томъ мѣстѣ озеро провалило.
Воронъ конь по озеру выплываетъ,
За конемъ золоченая люлька,
На той люлкѣ сидитъ соколъ-птица,
Лежитъ въ люлкѣ маленькій мальчикъ:

Рука матери у него подъ горломъ,
Въ той рукѣ теткинъ ножъ золоченый.

 XV.
ЯНЫШЪ КОРОЛЕВИЧЪ ²³.

Полюбилъ королевичъ Янышъ
Молодую красавицу Елицу;
Любитъ онъ ее два красныя лѣта,
Въ третье лѣто вздумалъ онъ жениться
На Любусѣ, Чешской королевнѣ.
Съ прежней любой идетъ онъ проститься.
Ей приносить съ червонцами чересь,
Да гремучія серьги золотыя,
Да жемчужное тройное ожерелье;
Самъ ей вдѣлъ онъ серьги золотыя,
Навязалъ на шею ожерелье,
Далъ ей въ руки съ червонцами чересь,
Въ обѣ щеки поцѣловалъ молча,
И поѣхалъ своею дорогою.
Какъ одна осталася Елица,
Деньги на земь она пометала,
Изъ ушей выдернула серьги,
Ожерелье на-двое разорвала,
А сама кинулась въ Мораву.

²³ Пѣсня о Янышѣ-Королевичѣ въ подлинникѣ очень длинная и раздѣляется на нѣсколько частей. Я перевелъ первую, и то не всю.

Тамъ на днѣ молодая Елица
Водяною царицей очнулась,
И родила маленькую дочку,
И ее нарекла Водяницей.

Вотъ проходятъ три года и болѣ.
Королевичъ ѣздитъ на охотѣ,
Ѣздитъ онъ по берегу Моравы.
Захотѣлъ онъ коня воронова
Напоить студеною водою.
Но лишь только заѣнненную морду
Сунулъ конь въ студеною воду,
Изъ воды вдругъ высунулась ручка :
Хватъ коня за узду золотую !
Конь отдернулъ голову въ испугѣ,
На уздѣ виситъ Водяница,
Какъ на удѣ пойманная рыбка.
Конь кружится по чистому лугу,
Потрясая уздой золотою,
Но стряхнуть Водяницы не можетъ.
Чуть въ сѣдлѣ усидѣлъ королевичъ,
Чуть сдержалъ коня воронова,
Осадивъ могучею рукою.
На траву Водяница прыгнула.
Говоритъ ей Янышъ—королевичъ :
«Разскажи, какое ты творенье :
Женщина ль тебя породила,
Иль Богомъ проклятая Вила?»
Отвѣчаетъ ему Водяница :
«Родила меня молодая Елица,
Мой отецъ Янышъ—королевичъ,
А зовутъ меня Водяницей.»

**

Королевичъ при такомъ отвѣтѣ
Соскочилъ съ коня воронова,
Обнялъ дочь свою Водяницу,
И слезами заливаясь, молвилъ :
«Гдѣ, скажи, твоя мать — Елица ?
Я слыхалъ, что она потонула.»
Отвѣчаетъ ему Водяница :
«Мать моя царица водяная ;
Она властвуетъ надъ всѣми рѣками,
Надъ рѣками и надъ озерами ;
Лишь не властвуетъ она синимъ моремъ,
Синимъ моремъ властвуетъ Дивъ-Рыба.»
Водяницѣ молвилъ королевичъ :
«Такъ иди же къ водяной царицѣ,
И скажи ей : Янышъ-королевичъ
Ей поклонъ усердный посылаетъ,
И у ней свиданія проситъ
На зеленомъ берегу Моравы.
Завтра я заѣду за отвѣтомъ.»
Они послѣ того разстались.

Рано утромъ, чуть заря зардѣлась,
Королевичъ надъ рѣкою ходитъ ;
Вдругъ изъ рѣчки, по бѣлыя груди,
Поднялась царица водяная,
И сказала : «Янышъ-королевичъ !
У меня свиданія просилъ ты :
Говори, чего еще ты хочешь ?»
Какъ увидѣлъ онъ свою Елицу,
Разгорѣлись снова въ немъ желанья,
Сталъ манить ее къ себѣ на берегъ.
«Люба ты моя, млада Елица,

Выйдь ко мнѣ на зеленой берегъ,
Поцѣлуй меня по прежнему сладко,
По прежнему полюблю тебя крѣпко.»
Королевичу Елица не внимаетъ,
Не внимаетъ, головою киваетъ :
«Нѣтъ, не выйду, Янышъ—королевичъ,
Я къ тебѣ на зеленый берегъ ;
Слаще прежняго намъ не цѣловаться,
Крѣпче прежняго меня не полюбишь.
Разскажи—ка мнѣ лучше хорошенько,
Каково, счастливо ль поживаешь
Съ новой любовью, съ молодой женою ?»
Отвѣчаетъ Янышъ—королевичъ :
«Противъ солнышка луна не пригрѣтъ,
Противъ милой жена не утѣпитъ.»

XVI.

К О Н Ъ.

«Что ты ржешь, мой конь ретивый,
Что ты шею опустилъ ?
Не потряхиваешь гривой,
Не грызешь своихъ удилъ ?
Али я тебя не холю ?
Али ѣшь овса не въ волю ?
Али сбруя не красна ?
Аль поводья не шелковы,

Не серебряны подковы,
Не злачены стремяна?»

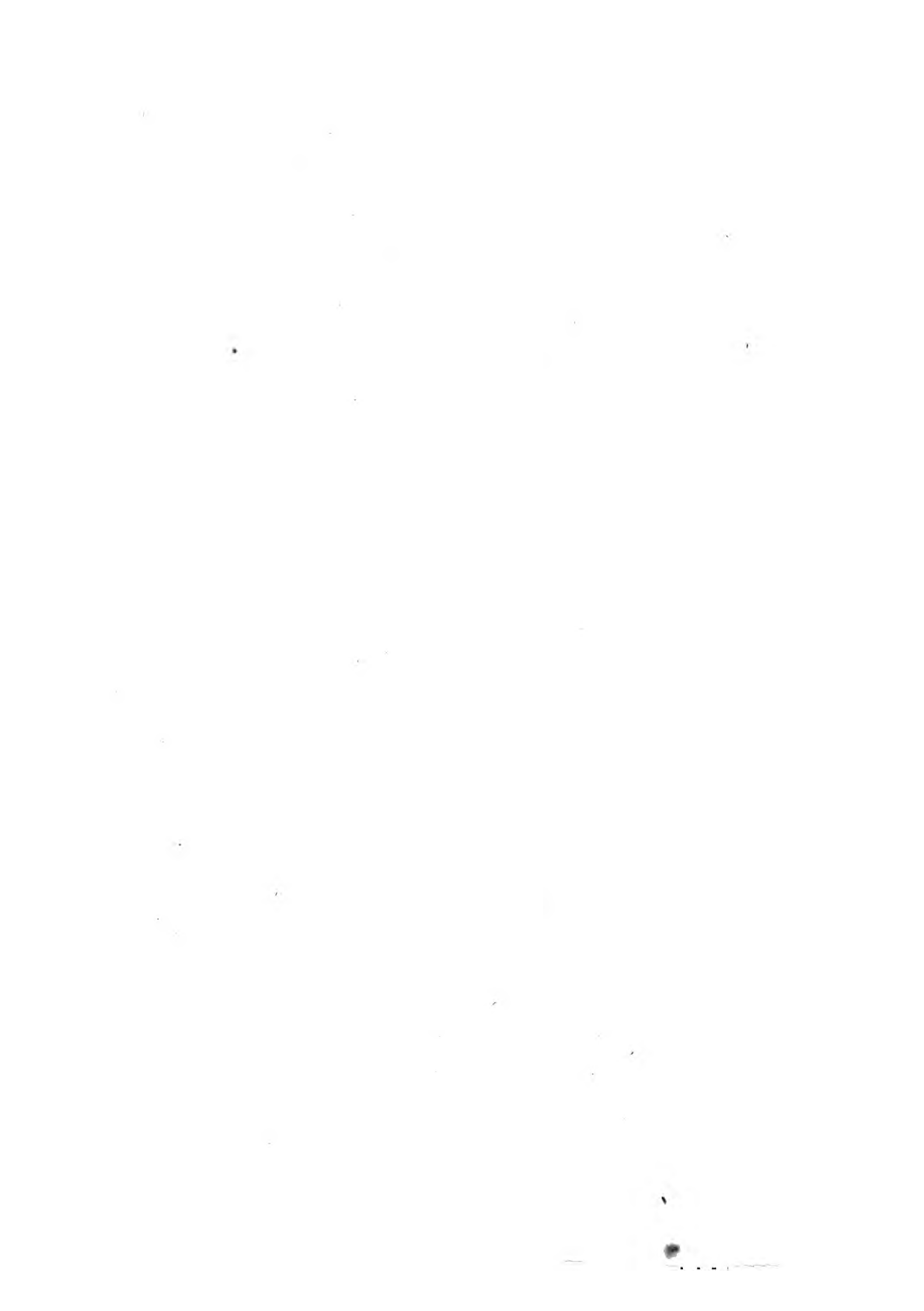
Отвѣчаетъ конь печальный :
— Отъ того я присмирѣлъ,
Что я слышу топотъ дальный,
Трубный звукъ и пѣнье стрѣлъ ;
Отъ того я ржу, что въ полѣ
Ужъ не долго мнѣ гулять,
Проживать въ красѣ и холѣ,
Свѣтлой сбруей щеголять ;
Что ужъ скоро врагъ суровый
Сбрую всю мою возьметъ,
И серебряны подковы
Съ легкихъ ногъ моихъ сдеретъ ;
Отъ того мой духъ и ноетъ
Что на мѣсто чапрака,
Кожей онъ твоей покроетъ
Мнѣ вспотѣвшіе бока.

XVII.

(ОТРЫВОКЪ.)

Что бльется на горъ зеленой?
Снѣгъ ли то, али лебеди бѣлы :
Былъ бы снѣгъ — онъ давно бѣ растаялъ,
Были бѣ лебеди — они бѣ улетѣли :

То не снѣгъ и не лебеди бѣлы.
А шатерь Аги Ассанъ—Аги :
Онъ лежитъ въ немъ весь израненъ.
Посѣтили его сестра и мать :
Его *люба* не пришла, застыдилася.
Какъ ему отъ боли стало легче,
Приказалъ онъ своей вѣрной женѣ :
Ты не жди меня въ моемъ бѣломъ домѣ,
Въ бѣломъ домѣ — ни во всемъ моемъ родѣ....

СОДЕРЖАНІЕ ВТОРАГО ТОМА.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ПОЭМЫ, СКАЗКИ, ЭПИЧЕСКІЕ ОТРЫВКИ И ПѢСНИ ЗАПАДНЫХЪ СЛАВЯНЪ.

ПОЭМЫ.

	СТР.
I. Русланъ и Людмила	3
II. Кавказскій Плѣнникъ	99
Первая мысль Кавказскаго Плѣнника	130
Приписки къ Кавказскому Плѣннику	132
III. Бахчисарайскій Фонтанъ	133
Отрывокъ изъ письма А. С. Пушкина къ Барону Дельвигу	153
IV. Братья Разбойники	155
Отрывки изъ Новгородской повѣсти: «Вадимъ»	164
V. Цыганы	171
Пропущенное мѣсто въ поэмѣ «Цыганы»	196
VI. Графъ Нулинъ	198
VII. Полтава	211
VIII. Домикъ въ Коломнѣ	269
Дополнительныя октавы къ повѣсти: «Домикъ въ Коломнѣ»	282
IX. Галубъ	287
X. Родословная моего героя	298
XI. Мѣдный Всадникъ	303
XII. Анджело	321

ПРОСТОНАРОДНЫЯ СКАЗКИ.

	СТР.
I. Женихъ	346
II. Сказка о царѣ Салтанѣ, о сынѣ его, славномъ и могучемъ богатырѣ князѣ Гвидонѣ Салтановичѣ и о прекрасной царевнѣ Лебеди	354
III. Сказка о купцѣ Кузьмѣ Остолопѣ и работникѣ его Балдѣ.	387
IV. Сказка о золотомъ пѣтушкѣ	394
V. Сказка о мертвой царевнѣ и о семи богатыряхъ	402
VI. Сказка о рыбацѣ и рыбкѣ	421

ЭПИЧЕСКІЕ ОТРЫВКИ.

(НЕИЗВѢСТНЫХЪ ГОДОВЪ.)

I. Альфонсъ.	429
II. Бова	431
III. Начало сказки	439
IV. «Какъ весенней теплой порой»	440
V. «Свать Иванъ, какъ пить мы станемъ»	443

ПѢСНИ ЗАПАДНЫХЪ СЛАВЯНЪ.

I. Видѣніе короля	449
II. Янко Марновичъ	453
III. Битва у Зеницы-Великой	455
IV. Феодоръ и Елена	457
V. Влахъ въ Венеціи.	461
VI. Гайдукъ Хризичъ.	462
VII. Похоронная пѣсня Іакинѳа Маглановича	464
VIII. Марко Якубовичъ.	469
IX. Бонапартъ и Черногорцы :	473
X. Соловей	475
XI. Пѣсня о Георгіи Черномъ.	476
XII. Воевода Милошъ	478
XIII. Вурдалакъ	479
XIV. Сестра и братья	480
XV. Янышъ королевичъ	484
XVI. Конь	487
XVII. (Отрывокъ).	488

783572

